

Олег Волков

Война на Свалке

В первый раз маленькой колонии удалось с успехом отбиться от Первого крейсерского флота метрополии. Но теперь на орбите Дайзен-2 завис Первый ударный флот, самая большая дубинка Федерации Мирема. А с ним не отдельная рота космических пехотинцев, а целая десантная дивизия с танками, боевыми машинами пехоты и самоходной артиллерией. Расклад сил совершенно другой.

Но, вопреки желанию амбициозного командующего флотом, маленькой победоносной войны не будет. У бунтовщиков было достаточно времени, чтобы подготовить достойный ответ метрополии. На мощь Первого ударного флота и Первой космической десантной дивизии колонисты ответили партизанской тактикой и войной на истощение.

Олег Волков

Война на Свалке

Глава 1. Эмигрант третьей категории

Серая дверь из дешёвого пластика словно крепостная стена отделяет душевую от камеры-накопителя. Кажется, что может быть проще, чем смыть с себя противную «слизь», обсушиться под потоком горячего воздуха, одеться и пройти в накопитель? Может быть и проще, но только не после ледяного анабиоза.

Ланал Краун, тридцатидесятилетний заключённый, невысокий и тощий, с дряблым животиком и мягкими ладошками, опираясь дрожащими руками о стену, медленно и осторожно прислонился к закрытой двери. Всего и нужно слегка надавить на неё, приоткрыть хотя бы на пару десятков сантиметров и протиснуться в широкую щель. Но! В животе урчит, голова гудит, резиновые ноги подгибаются на каждом шагу. Скользкие пальцы всё никак не могут упереться в пластиковую дверь.

Ланал налёг всем телом, поднатужился. Проклятая дверь едва-едва сдвинулась с мёртвой точки. Ещё немного! На лбу выступили капельки пота, ноги едва не проскользнули по гладкому полу. Поднажать! Наконец-то! Едва не падая, Ланал приоткрыл проклятую дверь и протиснулся через щель в камеру-накопитель.

Ух! Получилось. Сердце бешено стучит, руки безвольными плетями болтаются вдоль тела. Едва держась на ногах, Ланал оглянулся.

Да-а-а... Накопитель обставлен в лучших традициях суровой аскезы: двухэтажные стальные койки без подушек, одеял и матрасов выстроились вдоль центрального прохода. Минимум удобств и минимум расходов. Ланал, пошатываясь словно пьяный, добрёл до ближайшей свободной койки.

Какое счастье! Ланал ухватился левой рукой за спинку койки. Народу в накопителе совсем чуть-чуть. Великий Создатель избавил от необходимости топтать в дальний конец. После пробуждения, помывки и упрямой двери осталось пройти последнее самое серьёзное испытание — залезть на верхнюю койку.

Опираясь ногами о края нижних коек, хватаясь пальцами за стальную сетку, Ланал кое-как закинул тело на верхнюю койку.

Блаженство! Ланал, стараясь не делать резких движений, растянулся на железной койке. А зачем, собственно, залезал? Ланал тупо глянул вниз. Ведь нижняя, свободна.

Звенья стальной сетки упёрлись в спину, затылок и ягодицы. Скрип древней койки сверлит и без того гудящую от напряжения голову. Того и гляди развалится, зараза ржавая, от старости и ветхости. Зато, Ланал блаженно улыбнулся, горизонтальное положение принесло долгожданное облегчение. Трясущиеся руки обрели надёжную опору, холодный металл приятно остужает ладони. С натруженных ног как будто стекает расплавленный свинец.

Стараясь не шевелить головой, Ланал скосил глаза. Накопитель как накопитель, очередная ничем не примечательная тюремная камера. Зелёная краска на бетонных стенах облупилась и местами отвалилась большими кусками. Покрытые рыжей ржавчиной железные койки немилосердно скрипят при малейшем движении. Неужели аборигены настолько бедны, что не могут позволить хотя бы косметический ремонт? Неужели они не могут смазать хоть каким-нибудь маслом древние койки, покрасить стены и обновить потолок? Хотя, Ланал сощурился, выход из накопителя сделан на славу: массивная дверь сияет стальной полировкой, чёрным прямоугольником выделяется замок, а на потолке

сверкает недремлющий глаз видеокамеры. Ланал невесело усмехнулся. С таким же успехом аборигены могли закрыть выход из камеры на шпингалет. Это же Свалка! Бежать здесь просто некуда.

Боль раскалённой иглой кольнула в голову.

— О-о-оxxx, — тихо застонал Ланал.

Говорят, бывают счастливики, которые легко переносят ледяной анабиоз. Хотя... Ланал покосился на товарищей по несчастью, врут, наверно. Химический коктейль анабиозного раствора травит сердце, мозг и печень не хуже палёного самогона. Большинство поднятых из ледяного анабиоза людей чувствуют себя так, словно бухали без продыха целую неделю, а потом забыли опохмелиться. Впрочем, Ланал пробежал глазами по занятым койкам, некоторым заключённым ещё хуже.

Напротив, слева на нижней койке, лежит Аркада. Здоровенный парниша, накаченные бицепсы, живот словно стиральная доска, плечи плавно переходят в голову. В тюрьме, на Миреме, не дай бог задеть даже взглядом. А сейчас накаченный бык валяется на койке словно покойник: глаза на выкате, лицо бледное. Аркада съёжился, будто усох за время долгого путешествия через космос. В гроб и то краше кладут. Из анабиозной капсулы, поди, руками доставали.

В накопителе десятка два заключённых. Все как один в новеньких красных комбинезонах с унижительными штрих-кодами на спине. Тройка самых бойких шепчется в углу, остальные лежат пластом. Не только Аркада желает сдохнуть как можно быстрее. А так — скучно. Ничего интересного. Ланал уставился в грязно-белый потолок.

Неожиданно к горлу подступил горький ком. Накатила тоска. Первой же малюсенькой передышке в череде мучений вполне достаточно, чтобы вдруг осознать печальную истину — отныне и до конца дней своих он обречён прозябать на Дайзен-2, маленькой, никчёмной колонии в девятнадцати световых годах от родного дома, на печально известной Свалке, свалке человеческих душ. Глаза защипало, Ланал моргнул. По щеке скатилась горячая слезинка. Как же глупо получилось.

Угораздило же родиться в семье потомственных интеллигентов. Оба родителя до сих пор самозабвенно трудятся в Рантангском научно-исследовательском институте общей химии. Говорят, талантливые учёные. Наверно и в самом деле талантливые, раз природа решила отдохнуть на нём, на их сыне.

С раннего детства Ланал не отличался ни сильным умом, ни крепким телом. Родители лезли из кожи вон, старались во что бы то ни стало взрастить гения. Перестарались, наверное, ничего не получилось. Зато в вечном стремлении что-то сделать, чего-то добиться, кого-то там превзойти Ланал заработал комплекс неполноценности. Сделать хоть что-нибудь, добиться хоть чего-нибудь, ну или хотя бы просто стать лучшим учеником в классе и то не получилось.

В двадцать два года, с трудом закончив университет, Ланал получил диплом химика. Хорошо, что хоть сразу хватило ума сбежать из родного дома в другое полушарие Мирема, а то мать с отцом так и не оставили попыток порадовать человечество гением собственной выпечки. Родители упорно, всеми правдами и неправдами, угрозами и посулами, пытались затащить его в свой институт. Чтобы не умереть с голоду, Ланал устроился простым лаборантом на химическом заводе компании «Тарнсико».

Но! С бегством от родителей настоящие неприятности только начались. Личная жизнь так и не сложилась. Ниола, красавица жена, ушла от него, едва поняла, что Ланал не

унаследовал от родителей ни таланта, ни ума, ни даже упорства в достижении поставленных целей.

Это был тяжёлый удар. Жизнь вышвырнула его на обочину. Дальше — хуже. Немногочисленные подружки сразу же бросали его, едва и до них доходила серость и бесперспективность Ланала что на карьерном, что на финансовом поприще. Ни одна женщина так и не захотела связать с ним жизнь.

Ланал и раньше не отличался общительностью. Постоянные неудачи сделали его замкнутым и угрюмым. Как-то незаметно ему понравилось работать по ночам в заводской лаборатории в полном одиночестве, благо коллеги с удовольствием менялись с ним сменами. Но однажды Ланал всё таки нашёл свое призвание.

Тихая размеренная жизнь устраивает далеко не всех. Всегда найдутся любители острых ощущений: чтобы жизнь на волоске, чтобы башню сносило. Стимуляторы, допинги и прочие полулегальные препараты всегда пользовались повышенным спросом. Ну а коли есть спрос, почему бы не быт предложению? Однажды ночью, дрожа от страха и нервно поглядывая на запёртую дверь, Ланал синтезировал дергач — лёгкий стимулятор на основе кофеина. Вот гдегодились полученные в университете знания и работа в химической лаборатории.

Очень скоро к нему потянулись жаждущие острых ощущений и лёгких побед. К собственному удивлению и восторгу Ланал почувствовал себя нужным, уважаемым и всеми любимым человеком. К тому же завелись неплохие деньги. Ланал в прямом и переносном смысле расправил плечи и распрямил спину. Тогда же, из уст одного бойкого на язык покупателя, он получил прозвище Химик.

Через месяц Ланал понял, что можно жить совсем, совсем по-другому. Не обязательно к чему-то стремиться, чего-то добиваться, кого-то превосходить. Ничего не нужно доказывать ни папе, ни маме. Вполне достаточно довольствоваться тем, что есть. Неплохие, по меркам рядового гражданина, деньги не сделали его ни умней, ни привлекательней в глазах нормальных женщин. Последняя пассия сначала долго и упорно объяснялась в любви, а потом банально вытащила из тайника в полу гостиной предназначенные на продажу стимуляторы и удрала в ночь.

Оно, конечно, понятно: производство стимуляторов и допингов по ночам в заводской лаборатории балансирует на грани закона. Большинство препаратов можно достать легально, пусть и не в таких количества. Страх перед законом надёжно удерживал Ланала от производства более серьёзной дури, за которую могут посадить. Но любопытство оказалось сильнее.

Пресыщенные покупатели постоянно клянчили чего-нибудь по мощней, по прикольной, «шоб башню сносило», как выразился один из завсегдатаев. Страх перед неизбежным наказанием очень долго сдерживал Ланала, но... Однажды днём дьявольский соблазн всё же доконал его. Той же ночью, научного интереса ради, Ланал синтезировал печально известный психотропный наркотик с очень выразительным названием «Небо в клеточку», или НВК. Жалкие пять грамм разорвали его жизнь на две половинки.

Вот оно фатальное невезение: тем же утром Ланала арестовали. Вежливый до отвращения полицейский в тщательно отутюженной форме предъявил постановление на обыск. В бачке унитаза молодой сержантик нашёл те самые злосчастные пять граммов НВК.

Единственное, что ему могли предъявить — незаконное предпринимательство. Максимум, что грозило за найденные в подвале полулегальные стимуляторы и стероиды — пять лет лишения свободы на самом Миреме. И то, если бы судья явился на заседание с

жуткого похмелья, а присяжные все до одного страдали бы глухотой и слепотой. Но...

НВК — совершенно другая песня. Пусть обвинение не смогло доказать ни одного факта сбыта, а судья и присяжные чувствовали себя превосходно, Ланал получил два года тюрьмы и... принудительную эмиграцию на Свалку. Навсегда. Там, в зале суда, на скамье подсудимых, Ланал «умер».

Сколько прошло месяцев, а до сих пор кажется, если бы тогда удалось побороть дьявольское искушение, то вежливые полицейские так ничего бы и не нашли. Он ведь и в самом деле не собирался ни синтезировать, ни продавать НВК. Однако ни судья, ни присяжные ему не поверили.

Печальные воспоминания на время заглушили физическую боль. Ланал тяжело вздохнул. Впрочем, иногда нужно лишиться всего, растерять все силы и надежды, упасть духом и лицом в грязь, чтобы заново найти в себе силы встать на ноги и вновь обрести надежду.

Ещё на Миреме, ожидая отправки на Свалку, Ланал «воскрес». Не так давно казалось что хуже участи никчёмного лаборанта с серой внешностью и полнейшим отсутствием перспектив ничего быть не может. Но... Арест, суд и принудительная эмиграция доказали обратное — может быть, да ещё как.

Хватит! Ланал сжал кулаки. Хватит раздражать Великого Создателя слёзными жалобами на судьбу. А то ведь, не приведи господь, в очередной раз придётся убедиться, что принудительная эмиграция на свалку человеческих душ ещё не дно жизни. Как бы уже здесь, на Свалке, не нашлась яма по глубже и погрязнее. Второго шанса не будет. Ланал легонько стукнул кулаком по краю койки.

В конце концов он дипломированный химик. Может и паршивенький, но диплом, спасибо папе и маме, заслужил честно. Если подучиться, почитать умные книги, то можно стать хорошим и даже очень хорошим химиком. Главное отмотать срок, а там дальше видно будет. Как заявил Сапог, тюремный надзиратель на Миреме: при должном терпении и упорстве карьеру можно сделать и даже в аду. Ланал улыбнулся.

— Это что за безобразие!

Ланал вздрогнул от неожиданности. Железная кровать противно скрипнула.

В центральном проходе между койками скачет невзрачный мужичок с растрёпанными волосами, тонкими ручками и... совершенно голый. Заключённый подскочил к запертому выходу и, гневно тряся красными штанами, заорал благим матом:

— Где мой чемодан?! Я спрашиваю, где?! Я требую, чтобы о моём прибытии немедленно доложили губернатору! — псих от души пнул стальную дверь. — Я буду жаловаться!!!

Реакция нулевая. Полусфера видеонаблюдения над дверью равнодушно взирает на голого мужичка.

— Безобразие!!! Распустились тут, понимаешь! Я требую губернатора!!!

Голый псих ещё долго распинался перед запертой дверью, тряс красными штанами и требовал губернатора. Что за тип? Впрочем, Ланал отвернулся, какая разница. Псих он и на Чалосе псих. Говорят, не все новоявленные жители Свалки могут смириться с принудительной эмиграцией. Нередко те, кто не сумел повеситься в камере на Миреме, сводят счёты с жизнью уже здесь, на Свалке. Аборигены не жалуют эмигрантов третьей категории. Говорят, особо буйного заключённого сами могут в петлю засунуть.

Ждать, пока из анабиоза подымут всех заключённых, пришлось долго. С

монотонностью капающего крана, через каждые семь — десять минут хлопает дверь и в накопителе появляется очередной новоявленный житель Свалки. Ланал незаметно задремал.

На фоне сдавленных охов и стонов дверной замок щёлкнул, словно выстрелил. Ланал вышел из блаженного забытья. Так и есть: входная дверь раскрыта настежь. На пороге с гордым видом возвышается низкорослый крепыш. Коротко стриженные волосы торчком, кривой нос, пухлые щёчки, а на круглом личике такое строгое выражение. Такое... На местном тюремщике не привычная чёрная форма, а зелёный китель с кучей карманов, штаны с широким ремнём и высокие ботинки с обычными шнурками. Странно? Форма одежды для всех исправительных учреждений Федерации Мирема должна быть единой.

Местный тюремщик выразительно помахивает короткой дубинкой с петлей на чёрной ручке. Крепыш буквально упивается собственной важностью. Едва он вошёл в камеру, как к нему тут же подскочил тощий псих.

— Меня зовут Дисет Ришор! Вы слышите? Дисет Ришор! — псих всё же натянул тюремную робу и надел ботинки. — Я прислан с Мирема, чтобы возглавить Управление финансов. Я требую, чтобы мне немедленно вернули чемодан, а так же препроводили к губернатору. Я буду жаловаться!!! — от возбуждения псих перешёл на крик.

О-о-о! Ланал аж привстал на локтях. Голый псих на самом деле чиновник. Ну да, всё правильно: Министерство колоний отправляет своих чиновников управлять далёкими мирами. Но эмоциональная речь чиновника не произвела на аборигена никакого впечатления. Широко улыбаясь, крепыш в зелёном кителе смотрит на чиновника снизу вверх.

— Я требую!

В очередной раз провозгласил чиновник, но абориген лихо ткнул его дубинкой в живот.

— О-о-ох! — чиновник согнулся в три погибели.

Ни хрена себе! От удивления Ланал присел на койке и свесил ноги. За рукоприкладство можно запросто оказаться на Свалке. А, ну да, прости господи, местный надзиратель и так на Свалке.

— Пшёл вон! — абориген грубо оттолкнул чиновника. — А ну! Отбросы общества. Строиться!!!

Началось. Ланал осторожно спрыгнул на пол. Ступни тут же обожгло болью, словно на горячий песок прыгнул. Местные тюремщики ничем не отличаются от собратьев на Миреме: такие же закомплексованные психи и так же любят поорать. Зеки с кряхтением и оханьем поднялись с коек и кое-как выстроились вдоль прохода двумя кривыми шеренгами.

— Слушать сюда! — с важностью индюка, тюремщик неторопливо зашагал по проходу. — Меня зовут Тегав Индан. Можете не ломать свои куцые мозги. Ваши предшественники уже приклеили мне погоняло Индюк.

Ланал невольно улыбнулся. Точно индюк! Мелкий, но очень важный. Надулся, словно шарик. Того и гляди лопнет от собственной важности, если ещё раньше в суп не попадёт.

— Но! — Индюк дошёл до конца прохода и резко развернулся. — Для вас, свиньи, я утус Индан! Если хоть одна зараза обзовёт меня Индюком... — тюремщик остановился рядом с бугаем Аркадой, — Вышвырну на поверхность в одних портках без кислородной маски! С меня станется.

Серьёзная угроза, Ланал нахмурился. В атмосфере Свалки практически нет кислорода. Без дыхательного аппарата человек быстро задохнётся, если ещё раньше его не прикончит адская стужа или не изжарит адская жара.

— Пока вы там дрыхли, — Индюк выразительно ткнул дубинкой в потолок, — мы сбросили ненавистное иго метрополии. Отныне и навсегда Дайзен-2 независимая планета!

Что за бред! От удивления Ланал выпучил глаза.

— Не может быть! — испуганно ахнул тощий заключенный в шеренге напротив.

Индюк резко развернулся и нарочито медленно подошёл к тощему заключённому.

— Может, и ещё как, — концом дубинки Индюк приподнял подбородок заключённого. — Метрополия уже пыталась задушить нашу свободу, снова поработить нас. — Индюк развернулся вдоль прохода. — Вы слышали о Первом крейсерском флоте?

Ланал напряг память. Первый крейсерский... Ну конечно! Чтобы не гонять Первый ударный, самый большой и мощный флот Федерации, на разборку со всякими бунтующими колониями отправляют Первый крейсерский. Только... Ланал посмотрел на Индюка, настоящего бунта ещё не было. Ни разу.

— Так вот, — Индюк вновь неторопливо и важно шагает по проходу. — Первый крейсерский флот здесь уже был. Но мы вышвырнули его из нашей системы! Три сотни хвалёных космических пехотинцев уже нашли свою смерть на нашей планете!

Индюк во всю наслаждается произведённым эффектом, широченная улыбка раздвинула пухлые щёчки и дотянулась до ушей. Ланал понурил голову. То, что несёт этот низкорослый боров, слишком невероятно, чтобы быть ложью. На глазах сами собой навернулись слёзы.

— Метрополия послала вас к чёрту дважды. Первый раз, когда вышвырнула к нам на свалку человеческих душ. Второй, когда Первый крейсерский убрался восвояси, а вас бросил на произвол судьбы болтаться в своих анабиозных гробах на орбите.

Как урождённый садист, Индюк упорно добивает заключённых морально.

— Да! Да! Что уставились? Больше пяти лет вы болтались на орбите никому на хрен не нужным мусором! И болтались бы дальше, если бы нам не потребовались сверхпроводники и накопители большой ёмкости ваших ледяных гробов.

Индюк сияет от радости. Ланал несколько раз энергично сжал и разжал кулак. Так бы и врезал бы ему по жирной хारे! Больше вида физических страданий Индюку доставляет удовольствие наблюдать за душевными мучениями заключённых. Индюк и ему подобные — самый паршивый тип надзирателей.

— А теперь запомните самое главное! — Индюк демонстративно хлопнул дубинкой по раскрытой ладони. — Вы — никто! Ваши тощие задницы ничего не стоят! Только потому, что ваши мускулы могут принести хоть какую-то пользу, вам дарована жизнь. Но! — Индюк злорадно оскалился, — Это будет паршивая жизнь. Вы будете пахать, пахать и ещё раз пахать до самой своей смерти. Красные пески Дайзен-2 поглотят ваши бранные тела и жалкие души.

Зарубите себе на носу одно единственное правило: за малейшее неповиновение — смерть! Молите Великого Создателя, чтобы вас просто поставили к стенке и пристрелили. О-о-о! Это будет самая гуманная смерть. Лёгкая, как сон. А теперь!

— Витус Индан! — из противоположно шеренги выскочил тощий чиновник. — Но я же не осуждённый! Я же не нарушал закон! Я свободная личность!

— Один хрен, — Индюк засмеялся мелко и противно. — Можешь считать себя военнопленным. Федерация Мирема объявила нам войну и до сих пор не признала нашу независимость.

От отчаянья лицо чиновника вытянулось, челюсть отвисла, а руки безвольно повисли вдоль тела. Единственный военнопленный вот-вот громогласно разрыдается.

— Пшёл вон! — Индюк замахнулся дубинкой, чиновник в ужасе отшатнулся.

Ланал стрельнул глазами на право и на лево вдоль шеренг. Лица товарищей по несчастью выражают все оттенки негативных эмоций, начиная с ужаса в глазах чиновника, до удивлённого неверия заключённого напротив. Но все без исключения выглядят подавленными и глубоко несчастными людьми.

— А теперь, недоноски беременные, за мной! — Индюк вышел из камеры-накопителя. — Кто отстанет или вздумает рыпаться — первым отправится на поверхность. Бежать вам, паскуды, некуда.

На негнущихся ногах Ланал заковылял к выходу. Это, это, это невероятно! Много раз читал в фантастических романах о бунтах на далёких колониях. Но... Одно дело художественный вымысел, подчас очень даже правдоподобный, но всё равно вымысел, и совершенно другое... Неужели оно случилось на самом деле?

Колонии и раньше елозили, по телеку рассказывали. По мелочам, правда: вилами и топорами махали, мэрии и тюрьмы жгли. В какой-то дыре, говорят, губернатора грохнули. Но... чтобы бунтовать? Да ещё разгромить Первый крейсерский?

Боль толкнула в левое плечо, Ланала развернуло на месте. От волнения не заметил, как налетел на дверной косяк. В широком коридоре стоит несколько аборигенов в странных красных костюмах. Больше всего они похожи на сухопутных водолазов. Но... Превеликий Создатель. Ланал невольно отшатнулся. У каждого в руках... Неужели самое настоящее оружие? Длинный ствол с высокой мушкой, красный приклад и слегка изогнутая коробочка возле спускового крючка. На «Эммы», электромагнитные автоматы космических пехотинцев, не похожи, но... Точно оружие!

— Не отставать! — возглас Индюка ударил словно бич.

А, может, и в самом деле раз и навсегда покончить с этим бредом? Ланал украдкой бросил взгляд назад. Сухопутные водолазы молча шагают за заключёнными. Лица скрыты за непрозрачными забралами. Не прошло и пяти минут, как все планы, все мечты и все надежды на будущее опять рассыпались в прах. Пусть со свалки человеческих душ никто и никогда не возвращался, но на ней всё же жили обычные люди, такие же граждане Федерации. Не так давно заключённые, отмотав срок, всё же выходили на свободу. Говорят, некоторые из них очень даже недурно обустраивались. Главное хорошо работать и не злить аборигенов. Честный труд, он, того, вознаграждается. А что теперь?

А теперь впереди пустота и неизбежная смерть. Что там дальше за ближайшим поворотом? Индюк ни словом, ни полусловом не обмолвился хоть о будущем. Сколько кому дали лет не имеет ни малейшего значения. Чиновника, законопослушного гражданина, мелкий надзиратель не задумываясь обрёл на тяжкий труд и смерть. Может, их и в самом деле ведут на поверхность? Может у местных развлечение такое? Проклятый Индюк сделал самое гадкое, самое поганое, самое подлое, что только мог — убил надежду. Ланал снова украдкой бросил взгляд назад. Так... Может... Какой смысл тянуть?

Глава 2. Правительственный консультант

— И в завершении о погоде.

Сексапильная телеведущая, изящно покачивая бёдрами, отошла в сторону. На стене за её спиной появилась большая карта погоды. Красные круги антициклона накрыли восточное побережье материка Ларж.

— Завтра днём ожидается сухая, ясная погода, — быстро заговорила теледива. — Воздух прогреется...

Лирон Рекоу в раздражении бросил электронный блокнот на круглый столик возле кресла-качалки.

— Опять тишина, — в раздражении Рекоу откинулся на спинку кресла.

Старое кресло-качалка из натуральной древесины послушно качнулось назад и пронзительно скрипнуло. На дворе и без подсказки телеведущей царит великолепная погода. Всю ночь моросил противный осенний дождь, но к утру тучи рассеялись. Великолепная Гепола взошла на небосклон и согрела воздух. На календаре конец октября, землю вот-вот укроет первый снег. Ну а пока в столь чудный осенний денёк сам бог велел наслаждаться тишиной и покоем в любимом кресле-качалке на террасе собственного домика. Но злость и глухое недовольство всё равно терзают Лирона Рекоу, бывшего начальника тюрьмы Глот на далёкой Свалке.

Месяц. Скоро месяц, как из похода на Свалку вернулся Первый крейсерский флот. Само собой подразумевалось, что brave космические пехотинцы по-быстрому разгонят аборигенов по хатам, и на этом так называемый бунт на далёкой колонии закончится. Ан нет!

Едва прошло первое сообщение о возвращении Первого крейсерского, как планетарные СМИ дружно заткнулись. Ей богу! Как воды в рот набрали. Все без исключения телеканалы ведут себя так, будто жителей метрополии абсолютно не интересует, что там творится на далёкой Свалке, почему до сих пор нет победоносных реляций о восстановлении конституционного порядка на Дайзен-2, и почему адмиралы и прочие непричастные не красуются на телеэкранах с новенькими наградами на пышных мундирах. Ясно дело: СМИ молчат не по собственной воле, а по указке правительства.

Четвёртую неделю подряд Рекоу прилежно просматривает все выпуски новостей и... ничего. Тишина. В склепе на заброшенном кладбище новостей и то больше. Популярные телеведущие, сияя безукоризненными зубами, захлёб рассказывают о светских раутах, смакуют интимные подробности из жизни знаменитостей и выдают прогнозы о длине женских юбок в следующем сезоне. Вот и сейчас в одиннадцатичасовом выпуске бойкая на язык блондинка с наигранным восторгом поведала о новом сорте орхидеи, который кто-то там вывел где-то там и теперь многочисленные общества любителей цветов по всей планете писают от восторга. Рекоу печально посмотрел на валяющийся на круглом столике блокнот. Ещё неделя молчания и тогда гаджет точно закончит свои дни на каменных плитках красивой дорожки, что ведёт от калитки до крыльца дома.

Положив руки на широкие подлокотники, Рекоу принялся не спеша раскачиваться в кресле. Ни высоколобые чиновники, ни адмиралы с генералами при всём желании не могут вечно прятать шило в пустом мешке. Рано или поздно им всё равно придётся поведать широкой общественности, избирателям, Рекоу усмехнулся, о поражении Первого

крейсерского флота. А то, что впервые в новейшей истории федеральный флот потерпел самое настоящее поражение невозможно сомневаться после официального молчания четыре недели подряд. Быстрее всего, правительство пребывает в глубокой растерянности и до сих пор не решило, что же делать.

С улицы долетел визг тормозов, Рекоу лениво повернул голову. Возле забора остановился большой чёрный внедорожник с квадратными обводами кузова. Дружно хлопнув дверцами, наружу выбрались сурового вида мужики лет 30–40 в чёрных деловых костюмах и коротких причёсках. Узкие рукава едва скрывают накаченные бицепсы, а из-под полов добротных пиджаков выглядывают тёмные кобуры для пистолетов. Тот, что по выше и по старше, вытащил из кармана наладонник и с задумчивым видом уставился в маленький экран.

А-а-а!!! Козлы!!! Рекоу натужно засопел. Понадобилась вся сила воли, вся выдержка, какая только есть, что остаться сидеть в удобном кресле-качалке с безразличной миной на лице. А сделать это ох как не просто, когда грудную клетку буквально распирает от радости. До жути, до колик в ногах хочется вскочить и расхохотаться во всё горло. Подбежать к накаченным типам и ткнуть каждому в морду комбинацией из трёх выразительных пальцев. Рекоу вцепился в подлокотники кресла. Дай бог, правительственные агенты, а это именно они, не заметят двуличности и напряжённости в его позе.

Бегство со Свалки и возвращение на Мирем не прошло гладко. Если по меркам Дайзен-2 бывший начальник Глотки считался вполне обеспеченным человеком, то в дорожной метрополии накопленных сбережений едва хватило на скромный коттедж в относительно престижном жилом поясе Найдак — Запад 13, что тянется от города Найдак в западном направлении и упирается в восточный склон хребта Вунбат. Не будь в названии жилого пояса числа 13, то живописный вид горных склонов и величественных темно-зелёных елей влетел бы в очень круглый совирт. А так крупно повезло: залезать в ипотеку на пару десятков лет не пришлось.

Если супруга без проблем нашла работу в ближайшей больнице, а сын быстро освоился в новой школе, то с Апилией, старшей дочерью, возникли большие проблемы. Несколько месяцев она упорно не могла простить отцу коварное похищение со Свалки, но её можно понять. Какой бы жалкой и убогой не была свалка человечески душ, но Дайзен-2 её родина.

— Доброе утро, уважаемый, — тот, что повыше и постарше, остановился возле калитки. — Скажите, пожалуйста, вы — Лирон Коссанич Рекоу?

— Я, — отозвался Рекоу.

Собственный голос показался хриплым и натянутым, словно гитарная струна.

— Разрешите войти?

Точно правительственные агенты. Рекоу нервно сглотнул. Быть вежливыми и спрашивать разрешение им полагается по инструкции. Иначе они не имеют права вторгаться на частную территорию без разрешения владельца или постановления суда.

— Пожалуйста, — Рекоу нарочито небрежно махнул рукой.

— Утус Рекоу, — агент остановился возле террасы, — Витус Букнир, президент Федерации Мирема, приглашает вас на личную встречу. Если у вас нет возражений, то прямо сейчас.

Рекоу, не говоря ни слова, продолжает смотреть на незваного гостя.

— Федерации требуется ваша помощь, — правительственный агент вежлив до тошноты, но... подобным тоном сержант приказывает зелёному новобранцу отдраить туалет до

сверкающей чистоты или сделать сотню отжиманий. — Мы доставим вас прямо во Дворец.

— Хорошо, — Рекоу неторопливо поднялся из кресла. — Дайте мне пять минут.

Пяти минут и в самом деле вполне хватило бы, чтобы переодеться и сложить в дорожную сумку нехитрые пожитки. Но, потакая чувству собственного превосходства, Рекоу прокопался полчаса.

Ему всего 60, до пенсии почти 30 лет. Он вполне мог бы устроиться администратором в какую-нибудь фирму, главным надзирателем в тюрьму, или даже разносчиком свежеиспечённых пирожков. Однако Рекоу из принципа, из вредности, ушёл на пенсию, благо двадцатилетняя работа начальником тюрьмы в далёкой колонии легко позволили это сделать. На недоумённые вопросы знакомых и соседей Рекоу отвечал туманно и неопределённо: «Жду». И он действительно ждал. Ждал. Ждал. И дождался!

Надев лёгкие шорты и футболку с большими зелёными пальмами на груди, Рекоу украдкой выглянул в окно: нервничают правительственные агенты, нервничают. Тот, что помоложе и пониже ростом, эмоционально размахивает руками. Наверно предлагает побыстрому скрутить упрямого гражданина и запихать в багажник. Второй, постарше и посолидней, ведёт себя гораздо спокойней. Наверно объясняет молодому напарнику, что с рядовым избирателем нужно вести себя очень вежливо, но всё равно нет, нет, да и поглядывает то на дверь в дом, то на дверцу в багажник вместительного внедорожника. Рекоу развеселился.

Наконец, нацепив на голову панамку, Рекоу вышел на крыльцо. Это надо видеть! Лица агентов вытянулись от удивления. Думали, сволочи, что отставной чиновник натянет на себя самый лучший деловой костюм, повяжет на шею самый дорогой галстук, который только найдётся в его гардеробе, а руки по самые локти испачкает в чёрной ваксе. А вот и хрен вам! Рекоу гордо выпятил грудь и подобрал живот. Он специально оделся так, словно собрался на курорт. Пусть ноги в лёгких сандалиях немного мёрзнут, но это только пока.

На своём внедорожнике правительственные агенты привезли Рекоу на ближайший аэродром. Маленький пассажирский самолёт с шикарно отделанным салоном, сексапильной стюардессой и прохладительными напитками перенёс Рекоу через материк Ларж и далее через Бескрайний океан прямо в Пасму, столицу Федерации Мирема. Больше всего удивляет другое, Рекоу буквально прилип носом к иллюминатору от изумления: самолёт приземлился прямо на территории Правительственного дворца, в большом саду за главным комплексом.

Да-а-а... Рекоу поднялся с мягкого кресла. Значит, президент Федерации не просто хочет встретиться с бывшим начальником тюрьмы Глот, а жаждет увидеть его как можно быстрее. После тщательного обыска и нескольких постов охраны, Рекоу провели в одну из комнат дворца и велели ждать.

Широко улыбаясь, Рекоу присел на небольшой диванчик и с наслаждением вытянул ноги. Не зря оделся как на курорт. Это в Найдак — Запад 13 поздняя осень и вот-вот выпадет снег, а в Пасме жаркое лето. Столица Федерации находится на большом тропическом острове Сонпан чуть ли не на экваторе. Едва Рекоу вышел из самолета, как жаркий и влажный тропический воздух окутал его, словно мокрое ватное одеяло.

Рекоу с огромным интересом посмотрел по сторонам. Для места сосредоточения верховной власти огромного космического государства обстановка более чем скромная. Высокий потолок с лепниной, стены приятного светло-жёлтого цвета, на окнах обычные жалюзи, а из мебели четыре диванчика, пара стульев возле овального столика и всё. Такое впечатление, будто находишься не в Правительственном дворце, а в офисе какой-нибудь

фирмы средней руки. Наверно это приёмная не для самых именитых посетителей. Кабинеты и залы Правительственного дворца часто показывают по телевизору, но вот именно эта комната не мелькала на экране ни разу.

Остаётся терпеливо ждать, Рекоу устроился по удобней. Чем крупнее начальник, тем больше ему нужно времени, чтобы торжественно предстать перед просителем. Вон! Рекоу наклонил голову на бок. Дверь в стене по левую руку очень даже подходит для появления президента: высокая, двухстворчатая, с резным орнаментом на тёмной древесине. Наверняка очень старая, тяжёлая и стоит кучу денег.

Однако не прошло и двух минут, как двухстворчатая дверь широко распахнулась. Рекоу вскочил на ноги. Вслед за гориллоподобными телохранителями в штатском, в комнату вошёл президент Федерации Мирема со свитой.

Президента Федерации тысячу раз показывали по телевизору. Но! Одно дело наблюдать за первым лицом на экране и совершенно другое столкнуться с ним нос к носу. Рекоу, словно солдат на посту, вытянулся и поправил шорты. Нужно было всё таки одеть самый лучший деловой костюм и повязать на шею самый дорогой галстук.

Для своих семидесяти лет витус Букнир выглядит потрясающе: высокий статный красавец с мужественным лицом и выразительными глазами. Деловой костюм идеально подогнан по фигуре, на рукавах золотые запонки. А как же иначе? Рекоу залюбовался президентом. Целая армия косметологов, диетологов, тренеров и стилистов самым тщательным образом следят за первым лицом Федерации Мирема и делают всё, чтобы это самое лицо не брали ни возраст, ни солидная административная нагрузка, ни высококалорийные конфеты и булочки.

За президентом маячат два высокопоставленных чиновника. Тот, что слева, витус Мегар Рант, министр колоний собственной персоной. А тот, что справа, более солидный и коренастый, Игеж Ропин, министр обороны. Рекоу едва не поморщился от разочарования: разговор с президентом приватным не будет. А жаль.

— Добрый день, утус Рекоу, — мягким голос произнёс президент.

Рекоу, словно во сне, пожал протянутую руку.

— Спасибо, что приняли моё приглашение.

Президент говорит величественно и немного высокопарно. Нужно сказать хоть что-нибудь в ответ, но во рту пересохло, а ноги намертво приросли к мраморному полу. Рекоу вымученно кивнул. Что подделаешь: далеко не каждый день приходится здороваться за руку с первым лицом государства.

— Прежде, чем перейти к делу, позвольте вам кое-что показать.

Витус Букнир быстрыми шагами пересёк приёмную. Телохранители ловко распахнули перед главой государства двери напротив. Рекоу так бы и остался стоять на месте в жуткой растерянности, если бы министр колоний походя не подтолкнул его к более активным действиям.

В соседней комнате небольшая экспозиция древнего оружия, Рекоу замер от удивления на пороге. Слева небольшая пушка. Станины разведены в боевом положении, а ствол с непонятным расширением на конце смотрит в потолок. Никакой электроники, ну или хотя бы простейшего лазерного прицела. Голая механика с ручками, рычагами и колёсиками наводки. Рядом с колесом несколько боеприпасов: примитивные стальные снаряды с острыми наконечниками вставлены в так называемые гильзы с зарядом пороха.

На широком столе разложено вооружение пехотинцев. Рекоу подошёл ближе. Очень

даже интересно! Не смотря на явный анахронизм, пороховой пулемёт выглядит очень даже солидно: длинный чёрный ствол с обычной мушкой, к подствольной коробке приделан стальной ящичек с патронами, большой приклад опирается на стол. И снова голый металл, никакой электроники.

Древний реактивный гранатомёт больше всего похож на канализационную трубу. На конце раструб для выхода реактивных газов, простой оптический прицел, пистолетная рукоятка и прикрытый стальной дужкой спусковой крючок. Реактивная граната похожа на толстый наконечник копья — очень даже опасная штука. Полтора а то два килограмма взрывчатки запросто порвут бронескафандр пехотинца и разнесут на части «Муравья».

Карманная артиллерия представлена пятью чугунными шариками с ребристыми боками. И снова никакой электроники, простые химические запалы с ручками и стальными кольцами предохранителей.

Противотанковые мины больше похожи на толстые блины. Не совсем оружие пехотинцев, но... эти блинчики вполне могут представлять опасность даже для современных танков и БМП. По крайней мере, не видно железных частей, обычный металлоискатель их вряд ли найдёт.

А это несомненно гвоздь коллекции, Рекоу взял со стола пороховой автомат. Охранники возле президента недовольно заёрзали.

По конструкции автомат очень похож на пулемёт, даже калибр один и тот же, только меньше размерами. Вместо стального ящичка с патронами слегка изогнутый магазин. Подствольная коробка и приклад те же самые, только ствол короче. А ещё под стволом установлен так называемый подствольный гранатомёт.

Рекоу так и сяк повертел в руках архаичное оружие. Президент и министры терпеливо ждут. А чего ждут? Непонятно. Впрочем! Рекоу провёл пальцами по прикладу, пороховой автомат очень похож на оружие Последней мировой войны, но... Что-то в нём не так.

— Господи, — тихо воскликнул Рекоу.

Словно в первый раз, совершенно другими глазами, Рекоу глянул на маленькую экспозицию. Пороховое оружие времён Последней мировой войны обычно красили в зелёный, тёмно-зелёный или песочный цвет. Часто его оставляли чёрным. Тогда как приклады, рукоятки и стальная коробка для патронов разложенного на широком столе оружия покрыты тёмно-красной эмалью. И ещё несколько очень важных особенностей.

Бронебойный щиток пушки пересекает цепочка круглых вмятин, а левое колесо изогнуто винтом и, к тому же, спущенное. Такое впечатление, будто по нему с размаху долбанули кузнечным молотом. На прикладе автомата пальцы нащупали глубокую вмятину. Блины противотанковых мин словно опудрены пылью и, к тому же, покрыты сеткой мелких царапин.

Вот оно что! В отличие от музейных экспонатов, выставленное оружие гораздо, гораздо моложе. Развеялись последние сомнения.

— Трофеи, — Рекоу повернулся к президенту. — Это не пороховое оружие глубокой древности, а трофеи, которые Первый крейсерский привёз со Свалки. Я прав?

Не дожидаясь ответа, Рекоу продолжил.

— Гениально! Когда космические пехотинцы высадились на Свалке, аборигены встретили их этим, — Рекоу выразительно потряс автоматом. — Пороховое оружие... Кто бы мог подумать: анахронизм, никакой электроники, никаких сверхпроводников. В этом вся соль: промышленных мощностей Свалки вполне хватило, чтобы в кратчайшие сроки

нашгамповать горы автоматов, пулемётов, гранатомётов, мин и даже пушек. И это сработало: космические пехотинцы так и не сумели подавать бунт на Свалке, а контр-адмирал Виман не решился превратить кратер Финдос в радиоактивную пустыню. Или всё же решился?

Министр обороны сморщил нос, словно ему закапали сок зелёного лимона, а министр колоний сдержанно улыбнулся.

— Да, вы абсолютно правы, — президент кивнул. — Я рад, что мои помощники не ошиблись характеризуя вас. Но, давайте пройдем в Каминную гостиную. Нам предстоит долгий разговор.

В Каминной гостиной и в самом деле нашёлся камин. Причём не бутафорский из алюминиевого очага с электрической подсветкой, а самый настоящий. Под серой прокалённой решёткой лежит тонкий слой пепла. В углу, между высокими окнами, стоит широкий угловой диван, низенький столик и пара чёрных кресел.

— Прошу вас.

Президент сел в кресло и показал рукой на соседнее. Министрам пришлось довольствоваться диваном. Помощники и телохранители остались стоят.

— Вынужден признать: мы не смогли вовремя оценить ситуацию и взять её под контроль, — произнёс витус Букнир. — Информация о возвращении Первого крейсерского флота прошла по всем каналам СМИ, но никто и подумать не мог, что бунт на Дайзен-2 не подавлен, — президент выстрелил глазами в сторону министра обороны. — Не удивительно, что правительство и генштаб немного растерялись.

Рекоу тактично промолчал. Как истинный политик с многолетним стажем президент умеет смягчать формулировки.

— Да, мы не можем отрицать печальный факт: бунтовщики на Дайзен-2 настроены решительно. Кроме того, они очень хорошо подготовились. У Первого крейсерского не хватило сил и возможностей, чтобы решительно и в кратчайший срок, без применения ядерного оружия, разумеется, подавить бунт. Да и что могла сделать всего одна рота космических пехотинцев численностью в двести человек против двух миллионов.

Президент говорит так, словно оправдывается. Или репетирует выступление перед нацией? Наверняка эти же самые обтекаемые слова и фразы в самое ближайшее время услышат миллиарды жителей Мирема.

— Вчера, после долгих и продолжительных дебатов, правительство приняло решение послать на Дайзен-2 Первый ударный флот для восстановления в колонии конституционного порядка.

Невероятно! От удивления Рекоу едва не стёк на пол. Правительство решило пустить в ход самую большую дубинку, которая только есть в его распоряжении. Это же... Как грецкие орех... Кувалдой... С размаха. Один необдуманый приказ, и... Рекоу потрянул головой. Видать, дела на Свалке совсем из рук вон.

— Мы предлагаем вам должность правительственного консультанта при командовании флота, — витус Букнир наконец-то добрался до самого главного. — У вас будет тот же уровень доступа к информации, что и у самого командующего флотом.

Рекоу напрягся и вцепился в подлокотники кресла мёртвой хваткой. Лицо окаменело, ноги упёрлись в пол, но.... стиснутая улыбка превосходства всё равно растянула губы от уха до уха.

Наконец-то! Правительство всё же вспомнило о нём. Президент на личную аудиенцию

вызвал, помощи просит. Рекоу тяжело задышал, щёки запылали жаром. Вот почему он так и не устроился на работу, а предпочёл отсиживаться на пенсии. Дождался! Дождался! Проклятая улыбка рвёт лицо пополам.

Витус Букнир тактично умолчал о самом главном: из всего восьмимиллиардного населения Мирема он единственный, кто знает Свалку не понаслышке, не по сухим отчётам сосланных чиновников, не по байкам пилотов транспортников, которые пуце огня боятся ступить на поверхность планеты, а по собственном горькому опыту. Он единственный за последний век, кто вернулся в метрополию после двадцати лет службы. Других кандидатов на пост правительственного консультанта при командовании Первого ударного флота просто нет.

Тянуть с ответом неприлично. Рекоу прочистил горло:

— Конечно, витус Букнир, я прекрасно осознаю важность предлагаемой мне должности и охотно принимаю её. Но! — Рекоу резко поднял указательный палец. — Только при выполнении двух очень важных для меня лично условий. Разрешите предупредить: на их неукоснительном исполнении я буду настаивать со всей категоричностью.

Министр колоний тут же нахмурился, зато министр обороны заметно повеселел. Выражение лица президента не изменилось.

— Во-первых, — осторожно подбирая слова, заговорил Рекоу. — В качестве вознаграждения за мои услуги я прошу миллион виртов на мой счёт чистыми. То есть без каких-либо налогов, отчислений и прочих вычетов. Ровно миллион.

— Почему так дорого! — витус Рант от возмущения едва не запрыгнул на столик. — Это же... Это же... Слишком много!

Министр колоний пылает праведным гневом. Наверно расходы на правительственного консультанта лягут на бюджет его министерства.

— А вы поищите кого подешевле! — не выдержал Рекоу.

Злорадство и сарказм, что так долго копились в душе, выплеснулись наружу.

— Каково второе условие? — веский голос президента на корню погасил словесную перепалку.

Министр колоний тут же смолк. Рекоу с трудом взял себя в руки и произнёс:

— Во-вторых, в течении всей компании по восстановлению конституционного порядка на Дайзен-2 я буду находиться на борту космического корабля. Прошу и настаиваю записать в условиях договора, что никто и никогда и ни при каких обстоятельствах не имеет права требовать от меня спуститься на поверхность Дайзен-2.

— Проклятие Свалки, — президент чуть заметно кивнул.

— Да, оно самое, — легко согласился Рекоу. — Один раз Свалка отпустила меня. Дёргать судьбу за хвост второй раз я не хочу.

Витус Букнир не зря занимает самый высокий пост в Федерации Мирема. Ни насмешек ни понимающей улыбки с его стороны так и не последовало. Зато министр колоний опять вскочил на ноги.

— Витус Букнир, — словно стреляя из пулемёта, заговорил министр, — Я считаю, что утус Рекоу требует оплату, которая не соответствует его профессиональной ценности. В нашем распоряжении находится доклад утуса Кассена Откена, последнего начальника тюрьмы Глот.

Утус Кассен Откен крайне нелицеприятно отзываясь о работе утуса Рекоу на посту начальника тюрьмы. Приняв должность, утус Откен выявил многочисленные нарушения

режима охраны и содержания заключённых. Одно только существование теневой администрации тюрьмы среди заключённых является вопиющим упущением и даже откровенной халатностью утуса Рекоу. Из отчёта утуса Откена можно сделать вывод, что бунт заключённых произошёл в том числе и по вине утуса Рекоу.

Рекоу, слушая эмоциональную речь министра колоний, держался из последних сил. Но всё равно не выдержал и громогласно расхохотался.

— На каком основании вы смеётесь? — витус Рант сама уязвлённая гордость.

Удивлённое лицо министра колоний только подлило масла в огонь, Рекоу во второй раз сразил приступ дикого хохота.

Министр колоний никак не ожидал подобной реакции на столь тяжкие обвинения.

— Простите, витус, — Рекоу смахнул с ресницы слезинку. — Позвольте объяснить.

Министр и президент ничего не ответили.

— Точно такими же словами, — Рекоу потёр кулаком левый глаз, — я охарактеризовал работу утуса Несота, моего предшественника на посту начальника тюрьмы Глот. Правда, я сработал не так оперативно. Мой разгромный отчёт о недопустимом бездействии утуса Несота ушел на Мирём только через несколько месяцев, со следующим транспортником.

Всего я накатал пять отчётов, — Рекоу выразительно посмотрел на утуса Ранта. — Три о никомушной работе утуса Несота и два о неотложных мерах по улучшению работы тюрьмы Глот. В последнем отчёте я буквально на каждой странице предрекал бунт заключённых и умолял министерство увеличить штат надзирателей и количество средств контроля. Но... — Рекоу выразительно развёл руками, — логика министерства проста: дальше Свалки заключённые всё равно не убегут.

— Это правда? — президент хмуро посмотрел на витуса Ранта.

— Нам необходимо проверить архивы, — не моргнув глазом, выкрутился министр колоний.

— Проверяйте. Проверяйте, — благодушно напутствовал Рекоу. — Может быть, наконец, найдёте огромную кучу отчётов о крайне неудовлетворительной работе колониальной администрации Дайзен-2, да и прочих миров тоже.

— Вы о чём? — настороженно поинтересовался витус Букнир.

— Видите ли, витус президент, на Свалке сложилась «добрая традиция»: каждый новый присланный с Мирема чиновник начинает работу с написания разгромного отчёта о никомушной работе своего предшественника, — охотно пояснил Рекоу. — Обычно два — три. На моей памяти витус Рабел, начальник полиции, написал аж десять, но это рекорд.

Да и как оно может быть иначе, витус президент. Министерство колоний давно наострилось сплавлять в далёкие миры неудачников и откровенных болванов. Меня удивляет, почему жители внешних колоний ещё так мало бунтуют.

Крыть нечем, пристыженный министр колоний сел обратно на диван.

— Ну хорошо, — примирительно произнёс президент. — С вашей работой на Дайзен-2 разобрались. Но... не слишком ли много вы просите?

Рекоу несколько расслабился. Аж на сердце отлегло. Витус Букнир далеко не дурак. Ибо дураку не дано занять президентское кресло в Гранитном кабинете, официальном рабочем месте президента Федерации Мирема.

— Это как посмотреть, — ответил Рекоу. — Сколько стоит одна «Эмма»? А броник космического пехотинца? А высокоточная ракета? Во сколько бюджету Федерации обойдётся прогулка Первого ударного на Свалку и обратно? По сравнению с ЭТИМ, — Рекоу

выделил последнее слово, — Я прошу сущие совирты.

Не помогло, сомнения по-прежнему отражаются на лице президента.

— Впрочем, — Рекоу тут же сменил тактику, — Я с превеликим удовольствием останусь дома совершенно бесплатно. Знаете ли, после двадцати лет жизни под землёй просто так выйти на улицу, вздохнуть полной грудью свежий лесной воздух и почувствовать над головой бездонное небо уже за счастье.

— Хорошо, мы принимаем оба ваших условия, — неожиданно легко согласился витус Букнир.

Министр колоний тут же сник, будто этот самый миллион ему придётся выложить из собственного кармана.

— А теперь докажите, что вы стоите таких денег, — потребовал президент.

— Легко, — Рекоу ничуть не растерялся. — Разрешите начать с того, что никакой полноценной войны на Свалке не будет. Ещё до того, как космические пехотинцы высадутся на планете, аборигены спрячутся под землёй.

— Это очевидно, — отозвался витус Ропин.

— Но вы понятия не имеете, что на самом деле представляют из себя подземелья Свалки, — Рекоу в упор посмотрел на министра обороны. — За триста с лишним лет аборигены перекопали кратер Финдос вдоль и поперёк. На один официальный туннель, отмеченный на карте, приходится два — три неофициальных. Добавьте к этому заброшенные выработки и огромную сеть естественных пещер под Северным плоскогорьем. Кроме того, у аборигенов было почти два года, чтобы накопать ещё больше секретных туннелей и бункеров, о которых знают далеко не все жители самой Свалки.

— Ну-у-у... — недоверчиво протянул витус Ропин. — Не стоит преувеличивать возможности аборигенов. Население Свалки всего два миллиона человек.

— Я не преувеличиваю, а преуменьшаю, — уверенно ответил Рекоу. — Дайзен-2 это не Мирем, далеко не Мирем. Колония на Свалке целиком и полностью находится под землёй. Даже дороги между городами и поселениями пробиты в толще гор.

Половина населения Свалки так или иначе связана с добычей полезных ископаемых. Квалифицированных горняков и проходчиков на Дайзен-2 если и меньше, чем на Миреме, то на две-три сотни человек. Не говоря уже о горнопроходческих комбайнах и прочих машинах. Большая часть второй половины великолепно владеет отбойным молотком. Когда фермеру нужна дополнительная комната или кладовка, то он просто выкапывает её. Сам. Своими собственными руками. При этом фермеры не всегда сообщают о проведённых работах властям и ещё реже предоставляют полноценные чертежи.

Рекоу разошёлся не на шутку.

— Я настоятельно рекомендую отправить на Свалку как можно больше геологов и геологического оборудования. Это... — Рекоу на мгновение замаялся, — буровых установок, комбайнов копательных... Ну, что там ещё есть у наших учёных для исследования глубин. Иначе война в подземельях Свалки для космических пехотинцев превратится в кошмар наяву.

Там! — Рекоу выразительно ткнул пальцем в пол, — вы не сможете использовать ни танки, ни бронемшины, ни высокоточные ракеты. Вся мощь Первого ударного окажется абсолютно бесполезной.

Рекоу перевёл дыхание. Убеждать облечённых очень большой властью людей тяжкий труд. До Создателя всего сущего и то легче докричаться. Получится ли?

— Благодарю вас, — президент поднялся с кресла. — Мы обязательно подумаем над вашими предложениями.

Рекоу поднялся следом. Аудиенция закончена, у витуса Букнира, как главы Федерации Мирема, полно дел.

— Мои помощники займутся вами. Они оформят необходимые документы. Первый ударный отправляется через десять дней. Дата обговорена заранее и переносу не подлежит. Всего вам хорошо, — на прощанье витус Букнир снова протянул руку.

Президент в окружении свиты быстро вышел через открытую телохранителями дверь. Рекоу, оставшись в Каминной гостиной совершенно один, сел обратно в удобное кресло.

Миллион виртов, это, конечно, хорошо. Рекоу уставился в окно. За неделю вполне реально купить хороший коттедж где-нибудь на берегу океана или у озера. Да и жилищные проблемы детей можно смело сказать решены. Но... Невнятное сомнение, словно пёс неприкаянный, бродит в глубине души.

— Утус Рекоу, — в гостиной появился безукоризненно одетый помощник президента. — Прошу вас пройдёмте в мой кабинет.

Рекоу тяжело поднялся из кресла, но едва не рухнул в него обратно. Вот оно что! Рекоу очумело уставился на холёного помощника президента. Мирный вариант решения проблемы даже не рассматривался. Ни президент, ни министры словом не обмолвились о возможности договориться с бунтовщиками, обойтись без выстрелов и напрасных смертей.

Вот почему министр обороны так улыбался, словно на концерте популярного юмориста. Витус Ропин безуспешно пытался скрыть распирающее его превосходство. Да. Да. Именно превосходство!

Последняя серьёзная война отгремела больше шести сотен лет тому назад. Уже много поколений космические пехотинцы воюют с манекенами на полигонах. А ведь так хочется хотя бы разок пухнуть в самого настоящего живого врага. За столетия мирной жизни в военных скопилось столько спеси и самоуверенности, что даже провал Первого крейсерского не отрезвил их.

Рекоу, понутив голову и опустив плечи, вышел из Каминной гостиной вслед за помощником президента. Остаётся надеется, что жители Свалки и в самом деле в ужасе разбегутся по хатам, когда над их головой зависнет армада Первого ударного.

Глава 3. Учебный поход

Поверхность Дайзен-2 представляет из себя одну огромную тёмно-красную пустыню из нагромождения древних метеоритных кратеров, изъеденных эрозией гор, камней и песка. По дну одного из бесчисленных оврагов пробирается партизанский отряд. Небеса разразились проливным дождём. Под завывание ветра ручейки жидкой грязи стекают в овраг. Два десятка солдат в тёмно-красных боргах с закинутыми за спину автоматами бредут по колено в мутной воде.

Третье и четвёртое отделения первого взвода первого полка Народной армии самообороны Дайзен-2 возвращаются с учебно-боевого рейда на базу. Рядовой Чаг Ратаг по прозвищу Непоседа шагает за Шныком, командиром отделения и закадычным другом.

Вообще-то на марше от каждого солдата требуется не терять бдительность и быть готовым в любой момент вступить в бой. Но сейчас, после пяти десятков километров по пересечённой местности, солдат Народной армии можно взять голыми руками.

Стемнело почти. Чаг устало огляделся по сторонам. Вверху, на фоне чуть более светлого неба, угадываются неровные края оврага. Тяжёлые шлепки по мутной воде тонут в шуме дождя и завывании ветра. Даже здесь, на дне оврага, сильный ветер крутится юлой и норовит опрокинуть в жидкую грязь. Каждый шаг даётся с трудом. Ремень автомата и лямки разгрузки давят на плечи. В такие моменты нехотя начинаешь проклинать и непогоду, и тяжеленное снаряжение и сделанный когда-то выбор в пользу карьеры профессионального солдата.

Само по себе учебно-боевое задание не шиш сложное: скрытым маршем пройти по восточной окраине Северного плоскогорья с заходом на вершину 36/8 и вернуться обратно на Партизанскую базу № 4. Единственная сложность — пройти пешком с полной выкладкой пятьдесят с лишним километров.

По началу было легко и приятно, не рейд, а прогулка. Начало лета, снег давно сошёл, земля просохла и стала твёрдой, как бетон. Но! Когда до вожделенного отдыха осталось каких-то десять километров, через горный хребет кратера Финдос перевалила огромная туча и разродилась проливным дождём. За десять минут земля напиталась влагой, размякла и превратилась в тягучую грязь. А ещё через полчаса овраг наполнился мутной жижей. Если дождь не стихнет, то придётся выбираться на поверхность, а это снижение общей оценки за выполнение учебно-боевого задания. Хотя... Чаг с тоской посмотрел на стекающую по склонам оврага воду, в такой ливень условный противник всё равно не сможет обнаружить партизанский отряд хоть из космоса, хоть с беспилотника.

Последние километры растянулись до бесконечности. Вода всё прибывает и прибывает. В тёмных сумерках спина Шныка едва видна. В самую пору обвязываться верёвкой, чтобы не потерять друг друга в темноте.

Господи! Чаг едва не поскользнулся на скользком камне. Уж поскорей бы война началась! Как гласит народная мудрость: тяжело в учении, легко в бою. А так хочется отдохнуть. Учения, стрельбища, учебно-боевые рейды, теоретические и практические занятия следуют друг за другом бесконечной чередой. Заколдованный круг и только. За четыре местных года подготовки довелось обойти Северное плоскогорье и примыкающие к нему горы вдоль и поперёк. Осталось ещё только глаза завязать, чтобы запомнить на ощупь каждый камешек, каждый овраг и каждую расщелину.

По колонне солдат пробежало оживление. Идущий впереди Шнык распрямил спину и прибавил шаг. Чаг едва не задохнулся от радости. Наконец-то! С плеч будто свалился тяжёлый груз, а ноги сами понесли вперёд. Дошли! Не иначе!

Резкий поворот влево в неприметную пещерку. Чаг нащупал над головой каменный свод. Шум дождя и завывание ветра быстро стихли. Под ногами, вместо противных шлепков, зашуршали мелкие камешки. Впереди из темноты выступил силуэт Шныка. Чаг улыбнулся. Перед входом на базу приветливо горит фонарь.

— Непоседа! — Шнык на ходу обернулся. — Ты не поверишь: Великий Создатель существует!

Возбуждённый голос друга едва пробивается через герметичный шлем борга, но и по внешнему виду Шныка легко понять, насколько он рад скорейшему завершению утомительного рейда.

— Без базара, Шнык! — во всё горло выкрикнул Чаг. — Великий Создатель только что подарил нам крупицу своего божественного внимания!

От безумной радости хочется петь и танцевать. Не важно что, не важно как, лишь бы дать выход прущему изнутри веселью. Но, Чаг торопливо переступил через высокий порог герметичной двери, сзади напирают идущие следом товарищи. Время повеселиться ещё будет.

Яркий свет внутри шлюза после темноты ночи и мрака входной пещеры режет глаза. Зато... Чаг с превеликим удовольствием поднял забрало и вдохнул свежий наполненный живыми запахами воздух базы... Точно дошли.

В раздевалки царит весёлая суета. Солдаты, молодые парни от девяносто до ста двадцати лет, бойко скидывают борги и прочую амуницию. Повсюду звучат смех и солёные шутки. В воздухе витает запах пота и мыла.

Отставать от товарищей совершенно ни к чему. Чаг убрал в шкафчик «Надежду», рядышком положил разгрузку с боеприпасами и с превеликим удовольствием снял борга. Натруженные плечи тут же почувствовали невероятную лёгкость. Кажется, подпрыгни слегка, и тут же ударишься головой о потолок.

Очень хочется как можно быстрее вымыться, поесть и завалиться спать. Пусть «похлёбка», синтетическая пища, на вкус ещё та гадость, но, после полусотни километров по каменной пустыне, она кажется вкуснее телячьей отбивной с горошком и листьями зелёного салата. Но прежде нужно привести в порядок борг и оружие. Солдат в любой момент должен быть готов запрыгнуть в боевое облачение, схватить автомат и встретить врага во все оружие. Наконец Чаг добрался до душевой кабинки и крутанул краны с холодной и горячей водой.

Длинные тёплые струи падают на голову и стекают по плечам и спине. От удовольствия Чаг закрыл глаза. Вместе с водой стекает усталость.

— Ты надолго? — за спиной раздался голос Шныка.

— Навсегда, — не открывая глаза, ответил Чаг.

Шнык недовольно засопел и отошёл. Ничего. Пусть поищет другую кабинку. В бане, как говорится, нет генералов.

Тёплая вода тянет в сон. Чаг, слегка склонив голову, блаженно улыбается. Нет большего наслаждения, чем после тяжёлого рейда забраться под душ и стоять, стоять, стоять... А впереди ещё большее наслаждение: ужин и долгожданный сон. Нет ничего лучше и приятней, чем армейская кровать с серым шерстяным одеялом и тонкой подушкой в

белоснежной наволочке. А потом... А потом опять учёба: теоретические и практические занятия, стрельбища и учебно-боевые рейды. Чаг недовольно поморщился. Уж поскорей бы война началась.

— Внимание!

Чаг встрепенулся и открыл глаза. Приятная нега улетучилась. Из раздевалки, через открытую дверь, долетел голос из громкоговорителя. Лейтенанта Брадана, командира первой роты и начальника Партизанской базы № 4 легко узнать по глубокому басу. Ему бы песни петь, а не отрядом командовать.

— Сегодня, в семь часов утра, с очень важным сообщением выступит глава Независимого правительства витус Тонк. Личному составу, свободному от нарядов и несения караульной службы, собраться на плацу ровно в 6:55 утра. Внимание! — лейтенант Брадан завёрнул сообщение по второму кругу.

Накаркал! Идиот! Чаг прижался лбом к прохладной стенке душевой кабинки. Из груди вырвался тяжкий вздох. Горячая вода по-прежнему льётся на голову и стекает по спине, но от бывшего удовольствия нет и следа.

Очень важное сообщение главы Независимого правительства может означать только одно — война. На этот раз на орбите Дайзен-2 появится Первый ударный флот, самый большой и самый могучий кулак Федерации Мирема.

Самое главное и самое трудное в предстоящей войне — выжить. Ну и победить, конечно же. Чаг взял с маленькой полочки мочалку и мыло. В недалёком прошлом уже приходилось сталкиваться с космическими пехотинцами. Пусть каждый из них по самую макову набит спесью, но великолепно обучен и ещё лучше вооружен.

Чаг заводил скользким куском мыла по мочалке. Отличная боевая подготовка наипервейший залог успешного выживания, ну и победы, конечно же. Когда страх туманит разум, тело делает то, чему его учили, гоняли, дрессировали на бесконечных учениях и прочих тренировках. Если потребуется, то хоть сейчас готов сорваться по тревоге и убежать в очередной учебно-боевой рейд хоть на сто, хоть на тысячу километров. Пока оценки ставят офицеры. На войне первый и последний неуд поставит пуля.

Чаг быстро вымылся и вышел из душевой. Остаётся надеется, что до подхода Первого ударного осталось недели две. Хотя... Чаг накинул на плечи гимнастёрку, может уже через пару дней космические пехотинцы высадятся возле Щитовой горы. Что поделаешь: у маленькой колонии нет развитой системы дальнего обнаружения. В прошлый раз удалось заранее засечь Первый крейсерский только потому, что он сам вышел на связь.

А пока, Чаг захлопнул шкафчик, нужно подкрепиться. Пустой желудок перестал намекать на пустоту, а вцепился голодными зубами в позвоночник. Если отпуск накрылся, то остаётся надежда хотя бы отоспаться перед войной.

Глава 4. Переговоры

Тридцать шесть дней Первый ударный флот Федерации Мирема добирался с места выхода из последней пульсации до орбиты Дайзен-2, более известной как Свалка.

Из всей системы наблюдения за внешним космосом у аборигенов только орбитальная станция «Снежинка», но и она в первую очередь космический порт, а не передовой форпост. Впрочем, надеется на то, что до самого последнего момента аборигены так и не смогут заметить огромный флот, глупо. Факелы, исполинские облака плазменного выхлопа девяти больших кораблей, летят впереди флота на сотни и тысячи километров. Любой манёвр, разгон или торможение, требует запуска главных двигателей.

Не смотря на все доводы, командующий флотом адмирал Крилл всё равно запретил выходить на связь. Свалка ответила гордым молчанием. Даже когда Первый ударный завис над планетой, а космические пехотинцы захватили «Снежинку», даже тогда из кратера Финдос не пришло ни одного вызова. Нужно отдать должное: в игре в молчанку аборигены одержали моральную победу.

Местных жителей совершенно не испугал огромный флот в составе красоты и гордости Федерации линкора «Ингар», фрегатов «Вемис» и «Ноуссан», носителя такшипов «Юрланд» и авианосца «Амал». На борту четырёх десантных транспортов «Нутан», «Аттау», «Годван» и «Нивран» прибыла Первая десантная дивизия Федерации Мирема, а это пять тысяч космических пехотинцев, танки, боевые машины пехоты, самоходная артиллерия.

Но даже захватив господство в космосе, адмирал Крилл не стал спешить с переговорами. Линкор и фрегаты выпустили из своих недр множество разведывательных спутников и беспилотных летательных аппаратов. Космические истребители, оглашая окрестности воем реактивных двигателей, проутюжили кратер Финдос вдоль и поперёк.

Разведка поработала на славу. Каждый без исключения бугорок, камень, военный объект был обнаружен, исследован и нанесён на карту. Только... Маленькая колония в буквальном смысле закопана под землю. Если аборигены и подготовились к войне, то большая часть их решимости скрыта под пустынями и горами кратера Финдос.

Лирон Рекоу, правительственный консультант при командовании флота, изо всех сил спешит в штаб, но не получается — невесомость, будь она неладна. Это только во вращающемся кольце жилого модуля можно нормально передвигаться на двух ногах по самому обычному полу, а на остальной части исполинского корабля царит невесомость. Не смотря на все усилия физиков изобрести генератор искусственной гравитации не удалось до сих пор.

Рекоу дважды за свою жизнь приходилось преодолевать расстояние в 19 световых лет, но оба раза в качестве ледяного груза в анабиозной капсуле в зелёном контейнере с синими полосками. Оба раза, если разобраться, космоса по-настоящему он не видел. Зато сейчас, на борту линкора «Ингар», прелести космического полёта чувствуются во всей красе.словно муха на стекле с мёдом, Рекоу торопливо ковыляет по проходу в ботинках-липучках.

— Берегись!

Рекоу замер на месте и втянул голову. Мимо, обдав воздухом в опасной близости, пролетел техник в светло-серой униформе. Ну да, Рекоу боязливо обернулся, настоящие космонавты липучками не пользуются, а летают по проходам и колодцам с ловкостью обезьян. Здесь, в глубине линкора, довольно многолюдно. Рассчитывал добраться до штаба

флота за десять минут. Но, Рекоу тяжело вздохнул и заковырял дальше, куда там! Тренироваться нужно было, а не отсиживаться в собственной каюте целую неделю. Наконец, всего за две минуты до 17 часов по местному времени, Рекоу переступил порог штаба.

Как и полагается, штаб Первого ударного находится в самом защищённом месте линкора «Ингар», в его середине. Посреди просторного помещения стоит тактический стол с голографическим проектором. Вдоль стен пульта управления. Штабные офицеры склонились над тактическими экранами. Ещё два широких экрана висят у них над головами.

— Добрый вечер, — ковыляя к тактическому столу, вежливо поздоровался Рекоу. — Надеюсь, вы ещё не лишили аборигенов последней возможности сдаться.

— Добрый вечер, уважаемый, — от слов адмирала Крилла веет холодом. — Вы опоздали. На ваше счастье аборигены до сих пор не вышли на связь.

Рекоу не ответил, извиняться не имеет смысла. Адмирал отвёл глаза в сторону, словно тут же забыл о присутствии правительственного консультанта. Рекоу молча остановился возле тактического стола.

Во плоти в штабе флота присутствует только адмирал Крилл, а фактически за переговорами будут наблюдать все высшие командиры Первого ударного. Рекоу посмотрел по сторонам. На тактических экранах перед штабными офицерами загадочные графики, цифры, бегущий текст и прочие данные. На двух больших экранах над их головами изображения контр-адмирала Нинчана, капитана линкора «Ингар», генерал-лейтенанта Солмара, командующего Первой десантной дивизией, а так же капитаны фрегатов и транспортников флота. Оно и правильно, Рекоу выпрямился и попытался принять вертикальное положение, предосторожности лишними не бывают. Не стоит класть все яйца в одну корзину.

Связи со Свалкой всё нет и нет. От нечего делать Рекоу принялся украдкой разглядывать командующего флотом.

Адмирал Крилл, сидя в широком кресле, пристёгнутый ремнями крест на крест, похож на императора седой древности. Ростом командующий флотом не вышел, худощавый, вытянутый, но отнюдь не хилый. Как и любой космический офицер, адмирал Крилл может похвастаться накаченной мускулатурой. В условиях невесомости регулярные физические упражнения не блажь, а суровая необходимость. Пусть фигуре адмирала недостаёт габаритов, зато грозного достоинства на лице хватает с избытком. Такое впечатление, будто не ты смотришь на него сверху вниз, а он взирает на тебя с высоты царственного трона.

За семь дней с момента пробуждения из ледяного сна Рекоу успел несколько познакомиться с офицерами линкора. Пусть по началу контакт не клеился, зато потом они рассказали много интересных подробностей об адмирале Крилле. Самое неприятное заключается в том, что адмирал Крилл законченный карьерист.

Ровно за неделю до отправления Первого ударного в поход специальным указом министра обороны адмирал Шнобир, прежний командующий флотом, был отправлен в почётную отставку по причине достижения пенсионного возраста. Тем же указом на должность командующего флотом был назначен адмирал Крилл. Как в секунду откровенности выразился контр-адмирал Нинчан: «Штабная крыса и великий интриган с чрезмерными амбициями». Как втихомолку поговаривают в офицерской кают-компании, адмирал Крилл пробрался на должность командующего флотом исключительно по карьерным соображениями. Он уже достиг потолка в Министерстве обороны. Для финального рывка в обойму больших политиков ему позарез нужна победа над бунтующей

Свалкой. Не к добру такое рвение, не к добру.

— Где связь? Дайте мне связь со Свалкой! — громогласно потребовал адмирал Крилл.

— Мы вызываем аборигенов по всем каналам, но они не отвечают, — отозвался штабной офицер.

Адмирал Крилл недовольно нахмурился. Рекоу невольно улыбнулся. Не любит адмирал, когда кто-то откровенно забывает на его приказы. Впрочем, как бы то ни было в своё время адмирал Крилл закончил Лирдское военно-космическое училище с отличием и прошёл по всем без исключения ступенькам административной лестницы. Если его таланты как полководца ещё можно оспорить, то как администратора и тяжелоатлета подковёрной борьбы ему нет равных. Может и в самом деле, лет через десять, он переедет в Правительственный дворец.

Что-то не похоже, что грозный вид Первого ударного произвёл на аборигенов впечатление. Рекоу приуныл. Только в десять минут шестого над тактическим столом возник голографический экран, виртуальный аналог телевизора. От далёкой колонии глупо ожидать полноценного объёмного изображения. Наконец рябь чёрно-белых полос сменилась изображением витуса Тонка, так называемого главы Независимого правительства. Рекоу сощурился, трудно не узнать бывшего помощника начальника Управления по энергетике.

— Добрый вечер, адмирал, — главарь мятежников заговорил первым. — Простите, не имею чести вас знать.

— Добрый вечер, витус. Разрешите представиться: командующий Первым ударным флотом Федерации Мирема адмирал Блар Винжич Крилл, — с хорошо скрытым вызовом ответил адмирал.

Точно тяжеловес подковёрный! Рекоу стрельнул глазами в сторону адмирала. Командующий флотом сумел соблюсти правила вежливости и при этом мастерски выделить фразу «Первый ударный флот».

— Адмирал, — быстро заговорил витус Тонк, — Ваш флот вторгся в пределы независимого государства Дайзен-2. Если в течении ближайших двух часов вы покинете орбиту Дайзен-2 и направитесь за пределы нашей системы, то мы готовы расценить ваш поступок как досадное недоразумение. Дайзен-2 мирная планета. Мы не желаем войны с Федерацией Миреме. Более того! Мы выступаем за установление дипломатических и торговых отношений.

Вот так, Рекоу едва не захлопал в ладоши, не сложным словесным трюком глава мятежников переложил вину за предстоящую войну на Федерацию Мирема, Первый ударный флот и на адмирала Крилла лично. Не исключено, что в данный момент вся планета следит за переговорами. Впрочем, Рекоу опять приуныл, витус Тонк не похож на человека, которого страшит предстоящая бойня.

— Систем Дайзен и планета Дайзен-2 являются неотъемлемой частью Федерации Мирема, — чеканя каждый слог, заговорил адмирал Крилл. — Первый ударный флот прибыл в систему Дайзен для восстановления конституционного порядка в колонии Дайзен-2. Ваше так называемое Независимое правительство является незаконным и я не обязан его признавать.

Адмирал Крилл выдержал эффектную паузу и продолжил:

— Витус Тонк, я уполномочен правительством Федерации Мирема предложить вам прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие. В случае добровольной капитуляции всех участников вооружённого мятежа ожидает амнистия. Вы лично и члены

вашего так называемого Независимого правительства уйдёте в почётную отставку с сохранением всех причитающихся выплат и пособий. В противном случае мне приказано подавить вооружённый мятеж с применением всех имеющихся в моём распоряжении сил и средств.

Рекоу опять с трудом сдержался, чтобы не захлопать, но на этот раз от бессилия. Пусть адмирал Крилл говорит о мире, но добровольная капитуляция Свалки его совершенно не устраивает.

— Вам нас не запугать, — выражение лица витуса Тонка не изменилось. — Мы готовы с оружием в руках отстоять нашу свободу и независимость. Вам никогда не поставит Дайзен-2 на колени, адмирал.

— Это ваше окончательное решение? — тут же спросил адмирал.

Адмирал Крилл с трудом сдерживает торжество. Ещё немного и командующий флотом откровенно пошлёт витуса Тонка на три весёлых буквы.

— Да.

Рекоу едва не взвыл от отчаянья. Витус Тонк и адмирал Крилл ведут себя как два бойцовых петуха на арене. Один делает вид, будто поражения Первого крейсерского флота никогда не было, второй тактично молчит, но всем своим видом напоминает об этом. Они что, не понимают, что в конечном итоге оба попадут в суп, причём в одну и ту же кастрюлю?

— Адмирал? — Рекоу выразительно посмотрел на командующего флотом.

Адмирал Крилл недовольно поморщился и нехотя произнёс:

— Да. С вами желает поговорить утус Рекоу, правительственный консультант.

Рекоу молча порадовался: ещё на Миреме заранее удалось настоять на личном разговоре с главарём мятежников. Мирный исход не укладывается в личные амбиции адмирала. Не для этого он разводил интриги, не для этого пролез на должность командующего Первым ударным флотом. Наоборот: ему нужен упёртый противник, который будет упрямо сопротивляться и сложит оружие не раньше, чем пара тысяч аборигенов отправится на встречу с Великим Создателем раньше времени. Будь его воля, адмирал тут же свернул бы переговоры.

— Добрый вечер, витус Тонк, — голографический экран повернулся в сторону Рекоу.

— Добрый вечер, витус Рекоу, — вежливо ответил главарь мятежников. — Как я вижу, отставка благотворно повлияла на вас. Вы загорели.

Для своих пятидесяти шести лет витус Тонк выглядит великолепно. Широкое открытое лицо с крупными чертами. Глубоко посаженные глаза всё так же излучают властность. Вот, только, некогда густые чёрные волосы тронула седина. В молодости главарь мятежников занимался тяжёлой атлетикой, благодаря чему до сих пор может похвастаться фигурой штангиста. Но... Власть над целой планетой не прошла даром. В выражении лица витуса Тонка, в его манере держаться и вести разговор, чувствуется превосходство над простыми смертными, даже спесь.

— Витус Тонк, — решительно заговорил Рекоу. — Сейчас, в данный момент, вы творите историю, но не понимаете, какую именно.

Да, я с вами полностью согласен: существующая ныне система управления колониями прогнила, как поражённая фитофторой картофелина. Не мне вам рассказывать, какими бедствиями и страданиями оборачивается эта гниль для жителей далёких миров. Ну и пусть бы себе гнила дальше! Глядишь, лет через сто сгнила бы окончательно. И тогда

правительство Федерации пошло бы по пути мирных реформ и было бы вынуждено предоставить внешним мирам некое подобие автономии. Но нет! Благодаря вам этому не суждено сбыться.

Вы понятия не имеете о тех бурных дебатах, что всколыхнули сенат и нижнюю палату, когда вернулся морально опущенный Первый крейсерский флот. Благодаря вашей победе вверх взяли ястребы. Правительство пошло на принцип и решило отправить Первый ударный флот. Вы, вы лично, витус Тонк, подтолкнули центральную власть к силовому решению проблемы любой ценой, вплоть до ядерной бомбардировки.

Рекоу перевёл дух. Простой разговор, а чувствуешь себя так, словно выступаешь перед огромной толпой.

— Витус Тонк, остановитесь. Конфликт ещё можно разрешить миром. Ещё можно вернуться к прежней системе управления, к мирной эволюции. Пусть не сейчас, пусть через сто или двести лет, но Дайзен-2 обязательно получить некую автономию без разрушений и напрасного кровопролития. Войну за независимость вам не выиграть. Зато своим поражением вы окончательно повернёте Федерацию Мирема на путь создания полноценной колониальной империи.

Почитайте историю старичка Мирема, витус Тонк. Освежите память. Узнайте, какими бедствиями и страданиями оборачивались подобные империи для покорённых народов не в таком уж далёком прошлом. Оно вам надо? Или вы хотите, чтобы именно под таким соусом бунт на Свалке и ваше имя вошли в историю?

Рекоу умолк. Такое впечатление, будто в штабе флота температура воздуха поднялась градусов на десять, а то и на все двадцать. Ещё никогда не приходилось говорить с таким вдохновением и под гнётом такой ответственности. Остаётся надеется, что горячие слова достигли цели. По крайней мере, заставят главаря бунтовщиков призадуматься.

— Я выражаю волю народа Дайзен-2, — высокопарно ответил витус Тонк. — Который...

— Ой не надо громких слов о революции! — Рекоу перебил главу Независимого правительства. — Вы и ваше Движение никогда не были волеизъявлением жителей Дайзен-2. То, что вы провернули, называется классическим военным переворотом. Пользуясь бездарностью и халатностью колониальной администрации, вы захватили власть, и теперь ради неё готовы принести в жертву собственный народ.

Не то, совсем не то. Рекоу с тревогой взглянул на адмирала Крилла. Командующий флотом откровенно улыбается. Проклятье! С облечёнными властью людьми нужно общаться, как с детьми неразумными. Меньше всего они хотят услышать голую правду о себе любимых.

— Одумайтесь, витус Тонк! — от отчаянья Рекоу едва не сорвался на крик. — Пока ботинок космического пехотинца не коснулся поверхности Дайзен-2, вы вполне можете избежать войны.

Если бы не полное отсутствие гравитации, Рекоу рухнул бы на пол от возбуждения. Вместо этого он заколыхался на месте, словно одинокая травинка на ветру.

— Наша позиция остаётся прежней, — сухо ответил главарь мятежников. — Если понадобится, мы готовы с оружием в руках защищать нашу свободу и независимость.

Слова витуса Тонка словно острые камни бьют по голове. Ну почему всесильным мира сего плевать на жизни своих подданных?

— Конец связи, — не прощаясь, произнёс витус Тонк, голографический экран тут же

погас.

— Конец, конец, — радостно закивал адмирал Крилл.

Всё впустую. Рекоу отвёл глаза. От вида довольного адмирала тошнит. Так и хочется запустить в его довольную рожу кирпичом или тяжёлым ботинком, чтобы кровь и осколки зубов во все стороны. Последняя надежда на мирный исход растворилась. Да и как оно могло быть иначе, если и главарю бунтовщиков и командующему Первым ударным нужна война.

— Внимание!

От громогласного возгласа адмирала Рекоу вздрогнул. Командующий флотом распрямил спину и гордо расправил плечи. Ни дать, ни взять — император седой древности на божественном троне.

— Приказывают начать боевую операцию по восстановлению мира и конституционного порядка на Дайзен-2.

Грома аплодисментов и приветственных возгласов не последовало. Но и без бурных оваций подданных адмирал Крилл чувствует себя на белом коне с мечом наперевес.

— Разведка! Доклад.

Возле тактического стола ловко приземлился капитан третьего ранга Дишан. Держа в руках электронный блокнот, главный разведчик флота заговорил хорошо поставленным голосом:

— На этот раз аборигены хорошо подготовились к обороне. Аэрокосмическая разведка выявила комплекс объектов, которые однозначно определены как наземные форты.

На тактическом столе появилась детальная карта кратера Финдос. Рекоу слегка наклонился. Такое впечатление, будто смотришь с большой высоты. Кружочки с названиями указывают на населённые пункты. Пусть колония на Дайзен-2 существует четвертую сотню лет, но исполинский кратер Финдос до сих пор является единственной освоенной территорией.

— Все без исключения наземные форты находятся на Северном плоскогорье.

Изображение кратера Финдос увеличилось в размерах и плавно сдвинулось в сторону. Хорошо знакомое Северное плоскогорье, участок пустыни, окружённый с трёх сторон горами кратера Финдос, а с юга Большим изломом, тектоническим разломом, который в далёком геологическом прошлом опустил южную часть кратера примерно на сотню метров.

— Самый большим наземным фортом является Щитовая гора, что прикрывает столицу Финдос с юга. Пять малых фортов прикрывают её с восточного, южного и западного направлений. Кроме того, в горах, возле поселений, обнаружены ещё форты разных размеров.

Словно заправский лектор капитан третьего ранга Дишан докладывает о результатах разведки. Вторя его словам, на карте Северного плоскогорья вспыхивают значки наземных фортов. Не то, чтобы их слишком много, но и не мало. Рекоу задумчиво переводит взгляд с одной точки на другую. Пожалуй, всё же слишком много. У аборигенов был всего год и десять месяцев по стандартному летоисчислению, чтобы подготовиться ко встрече с Первым ударным.

— Каких-либо признаков восстановления разрушенной тюрьмы Глот не наблюдается. На прочей части кратера Финдос каких-либо объектов военного назначения не замечено. Главный вывод: Северное плоскогорье — единственная подготовленная к обороне территория. На ней же следует ожидать самое упорное сопротивление аборигенов, —

главный разведчик флота умолк.

Да... Нужно признать: разведка поработала отлично. Рекоу мысленно похлопал капитану третьего ранга. Между тем адмирал Крилл с самым серьёзным видом изучает карту Северного плоскогорья.

— Адмирал, — не удержался Рекоу, — Я не военный, но... что-то с этими фортами не так. Слишком глупо подставлять их под удары такшипов и АКИ. Поверьте мне: аборигены далеко не дураки.

Но осторожное замечание пропало зря, адмирал даже не соизволил оторвать глаза от карты.

— Где рекомендуете развернуть Главный базовый лагерь? — адмирал Крилл посмотрел на главного разведчика.

— По согласованию с генерал-лейтенантом Солмаром, наиболее оптимальной позицией для развёртывания космического десанта является Изумрудная долина, — ответил капитан третьего ранга Дишан.

Карта Северного плоскогорья с красными отметками целей сдвинулась в сторону. Горы кратера Финдос сместились к самому краю тактического стола.

— Изумрудная долина представляет из себя очень древний метеоритный кратер с сильно разрушенными краями — пояснил капитан третьего ранга Дишан. — Долина находится в 40 километрах севернее кратера Финдос в пустыне Верхняя чисть. Таким образом, расстояние до главного театра военных действий относительно небольшое. С другой стороны, аборигенам будет гораздо сложнее добраться до Главного базового лагеря и нанести ему какой-либо ущерб. В этой части пустыни какие-либо поселения и подземные туннели отсутствуют полностью.

— Отлично, — губы адмирала Крилла растянулись в холодной улыбке. — Капитан третьего ранга Ниртан!

На тактическом столе появилось изображение командующего авиацией флота. Сам капитан третьего ранга находится на носителе такшипов «Юрлан».

— План нанесения ракетно-бомбового удара по обнаруженным объектам готов, — бойко отрапортовал капитан третьего ранга Ниртан. — Трёх стандартных суток вполне достаточно для гарантированного уничтожения обороны противника. Такшипы и АКИ находятся в полной боевой готовности.

Рекоу печально улыбнулся. Для полного счастья главному лётчику не хватает возможности бодро отдать под козырёк и щёлкнуть каблуками. Связь на расстоянии имеет свои минусы.

— Отлично, отлично, — адмирал Крилл благодушно усмехнулся. — Боевую операцию приказываю начать завтра с рассветом в 5 часов утра по местному времени. Космическому десанту приступить к высадке в Изумрудной долине. Авиации флота приступить к уничтожению обороны противника. Сделайте так, капитан, чтобы в Северном плоскогорье камня на камне не осталось, — в завершении пожелал адмирал.

Вот так, Рекоу без сил рухнул бы на пол, будь такая возможность. Бравые вояки рвутся в бой и упорно не желают прислушаться к голосу разума. Неужели они все такие?

— Вопросы будут? — адмирал Крилл положил ладонь на застёжку ремней, что удерживают его в кресле.

— Да, адмирал.

На тактическом столе, вместо командующего авиацией флота, появился генерал-

лейтенант Солмар.

— Согласно данным разведки, на крыше ангаров Космопорта имени Пилага аборигены оставили ровно тридцать один ящик прямоугольной формы, — произнёс командующий космическим десантом.

Карта пустыни Верхняя чисть исчезла. Вместо неё на тактическом столе появилась фотография со спутника. Рекоу едва не лёг на голографическую столешницу: очень хорошо знакомый силуэт Щитовой горы и встроенного в неё Космопорта имени Пилага. Взлётно-посадочная полоса проходит рядом с тремя ангарами. Орбитальные челноки останавливались на небольшой площади перед космопортом, разгружались, загружались, заправлялись и вновь уходили на взлётно-посадочную полосу. А это не иначе как те самые сложенные аккуратными рядами серые ящики. Причём не просто длинные коробки, а... Господи!

— Ну и что? — раздражённо бросил адмирал Крилл.

Лицо генерал-лейтенанта Солмара окаменело.

— Адмирал! — кажется, ещё немного и генерал-лейтенант перейдёт на самую грязную ругань. — Пятая отдельная рота космического десанта была вынуждена оставить на Свалке тридцать одного погибшего пехотинца! Аборигены не стали восстанавливать тюрьму Глот, однако полностью разобрали её руины. Остатки РСПП и бронескафандры космических пехотинцев представляют для них большую ценность. Логично предположить, что на крыше ангаров сложены тела погибших.

Гробы! Ну конечно! Рекоу легонько хлопнул ладонью по тактическому столу. Пятая отдельная рота как раз базировалась на одном из транспортников Первого крейсерского флота. Именно её космические пехотинцы пытались образумить аборигенов силой. Но! Последний штурм тюрьмы Глот закончился катастрофой: аборигены подорвали Глотку вместе с десанниками. На чём, собственно говоря, и закончилась первая попытка подавить бунт на Дайзен-2. Тогда никто и подумать не мог, что аборигены взбунтовались всерьёз и надолго.

— Ну и что? — в раздражении адмирал Крилл нахмурил брови.

— Адмирал, — щёки генерал-лейтенанта Солмара покраснели, — я прошу разрешения организовать экспедицию, чтобы забрать тела погибших.

— Вы что, сдурели? — адмирал Крилл рассердился не на шутку. — Это же ловушка. Аборигены тут же собьют десантный челнок. А если не собьют, то обязательно заминируют каждый ящик.

— Мы обязаны попытаться! — генерал-лейтенант Солмар упорно настаивает на своём. — Это жест доброй воли со стороны аборигенов. Они ведь то же люди! К тому же в недалёком прошлом законопослушные граждане Федерации Мирема. Уже завтра такшипы и АКИ разнесут космопорт к чёртовой матери. Великий грех убивать павших товарищей во второй раз. Я лично готов возглавить экспедицию.

В штабе повисла напряжённая тишина. Офицеры за пультами управления на время забыли о тактических экранах и настороженно уставились на адмирала Крилла. Даже командующие космических кораблей нахмурили брови и тревожно ждут. Рекоу замер на месте. С подобными выражениями на лицах разгневанная толпа обычно собирается линчевать преступника.

Адмирал Крилл плотно сжал губы. Принимать жесты доброй воли от бунтующих аборигенов явно не входит в его планы.

— Нет, генерал, — адмирал Крилл стукнул кулаком по подлокотнику. — Это ловушка.

Пока оборона противника не подавлена, не может быть и речи о какой-либо экспедиции

— Это ваше окончательное решение? — с вызовом спросил генерал-лейтенант Солмар.

— Да! Чёрт побери.

— Нельзя так, — изображение генерал-лейтенанта тут же пропало.

— Больше вопросов нет? — требовательно произнёс адмирал Крилл.

Командиры космических кораблей молча отключились. Штабные офицеры уставились в тактические экраны. Со стороны кажется, будто они поглощены работой, но на деле не желают видеть командующего флотом.

— Тогда завтра в пять начинаем.

Адмирал Крилл откинулся на спинку кресла. Командующий флотом буквально светится самодовольством. словно маленький мальчик, которому строгая мама всё же купила набор оловянных солдатиков. Такое впечатление, будто стычки с командующим десантом и молчаливого осуждения прочих офицеров не было и в помине.

Не дожидаясь разрешения, Рекоу развернулся и заковылял к выходу. Как истинный житель метрополии адмирал Крилл ни во что не ставит аборигенов, смотрит на них свысока и держит за идиотов. Ему нужна маленькая победоносная война. Дай бог, чтобы так оно и было.

Возле выходного люка Рекоу оглянулся. Адмирал Крилл, наслаждаясь собственным величием, восседает в кресле. Точно император седой древности. Ещё, только короны из чистого золота на голове не хватает, а в правой руке длинного скипетра. Но! Неужели он не понимает, что только что между ним и подчинёнными возникла глубокая трещина. Если так пойдёт дальше, она превратится в бездонную пропасть. Карьерист хренов. Рекоу, перешагнув высокий порог, неловко вывалился в коридор.

Глава 5. Изумрудная долина

Восходящий над горизонтом Дайзен осветил стены древнего кратера с романтическим названием Изумрудная долина. Миллионы лет ни что не нарушало покой изъеденных дождём и ветром гор. Но, едва наступил новый день, как серые небеса разразились оглушительным грохотом. Звено аэрокосмических истребителей прошло на бреющем полёте над древним кратером. От воя реактивных двигателей красный песок пошёл волнами, а со склонов гор градом посыпались мелкие камешки.

Только аэрокосмическим истребителям совершенно некого пугать. Ближайшее поселение аборигенов находится далеко на юге. Люди не заглядывают в Изумрудную долину десятилетиями. Командование Первого ударного прекрасно знает об этом, но предосторожности лишними не бывают.

Ещё через пару минут девять десантных челноков «Торнадо» приземлились в центре Изумрудной долины. Огромные тучи поднятой пыли не успели осесть, как по упавшим пандусам из спускаемых модулей лихо выскочили БМП. Респы, роботизированные системы поддержки пехоты, на ходу сиганули с боевых машин и разбежались широким полукругом. Выбросив десант, «Торнадо» тут же взмыли в небо.

Боевые машины разъехались в разные стороны и сбросили скорость. Из десантных люков на красный песок Свалки выскочили космические пехотинцы. Словно на учениях, первый взвод первого полка занял круговую оборону. Но и тогда никто не отреагировал на вторжение. Как бы то ни было, космические пехотинцы захватили самый первый плацдарм на бунтующей Свалке. Боевая операция по восстановлению мира и конституционного порядка началась.

Через час Изумрудная долина наполнилась войсками. Десантные челноки без устали опускают на поверхность Свалки всё новые и новые отряды космических пехотинцев, танки, самоходную артиллерию, универсальные модули. К исходу второго часа в южной части Изумрудной долины под прикрытием покато́й горы вырос Главный базовый лагерь.

Очередной «Торнадо» с воем вошёл в атмосферу. Как обычно мелкая тряска плавно перерастает в зубодробительную вибрацию. Ну а незадолго до выхода вообще начнётся дикая болтанка. Биал Ришат, рядовой космический пехотинец по прозвищу Ящер, молча стиснул зубы. Ещё только язык прикусить не хватало.

Такое впечатление, будто пилот загрузил спускаемый модуль молоком и очень старается спустить на планету масло высшей пробы. Впрочем, Биал по удобней ухватился за поручни, его можно понять: пусть в Изумрудной долине уже высадился целый полк, но строгий устав требует неукоснительно соблюдать меры безопасности.

Из «Шельмы», боевой машины пехоты, ни черта не видно. Но Биал и так прекрасно представляет, что происходит снаружи. Зубодробительная вибрация переросла в дикую болтанку, значит «Торнадо» уже вышел на бреющий полёт. Пилот дёргает челнок из стороны в сторону. Не дай бог там, внизу, в какой-нибудь расщелине, засел дурной абориген с зенитной ракетой. Биал поёжился, по спине пробежали холодные мурашки.

Рывок в сторону.

Биал припечатался головой о стойку, шлем гулко звякнул. Аж душа в пятки. Противно осознавать, что от тебя сейчас ничегошеньки не зависит. Это же не учения. Дурной абориген и в самом деле может пальнуть зенитной ракетой. Каким бы юрким и прочным не был бы

«Торнадо», какой бы великолепной ИПРО не обладал бы, всегда остаётся крошечный шанс, что его собьют к чёртовой матери. Тогда запертым в двойном гробу космическим пехотинцам не поможет даже сам Великий Создатель.

Резкое торможение. Пол под ногами заходил ходуном. Удар снизу. Биал аж подпрыгнул. Приехали.

Пронзительный скрип и треск упавшего пандуса. Биал нервно сглотнул. Сейчас, или никогда. Под ногами взревел движок. «Шельма» рывком рванула вперёд. С потолка упал вой реактивных двигателей.

— Приготовиться к высадке!

Напряжение разом отпустило, Биал нервно улыбнулся. Раз Зил, командир отделения сержант Зилуч, командует высадку, значит пронесло. По броне заскребли «муравьиные» лапы, значит респы уже соскочили. Приятно, чёрт побери, держать собственную судьбу в собственных руках. А сейчас точно будет высадка, Биал заранее вытащил из зажима на стене электромагнитный автомат «Эмма». «Шельма» в последний раз дёрнулась и остановилась.

— Отделение... На выход!

Биал вскочил с места. Сердце бешено заколотилось. Первая самая настоящая боевая высадка. Судорожно сжимая автомат, Биал выскочил вслед за товарищами наружу... Ах, вот ты какая, Свалка.

Дожив до двадцать лет, Биал ни разу не бывал за пределами Геполы, даже выбраться с Мирема ни разу не довелось. Чужая планета удивляет, завораживает и настораживает.

Да... Биал завертел головой. Это не Мирем, далеко не Мирем. Ничего, абсолютно ничего похожего на родной мир. БМП остановилась возле так называемых Восточных ворот, широкого прохода между невысокими холмами. Направо и налево насколько хватает глаз раскинулась каменистая пустыня. Верхняя часть, кажется, унылый пейзаж. Пески и камни всех оттенков красного тянутся на тысячи километров. На юге, в дрожащей дымке, угадываются горы того самого кратера Финдос. Ни клочка зелени, ну или хотя бы сухой веточки. Ни малейшего признака жизни, вообще ничего. Хотя, Биал напряг память, на Свалке всё же есть жизнь. Правда, как выразился на инструктаже лейтенант Божл, искать её нужно долго и упорно.

В спину ударил дикий вой, Биал резко обернулся. В Изумрудную долину, поднимая огромные тучи красной пыли, опускается очередной десантный челнок.

За миллионы лет дожди и ветра сильно разрушили некогда почти круглый кратер. Песок и глина переполнили каменную чашу и, пробив на стенах пару проходов, сползли во внешнюю пустыню огромными языками. Как будто кто-то специально насыпал подъездные пути.

— Налюбовались? — по связи загрохотал голос Зила. — А теперь за работу. Чтобы через час закопались в землю по самые уши. У кого будут торчать — оторву к чёртовой матери.

Биал убрал автомат в зажим на спине. Сержант не шутит, он и в самом деле уши оторвать может. Пусть в ближайшее время появление противника не предвидеться, но отделение всё равно обязано окопаться по всем параграфам боевого устава.

— Ящер, пошли, — Шалфей, напарник, уже вооружился сапёрной лопаткой. — Как гласит солдатская мудрость: больше земли, меньше крови.

— Пошли, — Биал отцепил от пояса сапёрную лопатку.

Двадцать первому взводу выпала честь перекрыть Восточные ворота. Как ни как, они

оказались на возможной передовой. Биал повертел головой. На забрале шлема синими линиями отображаются будущие окопы и огневые позиции. И то радость: не придётся бегать с рулеткой и колышками. А то на учениях господ офицеры очень любят усложнять жизнь простых солдат всякими нелепыми вводными. Биал с размаху вогнал лопатку в красный песок.

Копать траншею в осадочной породе одно сплошное удовольствие. Песок и тонкие пласты глины легко и быстро отлетают в сторону вероятного противника. Никаких заморочек с дёрном и маскировкой. Руки легко делают привычную работу, а в голову лезут дурные мысли.

Всё же интересно, Биал подправил край бруствера, разбегутся аборигены по хатам или нет? Одно дело всего лишь рота космических пехотинцев, и совершенно другое целая дивизия с танками, пушками и боевыми вертолётами. Над головой назойливо режут «Торнадо». К вечеру на Свалку высадится более пяти тысяч человек с тяжёлой техникой. С такой силой не то что маленькую колонию, Мирем в дымящую пустыню превратить можно.

Привычный рёв «Торнадо» перебил вселенский грохот. Биал ничком рухнул в не докопанный окоп. Руки сами выдернули из-за спины автомат.

Что? Что случилось? Биал осторожно высунул «Эмму» наружу. Встроенная в автомат видеочамера вывела на внутреннюю поверхность забрала вид каменистой пустыни... Ничего.

— Что, бойцы, в штаны наложили?

Голос командира отделения как всегда полон сарказма, но... Биал готов биться об заклад, сержант и сам только что поднялся со дна окопа.

— Не бзди, Ящер, — из-за кучи песка показалась голова Шалфея. — Это всего лишь такшипы.

— Где? — Биал завертел головой.

— Да вон, на север ушли, — пальцем показал напарник.

Точно такшипы. Высоко, высоко в небе, вслед за утихающим грохотом, летят три чёрных треугольника.

Да-а-а... Такшипы, пусть маленькие, но самые настоящие космические корабли, появились со стороны кратера Финдос. Всё правильно: авиация уже взялась за аборигенов. Ну а раз к делу подключили такшипы, значит на головы бунтовщиков падают ну очень серьёзные штучки. Как бы походя кратер Финдос с землёй не сравняли. Они могут. Между тем такшипы, стремительно набрав высоту, исчезли в зеленоватом небе.

Биал закинул автомат обратно за спину и подобрал сапёрную лопатку. Чтобы не творилось на юге, но второе отделение обязано перекрыть Восточные ворота и точка. Биал сориентировался по синей линии и снова вонзил лопатку в красный песок. Но... Что за чёрт? Шалфей по-прежнему сидит в недоделанном окопе в крайне расстроенных чувствах. Лица напарника не видно, но, судя по расслабленной позе, повисшим рукам и голове, ошибиться невозможно. От удивления Биал чуть не поскользнулся на рыхлом песке.

Если сам Биал только-только закончил пехотное училище, то более опытный и зрелый Шалфей прослужил в десанте не один десяток лет. За его спиной несколько боевых вылетов, которые, правда, закончились как учебные. Не так давно бунтующие аборигены тут же бросали вилы и топоры, если над их планетой зависал Первый ударный флот.

— Не бойсь, Шалфей, такшипы нас в обиду не дадут, — Биал не удержался от грубой шутки.

— Да ну тебя! — огрызнулся напарник.

Шалфей закинул автомат за спину и взялся за сапёрную лопатку. Красный песок нервными толчками снова полетел из недоделанного окопа.

Что с ним? Биал молча подивился. Обычно на подобные колкости Шалфей не обращает внимания. Обычно буркнет под нос что-нибудь добродушное и всё. Биал снова взялся за окоп. Но, не прошло и пяти минут, как голова напарника вновь показалась из-за кучи песка.

— Ладно, Ящер, раз такое дело, то лучше сразу..., - Шалфей воткнул лопатку в песок, а сам присел на край почти доделанного окопа. — Может статься и не будет другого случая на чистоту поговорить.

От удивления Биал едва не воткнул сапёрную лопатку в собственный ботинок. Ранее от более опытного напарника ничего подобного слышать не доводилось. Сапёрная лопатка сама выскользнула из рук. Дисциплина и страх перед грозным сержантом отступили под натиском любопытства.

— Вот ты мне много раз жаловался на рутину нашу, армейскую, — после секундного раздумья заговорил Шалфей. — Дескать, каждый день одно и то же. Ещё в училище тебя дисциплина извела, а в дивизии то же самое, только ещё хуже. А знаешь ли ты, недоросль, что лет через двадцать ты эту самую рутину боготворить будешь?

— Как это? — от удивления Биал вытянул шею.

— А так, — Шалфей печально кивнул. — Я когда полноправным пехотинцем стал то же, вот, в бой рвался. Очень повоевать хотелось, по-настоящему. Чтобы и противник реальный был, и чтобы посредники за спиной не маячили. Но... — Шалфей выразительно развёл руками. — Не срослось, не случилось. А с годами привык, пообтёрся, стерпелся, значит. Это вы, молодёжь, от радости описались, когда Свалка независимость объявила и Первому крейсерскому по шее наkostenяла. А по мне так уж лучше десяток учений и ещё сверху пару десятков учебно-боевых вылетов, чем взаправду на этой проклятой Свалке землю ковырять! — Шалфей рубанул ребром ладони по свеженасыпанному песку.

— Так ты, это, того... — Биал замялся, — Боишься?

— Да, боюсь! — с вызовом признался Шалфей. — Угораздило аборигенов именно сейчас объявить о своей треклятой независимости. Не могли годика три подождать.

— И что же было бы через три года? — машинально спросил Биал.

— Через три года у меня истёк бы двадцатипятилетний срок службы, — Шалфей поднял голову. — Я бы имел полное право уйти в отставку, или в службу перевестись, ну или в Адаун сержантом-инструктором устроиться. Да мало ли чего ещё мог. А тут, угораздило: аборигены взаправду воевать собираются.

Шалфей прыгнул в окоп. Жаль, из-за тёмного забрала невозможно разглядеть лицо напарника, но, судя по интонации, он не шутит. Да и какие тут могут быть шутки. Биал подобрал сапёрную лопатку.

Окоп быстро обретает прописанные в боевом уставе очертания. Хлопая лопаткой, Биал уплотняет песок на бруствере. Ещё, наверно, придётся пенобетоном заливать. А то, ведь, до ближайшего дождя... Господи! Ну и дела!

Неужели и он сам лет через двадцать превратится в заводного солдатика, в дорогую игрушку для генералов? Как бы не лютовало командование, как бы не гоняло солдат на бесконечных учениях, но долгий, через чур долгий, мир портит армию. Среди тех, кто выбрал судьбу профессионального солдата, хватает карьеристов и желающих хорошо устроиться. Об этом не принято вспомнить, но, едва в систему Геполы с побитой мордой

вернулся Первый крейсерский, около сотни рядовых и сержантов тут же уволились из десанта. А когда объявили о походе Первого ударного, ещё с десяток подали в отставку. Как говорится, крысы удрали с корабля. Неужели Шалфей жалеет, что не последовал позорному примеру самых трусливых. Или, Биал изо все сил хлопнул сапёрной лопаткой по рыхлому песку, самых умных? Остаётся надеется, что тревога была напрасной.

Над Изумрудной долиной со вселенским грохотом вновь прошло звено такшипов, но Биал даже не стал поднимать голову. Признание напарника породило ещё больше сомнений. Сапёрной лопаткой Биал подрезал неровность на стенке окопа. А ведь Шалфей прав: когда за спиной маячит офицер-посредник, а в поле рвутся учебные взрывпакеты, «воевать» и в самом деле легко и приятно. Остаётся надеется, что аборигены не доведут дело до греха, а послушно разбегутся по родным хатам.

Глава 6. Неизвестность

В забое, где-то в глубинах Свалки, маленькие лампочки едва разгоняют пыльную темноту. Заключённые с носилками и лопатами передвигаются молча, понуриив головы, словно приведения. Каменная пыль кружится в воздухе над подорванной породой и оседает чёрной маской на потных лицах подневольных работников. Да и не нужно слов: за полгода каторжных работ Ланал с напарником довели одни и те же движения до полного автоматизма.

Прокладка туннелей ведётся дедовским способом. Местный инженер по кличке Прораб указывает куда копать. Двое заключённых пробивают пневматическими бурами в забое кучу дырок, аборигены наполняют их взрывчаткой и подрывают. После, когда пыль худо-бедно осядет, заключённым остаётся самая «квалифицированная» работа — с помощью лопат, кирок и носилок перетаскать извлечённый грунт в широкий туннель и высыпать его в длинные металлические тележки.

Ланал с напарником остановились в конце забоя возле кучи вывернутого взрывом грунта. Пластиковые носилки плавно коснулись земли. Не шиш ценность, но бить их ни к чему, только хуже будет. Заключённый по кличке Шлак, орудуя совковой лопатой, принялся нагружать носилки подорванной породой.

Точно четырнадцать с половиной секунд и носилки вновь полные. От рывка колотый камешек скатился с наваленной горочки. Ланал равнодушно проводил его глазами. Ну и чёрт с ним. На этот раз очередь Пылесоса идти впереди. Стараясь не задевать товарищей по несчастью, Ланал с напарником двинулись к выходу. Бесконечный цикл пошёл на очередной круг.

Сразу же после подъёма из анабиоза заключённых отправили на самую тяжёлую и тупую работу — копать туннели. По десять часов в день Ланал с напарником таскают носилки из забоя в широкий туннель и обратно. А где они находится, зачем копают — ни малейшего представления. Несколько раз их перебрасывали с места на место, но каждый раз повторялась одна и та же картина: от одного широкого туннеля прокопать несколько мелких.

Полгода Ланал таскает носилки на пару с Пылесосом, но как звучит его настоящее имя только Создатель ведаёт. Да и ни к чему знать. Ещё на Миреме Пылесос пытался закосить под психа, чтобы хоть так остаться в благодатных объятиях метрополии. Выл на Итагу, бросался на прутья решётки и лизал пыль под кроватью. Не помогло: его всё равно признали вменяемым и отправили на Свалку. Только дурную кличку заработал.

Пылесос фатально молчалив. Раз в месяц слово скажет и то, если ему на ногу кувалда уронить. Впрочем, оно и к лучшему: от безысходности и полного отсутствия хоть каких-то перспектив Ланал и сам почти разучился говорить. Не о чем.

Обращение так себе. Аборигены могли бы быть и по внимательней, но спасибо и на этом. На отдых дают ровно столько, чтобы не падать от усталости. Кормят хорошо, если «похлёбку» можно назвать хорошей едой. Раз в неделю предоставляют возможность ополоснуться водой. Индюк, местный тюремщик по фамилии Индан, сволочь порядочная. Власть проявлять очень любит. Ходит, смотрит, орёт почем зря. Впрочем, ко всему можно привыкнуть. Главное, не давать Индюку повода, ну а если дал, то стоять со смиренным видом и ничего не говорить, пока тюремщик не спустит пар.

Широкий туннель освещён не в пример лучше маленького забоя. У противоположной стены, на длинной скамейки, расселись охранники. Всего четверо аборигенов с пороховыми автоматами стерегут пятьдесят шесть заключённых. Но и этих мающихся бездельем лбов более чем предостаточно — бежать всё равно некуда. Ланал с напарником, подойдя к длинной стальной тележке, опрокинули в неё носилки. Ланал зажмурил глаза. Проклятье! Как ни старался, но всё же зацепил взглядом стенку на лево от входа в забой.

Бунт на Свалке обрушил мечты о будущем. Вместо надежд на освобождение и какого ни какого обустройства на воле пришла пустота, абсолютная бессмысленная пустота.словно робот с топорной программой Ланал не живёт, а существует в промежутке между спальным вагоном и забоем. Но!

Недели две назад бог знает каким образом просочилась невероятная новость. Если верить слухам, над Свалкой завис Первый ударный флот. А значит бунту скоро конец.

Невероятное известие, щедро замешенное на самых причудливых домыслах, словно разбудило подневольных работников. Дошло до того, что заключённые отказались работать и потребовали разрешения создать профсоюз. Индюк, на удивление, сразу же пошёл на попятную. На первом же собрании официально избрали председателя профсоюза, двух заместителей и даже казначея. Но! В тот же день четверых активистов поставили к стенке и публично расстреляли из пороховых автоматов.

Ланала аж передёрнуло от свежих воспоминаний. Длинные очереди дважды перечеркнули тела активистов. На красных полинявших робах большими яркими пятнами выступила кровь. Активисты рухнули на пол и ещё какое время тихо стонали и слабо шевелились. Однако аборигены цинично дали тяжело раненым истечь кровью и умереть. После этого страшного события на стене на лево от входа в забой остались маленькие воронки от пуль, а на полу большие бурые пятна.

После расправы над активистами пришёл страх перед будущим. Пусть аборигены обращаются с заключёнными относительно неплохо, но упорно отказываются отвечать на какие-либо вопросы. Индюк либо орёт, либо смотрит на подневольных работников как на пустое место, либо сразу тычет дубинкой в живот. Плакаты по ТБ и то больше внимания получают. Пятьдесят шесть заключённых зависли между небом и землёй. Мирем отказался от них, а Свалка так и не приняла.

Последние мелкие камешки нехотя высыпались в наполовину полную тележку. Ланал с напарником двинулись в обратный путь. Между забоем и тележкой, между работой и пустым, без сновидений, сном. Бесконечность, это движение по кругу. Никто и ничто не в силах разрушить существующий порядок.

— Внимание!!! — в глубине забоя заорал Индюк. — Работу прекратить! Инструменты сложить! Всем выйти в большой туннель строиться!

А вот и сам Индюк, как обычно безукоризненно выглажен, постиран, побрит и воняет дешёвым одеколоном. На фоне красных полинявших роб наряд тюремщика выделяется, словно золотая ложка среди алюминиевых товарок. Ох и любит же Индюк орать почём зря. Ланал, шагая впереди напарника, обогнул местного надзирателя. Главное не задеть его, не толкнуть ненароком, тогда вонять не будет.

— Вы что?! Охренели!!! — истошный вопль тюремщика словно хлыст ударил в спину. — Я сказал, работу прекратить! Инструменты сложить! В туннель, большой, строиться!!!

Ланал так и замер по среди дороги. Заключённые, кто где был, остановились и с

удивлением уставились друг на друга и на тюремщика. Приказ Индюка свернуть работу раньше времени из ряда вон. Ланал обернулся. До конца рабочего дня ещё далеко. Никто и никогда не получал от Индюка ни малейшей поблажки. А тут...

— Чего уставились? — пухлые щёчки Индюка покраснели от ярости. — Живо, говорю, на выход!

Ланал испуганно разжал руки, носилки гулко брякнулись на землю. Он... Он не шутит? Заключённые, побросав лопаты и кирки, молча потянулись к выходу. Неужели Первый ударный и в самом деле завис над Свалкой? Ланал, едва сдерживая нетерпение, торопливо вышел из забоя. Других причин свернуть работу нет и быть не может. Вот, только, Ланал едва не споткнулся о рельсы, радоваться или бояться? Разум тревожно бьёт в набат и упорно кричит — бойся! Ничего хорошего не будет. А душа тихо шепчет — надейся.

В большом туннеле, вопреки заведённому порядку, целых десять аборигенов в красных боргах с пороховыми автоматами на изготовку. Но на этом чудеса не закончились. Едва заключённые выстроились в кривой прямоугольник, как Индюк приказал начать приём пищи.

Действительно пищи, не еды. Да и трудно назвать «похлёбку» хотя бы пищей: противная на вкус синтетика, но, правда, весьма питательная. Ланал, подчиняясь внутреннему импульсу, через силу влил в себя больше двух литров противной маслянистой жижи. Под конец заключённых загнали в большой спальный вагон. Гулко брякнула стальная дверь, а толстый засов с наружной стороны со скрежетом встал на место.

— Что это было? — не обращаясь ни к кому конкретно, произнёс Пылесос.

От удивления Ланал аж отшатнулся от напарника. Пылесос заговорил! Не иначе Великий Создатель обратил внимание на эту грешную планету.

— Понятия не имею, — честно признался Ланал.

Что произошло неизвестно, спрашивать аборигенов бесполезно. Да никто и не стал барабанить кулаками в дверь и требовать ответа. Ланал с любопытством оглянулся. Товарищи по несчастью словно очнулись от долгого сна. Привычные унылость и полное безразличие разом спали.

— Так, это, может быть... Того? — тощий зек с глазами на выкат выразительно ткнул пальцем в потолок.

— Ты, это, поаккуратней, — предупредил чей-то голос.

— Да что они сделают? — разгорячился тощий зек. — Хана аборигенам! Наши прилетели!

Заключённые разом заговорили. Ланал протиснулся на своё место и улёгся на тонкий матрас. Долго гонимая надежда разом выплеснулась наружу, словно бурный поток прорвала железобетонную дамбу. Подневольные работники принялись городить одно невероятное предположение за другим. Дошло до того, что какой-то мутный тип с безумными глазами принялся уверять, будто не сегодня, завтра Свалку разбомбят ядерными бомбами, а их, ровно пятьдесят шесть избранных, спасут и вернут домой на Мирем.

Версий много, версий разных, но все они так или иначе сходятся к одному: очень скоро brave космические пехотинцы накостыляют аборигенам по шее, а подневольных работников освободят. А как там на самом деле, что их ждёт в ближайшем будущем, никто не в курсе.

Постепенно возбуждённая говорильня сошла на нет. Запертый вагон по-прежнему стоит в большом туннеле без малейшего движения. С наружи не доносится ни звука. Разговоры

окончательно стихли. Ланал незаметно задремал.

Грубый толчок едва не сбросил на пол. Ланал инстинктивно схватился за край узкой лежанки. Вагон ещё раз сильно качнулся и успокоился.

— Сейчас поедem, — пояснил Пылесос.

Напарник сидит на соседней лежанке и напряжённо слушает тишину.

— Они, это, тепловоз прицепили.

— Понятно, — Ланал спустил ноги на пол. — А куда едем?

— Индюка спроси, — без малейшего признака злобы ответил Пылесос.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец вагон дёрнулся ещё раз и путешествие в неизвестность началось.

Куда, в каком направлении и зачем — ни малейшего представления. Часов пять — шесть вагон стучал колёсами по стальным рельсам и качался на поворотах, чтобы в конце концов снова остановиться бог знает где. Наконец грохнул толстый засов, а входная дверь широко распахнулась.

— Живо на выход! — гаркнул Индюк. — Можете прихватить свои матрасы.

Ланал послушно скрутил тонкий матрас и поспешил на выход. Заключённые высыпали наружу. Опять туннель, какие-то проходы, переходы и снова туннели. Индюк в сопровождении двух вооружённых аборигенов в красных боргах шагает впереди и нервно поглядывает через плечо. Ещё шесть вооружённых аборигенов подпирают заключённых сзади.

За очередными воротами относительно неширокий проход неожиданно разошёлся в просторный туннель. Но удивляет другое, Ланал едва не споткнулся о высокий порог. Просторный туннель разделён многочисленными стальными решётками на некое подобие камер. Возле самой дальней из них Индюк остановился.

— Живо! По одному! — тюремщик открыл сваренную из стальных прутьев дверь.

На миг Ланал поймал взгляд Индюка. Господи! Тюремщик, всегда такой самоуверенный и напыщенный, едва держится. А если и орёт, то по глубоко въевшейся привычке. Если бы не парочка аборигенов с пороховыми автоматами за его спиной, то непременно наложил бы от страха в штаны.

Наспех сваренная дверь захлопнулась за последним заключённым. Вместо замка или засова один из аборигенов с помощью портативного сварочного аппарата намертво заварил её. Зато Индюк разом повеселел. Тюремщика распирает дикое желание сказать что-то очень гадкое, противное, как в первый день злосчастливого знакомства. Но... Индюк просто развернулся на каблуках и ушёл вдаль по проходу между импровизированными камерами.

Да-а-а... Похоже они здесь надолго. Ланал пробился в дальний угол и возле внешней решётки прямо на каменном полу расстелил тонкий матрас. Вот зачем разрешили их взять.

— Это что за хрень? — какой-то заключённый, словно не веря собственным глазам, осторожно дотронулся до горячих прутьев решётки.

— Нас заперли, дубина, — ответил кто-то.

— А зачем?

— Чтобы ты не сбежал.

На риторический вопрос последовал риторический ответ. Ланал прилёг на матрас. А действительно, зачем?

Озадаченные заключённые разбрелись по импровизированной камере. Что задумали аборигены? Зачем загнали бог знает куда и заперли бог знает где? Что им помешало просто

поставить подневольных работников к стенке и перестрелять, раз уж на то пошло? Одно радует — убивать не собираются. Пока. По крайней мере.

Ланал, повернув голову на бок, выглянул наружу. Напротив, через проход, точно такая же импровизированная камера. Толстые прутья вставлены в каменный пол и потолок небрежно, криво, без какой-либо предварительной разметки, но на совесть. Всё указывает на то, что аборигены соорудили эту тюрьму на скорую руку, причём совсем недавно. Ланал пощупал сварочный шов. Корочка шлака, прикрывающая сварочный шов, до сих пор покрыта серой пылью. Стальные прутья слегка влажные и пачкают подушечки пальцев.

А это что-то особенное? Ланал запрокинул голову и вытянул шею. Сразу не обратил внимания: просторный туннель перегороден сплошной стеной. Точнее, не совсем сплошной. По середине малозаметная дверца с высоким порогом, закруглёнными углами и штурвалом запорной системы. Не иначе герметичная.

Туннель наполнился топотом многочисленных ног. Ланал присел на матрасе. В центральном проходе показались ещё двое аборигенов в красных боргах с пороховыми автоматами. За ними ещё один в таком же как у Индюка зелёном кителе с кучей карманов, в заправленных в ботинки штанах и широким ремнем на талии. И, от удивления Ланал даже привстал, целая толпа заключённых в знакомых красных комбинезонах полинявших от времени и тяжёлой работы, с унижительными штрих-кодами на спинах.

— По одному. Живо! — скомандовал тип в зелёной форме.

Да это же, Ланал прижался лицом к решётке, двойник Индюка! Точнее, его коллега. Такой же тюремщик при группе заключённых.

Группу подневольных работников точно так же загнали в импровизированную камеру напротив. Тот же абориген со сварочным аппаратом старательно заварил дверь. Дальше — больше.

Вдали показалась третья группа заключённых в сопровождении очередного Индюка в зелёной форме и вооруженных аборигенов. А потом четвёртая, пятая, ещё и ещё. Импровизированные камеры быстро наполняются подневольными работниками в красных комбинезонах.

— Эй! — крикнул Ланал коротышке с коротко стриженными рыжими волосам. — Вы кто?

— Эмигранты третьей категории, — ответил стриженный.

— С Мирема, — удивлённо выдохнул Ланал.

Эмигранты третьей категории — именно так называют тех, кого высылают с Мирема по приговору суда на Свалку или подобные ей дыры. Те, кто иммигрирует добровольно, предпочитают более дружелюбные миры типа Акатуны.

— А вы кем будете? — спросил стриженный.

— Да как и вы — работяги подневольные, — ответил Ланал. — Вас, того, тоже туннели копать заставили?

— Ага, по десять часов в день без продыха, — стриженный тяжело вздохнул.

Стриженный представился Молотком. Как его настоящее имя Ланал спрашивать не стал. Хватило пяти минут, чтобы обменяться схожей до мелочей судьбой товарищей по несчастью. Их так же подняли из анабиоза где-то полгода назад и так же отправили копать туннели чёрт знает где и чёрт знает зачем. Свой Индюк по кличке Додо так же гонял их на работу и так же усердно отказывался отвечать на вопросы. Ланал, глядя на заполняющиеся камеры, только удивился. Как-то не думал, что на Свалке таких же бедолаг может быть

очень и очень много.

Ланал прикинул в уме. Если в каждой камере человек по шестьдесят, то... Учитывая, сколько в просторном туннеле камер... Ланал, насколько позволили прутья решётки, скосил глаза вдоль центрального прохода. То... Будет где-то от полутора до двух с половиной тысяч заключённых. Ну дела!

Разговор с Молотком быстро наскучил. Как и товарищи по отряду, рыжий знает ни чуть не больше. В его отряде так же циркулируют самые разные слухи и домыслы. Самый главный вопрос: зачем, с какой целью, аборигены согнали их в этот туннель, так и остался без ответа.

Ланал снова прилёт на тонкий матрас. Товарищи по несчастью продолжают делиться слухами и домыслами. Туннель гудит, словно растревоженный улей. Толку-то. Жаль, дальний конец туннеля не просматривается, но, очевидно, аборигены загнали последнюю партию заключённых и ушли. Просто так взяли и ушли. За последний час мимо камеры не прошёл ни один абориген хоть в красном борге, хоть в зелёной форме, хоть с пороховым автоматом, хоть с чёрной дубинкой. Вообще никого. Ланал с тоской посмотрел на живот. Прошло много часов с последней кормёжки, а новой никак не намечается. Как хорошо, что вовремя сообразил влить в себя аж целых два литра жидкой гадости. Кто его знает, что там у аборигенов на уме?

За полгода каторжных работ выработалась привычка: если в вертикальном положении — значит работать, если в горизонтальном — значит спать. Ланал задремал. Как ни как, а впервые время жизни на Свалке появился выходной.

Пол под тонким матрасом ощутимо дрогнул. Ланал тут же открыл глаза. Сна как не бывало. Вроде тихо. Или показалось? Со стороны стены с герметичной дверью долетел тихий, приглушённый толстым металлом, но совершенно отчётливый гул.

Минута... Другая... И снова пол под матрасом ощутимо дрогнул. С небольшим запозданием просторный туннель вновь наполнился приглушённым гулом. Заключённые тревожно притихли. Что за хрень?

— Братцы! — во всеобщей тишине незнакомый взволнованный голос рванул, словно бомба. — Да это же — бомбёжка! Наши лупят по Свалке!

Секундное замешательство сменилось всеобщим ликованием.

— Да-а-а-а!!! Ура-а-а-а!!!

Просторный туннель взорвался от оглушительных воплей. Вне себя от радости Ланал вскочил на ноги, схватился за решётку и заорал ещё громче:

— Да-а-а-а!!! Вмажьте им! Вмажьте! Да-а-а-а!!!

Толчки и приглушённый гул пошли чередой. Не иначе на поверхность Свалки падают ну очень хорошие бомбочки. А значит Первый ударный действительно прилетел. А значит аборигенов очень скоро поставят раком и заставят освободить заключённых.

— Да здравствует свобода!!! — Ланал что есть сил затряс стальную решётку.

Всё новые и новые толчки под ногами и гул со стороны сплошной стены с герметичной дверью вселяют надежду. В диком возбуждении заключённые орут, скачут. Кажется, ещё немного и стальные решётки падут. Но нет, аборигены сварили их грубо, второпях, но на совесть.

Глава 7. Разгром Щитовой горы

Дежурить на наблюдательном пункте Чагу нравится больше всего. Это тебе не караул, когда словно зомби неприкаянный бродишь глубокой ночью перед наглухо запечатанными воротами партизанской базы. От такого бесполезного занятия противно вдвойне: ну неужели найдётся хотя бы один идиот, что попытается проникнуть на базу, когда снаружи рвёт и мечет шторм? В такую непогоду даже самые вредные проверяющие в кабинетах сидят, чай гоняют. То ли дело наблюдательный пункт.

«Тридцать восьмёрка», или строго по-военному НП — 38, находится в каких-то пяти километрах южнее Щитовой горы. Относительно просторная яма накрыта сверху широкой каменной плитой. Для наблюдения за окрестностями оставлено несколько щелей, но через них мало что видно. Главные глаза «тридцать восьмёрки» десять видеокамер. Обзор на все 360 градусов. Чаг сидит перед повешенным на стену плоским экраном на ровном камне. Пульт управления так себе, всего одна большая кнопка, зато не нужно ломать глаза и пялиться на окрестности через бинокль.

С утра было скучно. Что поделаешь, разнообразием «телевиденье НП» не отличается. Одни и те же картинки Щитовой горы и каменистой пустыни Северного плоскогорья быстро надоели. Но, когда рассвело, авиация метрополии устроила грандиозное шоу.

Аэрокосмические истребители Первого ударного основательно взялись за кратер Финдос. Вот уже несколько часов, как в разных частях Северного плоскогорья то и дело взвиваются в высь огромные столбы красной пыли, под ногами дрожит земля, а через щели во внутрь НП вливается грохот мощных взрывов.

Впрочем, Чаг зевнул, за два часа даже грандиозное шоу авиации метрополии успело наскучить. Хотя... минут двадцать назад противник взялся за Щитовую гору, причём взялся основательно. Чаг бросил взгляд влево, молодой напарник по кличке Хан прилип к смотровой щели и не спускает с горы глаз.

Самое главное представление притягивает своей грандиозностью. Время от времени треугольная гора целиком скрывается под султанами взрывов и клубами пыли. Ангары и административное здание разнесли на куски в первую очередь. Космопорт имени Пилага, главные и единственные ворота Дайзен-2, расколошматили к чёртовой матери.

Стыдно признавать, но противник пуляет отменно, даже красиво. Многочисленные ракеты и планирующие бомбы в прямом смысле залетают в многочисленные амбразуры и орудийные башни Щитовой горы. Свежий пример.

Очередной взрыв сорвал маскировочную сетку на восточном склоне горы. И тут же в тёмную щель амбразуры залетел дымовой след. Ещё миг. Наружу выплеснулись снопы пламени и клубы чёрного дыма. Бетонная громада артиллерийского ДОТа развалилась на куски. Толстый ствол крупнокалиберной пушки скатился к подножью горы, словно недоваренная макаронина. Красиво, чёрт побери.

Чаг глянул на часы в правом нижнем углу экрана. Пора меняться, а иначе можно отупеть от чрезмерного разглядывания одних и тех же картинок.

— Хан! — бросил Чаг через плечо. — Твоя очередь.

Но рядовой Хандор никак не отреагировал.

— Хан!!! — ещё громче позвал Чаг. — Нечего там глядеть. Давай. Садись. Твоя смена. Дай мне посмотреть.

Хан с трудом, словно намагниченный, оторвался от щели.

— Да неужели ты не понимаешь? Они же... Они... — Хан, подбирая слова по выразительней, защёлкал пальцами. — Разносят в пух и перья наш самый главный, самый мощный форт! А он ведь не успел сделать ни одного выстрела!

От волнения армейская субординация начисто вылетела из головы рядового Хандора. В ответ Чаг улыбнулся. Через затемнённое забрало лиц не видно, но постоянное ношение борга научило угадывать эмоциональное состояние собеседника без мимики, по одним только словам и жестам.

— Да как же мы от врага отбиваться будем? — разошёлся Хан. — Ещё немного, и от Щитовой горы камня на камне не останется! В прямом смысле не останется! А ведь у них БМП, танки, артиллерия, вертолеты, наконец.

Чаг держался до последнего, но, в конце концов, дико расхохотался.

— Как?! Да как ты смеешь смеяться?!

Хан кипит от благородного гнева и размахивает кулаками. Чего доброго в драку полезет.

— Да подожди ты! — Чаг выбросил вперёд растопыренную ладонь. — Ты что? И в самом деле не догоняешь?

Такой поворот заставил Хана остановиться.

— А что я должен, как ты говоришь, догонять? — осторожно поинтересовался напарник.

— Ну даёшь! — Чаг перевёл дух.

Хан, или рядовой Жилк Хандор, перевели в первый полк Народной армии из Стратегического резерва. Пусть в своё время ему не довелось громить космических пехотинцев, но он всё таки профессиональный солдат, а не национальный гвардеец от сохи. Парень выносливый, толковый, но местами и впрямь немного не догоняет.

— Прежде всего, Хан, — Чаг поднялся с камня и с удовольствием, до хруста в суставах, потянулся, — Научись различать достоверную информацию и пропаганду. То, что ты видел собственными глазами, щупал собственными руками, то есть достоверная информация. А то, что в последние годы крутили по ТВ — чистой воды пропаганда.

Чаг прошёлся по наблюдательному пункту. Затёкшие от долгого сидения на одном месте ноги начали отходить.

— Да, на экране телевизора цепочка фортов на Северном плоскогорье выглядит очень даже внушительно, особенно наштигованная орудийными башнями Щитовая гора, — Чаг небрежно махнул рукой в сторону смотровой щели. — Но дело в том...

Мощный толчок опрокинул Чага на пол. Через мгновение НП накрыл оглушительный взрыв. Во внутрь через смотровые щели ворвались густые языки красной пыли.

Чаг перевернулся на живот и глянул на монитор. Пронесло! Не по ним. Щитовая гора в очередной раз не просто окуталась, а буквально утонула в целой серии необычайно мощных взрывов. Отлично видно, как из огромного куста красного облака вылетают куски скал и ломанного бетона.

Чаг быстро подполз к пульту управления и приподнял объектив видеокамеры. Точно! В сером небе над горами кратера Финдос стремительно уходят на север три треугольных силуэта. Такшипы. Неприятель пустил в ход тяжёлые кувалды. Щитовой горе точно хана. Очень хорошо.

Глава 8. Захват Бацела

Дороги на Свалке оторви и выброси. Боевую машину пехоты нещадно трясёт на рытвинах и ухабах. Сержант Отгар Чолнар по прозвищу Бес, поднялся с командирского кресла рядом с водителем и, держась за поручни, перешёл в десантный отсек. Колени дрожат, во рту сухо, на лбу временами выступает испарина. Всё нервы проклятые! На очередной колдобине БМП сильно трянуло. Чолнар едва не выпустил поручень.

Десантный отсек залит белым светом. У обоих бортов перед экранами и пультами управления расположились операторы РСПП. Сами «Муравьи» до поры до времени сидят на броне, но в любой момент готовы соскочить на землю и вступить в бой. По сторонам узкого прохода сидят космические пехотинцы. Каждый пристёгнут к креслу широкими ремнями крест на крест. Лица скрыты затемнёнными забралами. Оно и к лучшему.

Чолнар тихо вздохнул. Впервые в жизни ему и его отделению предстоит выполнить самое настоящее боевое задание. Бацел, самое южное поселение в кратере Финдос, является важным административным и транспортным центром. Там же единственный на планете фосфорный рудник и завод по переработке руды. Двадцать пятому взводу первого полка приказано захватить его. «Торнадо» высадили взвод в семи километрах от города. По разбитой вдребезги дороге три боевые машины почти добрались до входа. Дрын, командир взвода, вот-вот объявит высадку.

— Взвод! Внимание! Приготовиться к высадке, — пришёл по связи долгожданный приказ старшего сержанта.

— Отделение! Внимание! — словно эхо скомандовал Чолнар. — Приготовиться к высадке!

Солдаты синхронно вытащили из зажимов на стенах электромагнитные автоматы. Чолнар нервно сглотнул. Сейчас будет самый опасный момент.

— Взвод! Выходим!

— Отделение! Выходим!

«Шельма» сбавила скорость, по инерции Чолнар качнулся на месте. Скрежет по внешней броне, «Муравьи» первыми соскочили на землю. Десантный люк распахнулся. Пехотинцы слажено и быстро выскочили наружу. Чолнар, как и полагается командиру отделения, выбрался последним.

Держа «Эмму» в правой руке, Чолнар впервые вступил на красный щебень Свалки. Ну сейчас! Зелёный квадратик прицела тревожно запрыгал по окрестностям. Видеокамера с автомата передаёт изображение прямо на забрало бронескафандра.

Чолнар быстро осмотрелся по сторонам. Отделение, действуя строго по уставу, рассыпалось позади БМП широким полукругом. Пехотинцы, сидя на одном колене, обозревают окрестности. «Муравьи» выстроились перед боевой машиной по фронту, а сама «Шельма» грозно водит 30-мм стволом из стороны в сторону. Противника не видно, ну и слава богу!

Бацел, как и прочие города Свалки, находится в глубине гор кратера Финдос. Неширокая дорога к входным воротам проходит между высокими холмами. Только перед самым въездом в город некое подобие широкой вытянутой площадки. Чолнар сощурил глаза, автоматика броника тут же приблизила вершину правого холма. Слава Великому Создателю, никого. Чолнар перевёл взгляд на левый холм, и там пусто.

Зажатая между холмами дорога отличное место для засады. Первое и второе отделения выстроились на площади перед входом, а вот для третьего места не хватило, пришлось встать на подъезде. Чолнар зябко поёжился. Не дай бог аборигены откроют миномётный огонь. Миномёты, о ужас, у них точно есть.

— Не стрелять! Без моей команды не стрелять! — долетел по связи приказ командира взвода.

Чолнар нервно переступил с ноги на ногу. На душе тревожно. Неужели старший сержант не понимает, в какой западне находится взвод? Так называемый въезд в Бацел не более, чем дыра в горе, всего лишь бетонный туннель с герметичными воротами. Одна «Шельма» еле-еле пройдёт, да и то развернуться не сумеет.

— Не стрелять! Без приказа не стрелять! — Чолнар едва не забыл продублировать приказ взводного.

— Как это не стрелять? — тихо возмутился Кабан.

У ефрейтора Хрунова, похоже, сдают нервы. Кабан вцепился в «Эмму» словно утопающий в соломинку.

— Ты хоть одного аборигены видишь? — командным тоном спросил Чолнар, не хватало, чтобы ещё и подчинённым передались его тревога и неуверенность.

— Нет, — нехотя признал Кабан.

— Тогда стой и смотри в оба! — отрезал Чолнар.

Кажется, минула вечность. Двадцать пятый взвод, словно скопище идиотов на выгуле, стоит перед запертыми воротами. Господи! Неопределённость хуже всего. До сих пор не ясно: будут аборигены воевать, или уже в ужасе разбежались?

Чолнар сфокусировал взгляд на воротах. Показалось? Да нет, между стальными створками и в самом деле появилась чёрная полоса. Ворота открываются. Вот он момент истины! Может быть как раз в следующую секунду из-под горы повалит толпа бешенных аборигенов. На инструктаже показывали оружие местных. Порох ещё тот анахронизм. Не ведь... И поцарапать может. До крови.

— Взвод. Внимание! Не стрелять! Это парламентёры, — предупредил Дрын.

Точно парламентёры. Чолнар расслабил пальцы, сам не заметил, как вцепился в автомат мёртвой хваткой. Так и приклад оторвать недолго.

Наружу, сквозь широкую щель между створками, выбрались двое местных в ярко-синих боргах. Тот, что впереди, держит длинную палку с куском белой ткани. Второй абориген ниже и толще. Парламентёры отошли от ворот на пару десятков метров и остановились. Тот, что повыше с флагом, опустил древко на землю. Тот, что ниже и толще, вышел ещё на два шага вперёд. Переговоры будут, только о чём?

Третьему отделению полагается прикрывать тыл взвода, бдеть, чтобы враг коварно не пнул по заднице. Но... Любопытство сильнее устава. Чолнар вытянул шею. Парламентёров отлично видно, жаль лиц не разглядеть. Кажется, будто низкий и тонкий просто стоит на месте и пугливо вертит головой. Чолнар тихо выругался: простым солдатам не полагается присутствовать на переговорах. Только и остаётся стоять, смотреть и быть в полной боевой готовности ко всем возможным неожиданностям.

— Бес, слышишь меня?

— Да, командир, — Чолнар переключился на приватный канал связи со старшим сержантом.

— Аборигены капитулируют.

— То есть как это капитулируют? — Чолнар затаил дыхание.

— Не надейся, только этот город.

Чолнар разочарованно засопел.

— Бес, — продолжил командир взвода, — твоя задача войти в Бацел и взять мэрию. Этот толстый унижено молит не открывать огонь и не портить их бесценное имущество. Так что не стреляй понапрасну.

Сердце тревожно сжалось, Чолнар едва сдержался, чтобы не разругаться по-чёрному.

— Сам понимаешь: темнят аборигены. Действуй. Если что, мы отомстим.

Чолнар едва не поперхнулся: Дрын шутит редко, но метко.

— Есть действовать, — ответил Чолнар.

Тревожная неизвестность продолжается. Сначала снаружи, а теперь ещё и внутри. А вдруг ловушка? Как-то не хочется совать голову в пасть льва. Хотя... Чолнар ещё раз глянул на парламентёров. У того, что ниже и толще, от страха подгибаются колени. Какие из них львы? Шакалы, не более. Тяпнуть за пятку и смотаться в кусты. Хотя...

— Отделение, — Чолнар перешёл на общий канал связи. — Наша задача войти в Бацел и захватить мэрию. Аборигены объявили о капитуляции. Без прямой угрозы не стрелять.

В ответ донеслось невнятное мычание. Оно и понятно: приказ взводного не кило конфет.

— «Муравьи» и «Шельма» вперёд. Остальные за мной, — приказал Чолнар.

Респы проворно засеменяли вперёд. «Шельма», взревев мощным движком, тронулась с места. Пехотинцы выстроились за боевой машиной в две колонны. Аборигены испуганно отскочили в сторону, когда мимо них пробежали «Муравьи».

— Шнурок, Суслик!

— Да, командир, — разом отозвались рядовые Шилан и Суран.

— Хватайте аборигенов и тащите следом. Если там, — Чолнар кивнул в сторону широко распахнутых ворот, — ловушка, то пусть эти двое сдохнут первыми.

— Сделаем! — радостно ответили подчинённые.

Рядовые подскочили к аборигенам. Высокий Шнурок грубо развернул знаменосца в сторону ворот и выразительно ткнул в спину дулом автомата. Местный сразу всё понял и покорно пристроился к концу колонны. А его более низкий и толстый напарник от страха едва не рухнул на колени. Суслику пришлось подхватить аборигена под руку и тащить чуть ли не на себе.

Над головой сомкнулся бетонный свод. Яркий день и оперативный простор остались за спиной, третье отделение углубилось в тёмный туннель. Чолнар с тревогой вглядывается вперёд. Как-то не думал, что придётся воевать под землей. Из всех видов учений отработка боевых действий в условиях ограниченного пространства и видимости — самый сложный и поганый вид. Когда находишься под землёй, то нехотя возникает чувство, что тебя уже похоронили. Живое. То ли дело в чистом поле!

— Бес! Впереди запертые ворота, — доложил Ключ, рядовой Кемар, штатный водитель «Шельмы».

Чолнар выглянул из-за БМП.

— Командир! — воскликнул Шнурок. — Ворота закрываются. Это ловушка!

Чолнар резко обернулся. Только не паниковать. Шнурок прижал аборигена к стене и буквально насадил его на дуло автомата.

— Отставить панику! — резко выкрикнул Чолнар. — Это шлюз. На Свалке нет

кислорода.

Второй парламентар упал на колени и обхватил голову руками. Ещё мгновение и натянутый, словно гитарная струна, Суслик разнёс бы его череп вдребезги.

— Всё нормально. Сейчас наружные ворота закроются, а внутренние откроются, — Чолнар попытался успокоить подчинённых, да и себя заодно. — Огонь открывать только при наличии непосредственной опасности.

Дисциплина великая вещь. Солдаты жутко нервничают, но не настолько, чтобы палить во все стороны и сносить головы кому попало.

Так и есть. Чолнар облегчённо выдохнул. Едва створки наружных ворот плотно сошлись, как передние ворота начали открываться. В шлюзе горит два ряда тусклых лампочек, но, после яркого дня снаружи, да ещё и с перепугу, кажется, будто внутри наступила крошечная тьма. Наконец внутренние ворота открылись полностью.

— Вперёд! Пошли! — скомандовал Чолнар.

Третье отделение, соблюдая прежний порядок, двинулось вперёд. Рёв «Шельмы» в узком пространстве забивает все звуки. Туннель, слегка изгибаясь вправо, уходит в глубь горы. Чолнар настороженно посмотрел по сторонам, глубоко закопались, ничего не скажешь.

Впереди сияет выход их туннеля. Чолнар включил приближение. Метров через сорок бетонные стены расходятся в стороны. Если аборигены всё же решили устроить подлянку, то сейчас самое время. Отделение сжато в туннеле. Нужно очень большое везение, чтобы пуля, или тем паче снаряд, пролетели мимо.

Передовые респы выскочили на площадь за туннелем. Чолнар невольно бросил взгляд на боекомплект «Эммы»: ровно 100 пуль, полный магазин. Да ещё граната в подствольнике. Господи! Какие только мысли не лезут в голову от нервного перенапряжения.

Ну всё: либо сейчас, либо никогда! Шум мотора несколько стих, когда «Шельма» высунула нос из туннеля. Ну же! Чолнар, прячась за боевую машину, подогнул колени. БМП самая важная мишень. Бронетехнику вообще не дело пускать под землю. Толку от неё. В пространстве. Ограниченном.

Ничего. Чолнар выпрямил согнутые колени и убрал палец со спускового крючка. «Шельма» без проблем выкатила на Центральную площадь Бацела. Пехотинцы и респы рассредоточились в разные стороны. Если аборигены упустили самый удобный момент для атаки, значит нападать точно не будут. По крайней мере, пока не будут.

Чолнар перешёл на шаг. Немного обидно, даже. Многолетняя подготовка, стремительное наступление и запредельное нервное напряжение обернулись пшиком. На полигоне дают возможность выпустить пар и злость, расстрелять мишени. Отличная нервная разрядка. А здесь... Не на ком, совершенно не на ком сорвать злость.

Как хорошо, что затемнённое забрало скрывает лицо, всё меньше позора. А то, ведь, плакать хочется. Чолнар огляделся по сторонам. Центральная площадь Бацела пуста и заброшена. Мусор не убрали недели две. БМП остановилась возле самого большого здания на площади. На стене, возле распахнутой двери, висит перекошенная табличка с надписью «Мэрия». Объект наступления достигнут.

Если приглядеться, мэрия никакое не здание. Бацел город подземный. Центральная площадь, по сути, огромный зал, в который вливаются четыре туннеля. Фасады зданий вырезаны на стенах большого зала, а внутренние помещения выдолблены прямо в скале. В высшей точке свода сияет огромный светильник, некое жалкое подобие Геполы, родной

звезды Мирема.

— Ключ! Возьми под прицел центральный выход с площади, — приказал Чолнар.

— Сделано, — отозвался водитель БМП.

— Тайфун! Одного «Муравья» поставь на левый туннель, другого на правый.

— Принято, — ответил оператор РСПП.

— Шатун! — Чолнар повернулся к младшему сержанту Штуну. — Бери Шнурка и Суслика. Стерегите площадь, заодно доложи взводному обстановку. Остальные за мной. Зачистить мэрию.

Раздавать приказы нужно быстро, лаконично, но понятно. Впрочем, пусть в мэрию первым войдёт «Муравей», предосторожности лишними не бывают. Чолнар отошёл в сторонку. Респ, перебирая стальными лапами по асфальту, вошёл в распахнутую дверь.

Внутри мэрии бардак и запустение. Дорожки скомканы, стулья опрокинуты, все двери настежь, пол завален бумагами и опилками, по углам серыми кучками скопилась пыль. Чолнар, осторожно заглядывая в кабинеты, прошёлся по пустым коридорам. Аборигены вынесли из мэрии всё, что только посчитали ценным. Канцелярские столы зияют пустыми столешницами и вывернутыми ящиками. Шкафы распахнуты, мусорные корзины опрокинуты. Местные попытались утащить стопку пластиковых подносов, но, почему-то, так и бросили их по среди коридора.

На очередной двери сияет лакированная табличка «Аппаратная». Наверно это здесь. Чолнар приоткрыл дверь... Никого. Хороший знак. Теперь осторожно просунуть во внутрь автомат. Установленный на «Эмме» фонарик высветил ряд стальных шкафов: дверцы нараспашку, пыльные провода свисают с пустых полок серыми нитями. У дальней стены простой письменный стол и кривобокий стул. Действительно никого нет.

Чолнар, пошарив рукой по стене, нашёл выключатель. Под потолком в разбитом плафоне загорелась тусклая лампочка. Проклятье! Чолнар пнул стальную дверку. Аборигены унесли самое ценное. В этом помещении должен находиться главный компьютер Бацела с архивными файлами. Записи о количестве жителей города, прописке, составе, управлении и даже расходов электроэнергии пропали начисто. Теперь ни налоги собрать, ни общественные работы организовать. Чего, собственно, аборигены и добивались.

Чолнар вернулся на Центральную площадь. Пусть активного сопротивления не было и в помине, зато мэрия наштапована доказательствами сопротивления пассивного. Аборигены сделали всё, чтобы сорвать нормальное управление городом. Наверняка подобный разгром царит в дирекции фосфорного рудника и завода по переработке руды. То-то новое руководство намучается.

Космические пехотинцы расположились у входа в мэрию. В центре площади несокрушимым памятником могущества Федерации возвышается БМП, а вот двух местных жителей в ярко-синих боргах что-то не видно.

— Шнурок, Суслик! — спохватился Чолнар. — Где парламентёры?

— Так, это, — Шнурок смутился. — Сбежали они.

— Как это сбежали? — удивился Чолнар.

— Мы, это, — замялся Суслик, — Центральную площадь контролировали. А они, того, боком, боком и в мэрию. Мы за ними, а они шасть в подвал.

— Ну! — надавил Чолнар.

— Так в подвале труб всяких полно, кабелей.

Мямлящий Суслик похож на малолетнего шалопаю, которого пожилая уборщица

застукала в школьном туалете с куском мела рядом с пошлым рисунком на стене.

— Они, падлюки, затерялись. Там, мы проверили, проходов разных, то есть туннелей, полно, — закончил наконец рядовой Суран.

Нет слов. Чолнар растерялся, но вида не подал. Суслика и Шнурка долго и основательно учили уничтожать врага, а не караулить трусливых гражданских.

— Ладно, потом разберёмся, — Чолнар махнул рукой. — Младший сержант Штун, доложите обстановку.

— Первое и второе отделения под командование старшего сержанта Ганова зачищают Бацел, — Шатун вытянулся по стойке смирно. — БМП первого и второго отделения оставлены снаружи для прикрытия.

— Принято.

Чолнар призадумался. Население Бацела около шести тысяч человек. Это сколько же улиц, домов и ферм? А еще рудник и завод. Значит надолго. Раз третье отделение по факту в резерве, следует превратить мэрию в опорный пункт.

— Отделение! Готовим мэрию к обороне, — произнёс Чолнар на общем канале связи. — Рядовые Шилан и Суран, ваша задача — подвал. Обследовать, перекрыть входы, выходы, заминировать.

— Есть подвал! — отозвались Шнурок и Суслик.

Работа привычная, хорошо знакомая, сколько раз на учениях приходилось отрабатывать. И, поди ж ты, даже не верится, что на этот раз на самом деле. Чолнар прошёлся по Центральной площади Бацела. Да-а-а... Если этот убогий город считается на Свалке центром, тогда что же творится на окраинах?

Чолнар не просто житель метрополии. Он родился и вырос в Инзаре, в древнем городе с населением в несколько миллионов человек. Есть с чем сравнить. Бацел не просто дыра, а дыра в дыре, дыра в квадрате. Но, с другой стороны, он действительно важный стратегический пункт. Бацел не только самый большой город на юге кратера Финдос, а ещё и административный центр. Здесь же находится единственное на планете освоенное месторождение фосфора и завод по переработке руды.

Не прошло и часа, как мэрия Бацела превратилась в укреплённый пункт. Чолнар оценил работу подчинённых. Окна на первом этаже заложены пустыми столами и ящиками, а на втором космические пехотинцы оборудовали огневые точки. Если аборигены вздумают пойти в атаку, то Центральная площадь станет филиалом скотобойни.

Так-то оно так, а на душе всё равно противно. На командирской волне тишина. Старший сержант Ганов, командир взвода, где-то в глубинах подземного города ищет вооружённых аборигенов. А водятся ли такие? Чолнар печально вздохнул. Захватить город полдела, даже треть. Гораздо важнее удержать его. Как бы третье отделение не оставили бы в этой дыре в качестве гарнизона, а его самого в качестве коменданта. Это было бы очень печально.

Только через шесть долгих часов на Центральную площадь маленькими группами в сопровождении «Муравьёв» начали подтягиваться космические пехотинцы из отделений зачистки. За всё это время на главной площади Бацела не показался ни один местный житель. Город как будто вымер. Ещё свет выключить, и тогда иллюзия заброшенного подземелья будет абсолютно полной. Последним на площади появился старший сержант Ганов.

— Витус старший сержант, — Чолнар подскочил к командиру взвода, — Разрешите обратиться!

— Оставь, Бес, — Дрын устало махнул рукой. — Не нашли никого. Аборигены сидят по домам, размахивают руками и клянутся в вечной любви. Но это ещё не самая плохая новость.

Чолнар внутренне напрягся. Неужели? То. Самое.

— Лейтенант Митрас приказал оставить третье отделение в Бацэле в качестве гарнизона, а тебя назначить комендантом, — Дрын стыдливо отвёл глаза. — Так сказать, для контроля над важным стратегическим объектом.

— Есть остаться! — Чолнар вытянулся по стойке «смирно» и ответит согласно уставу.

— Вольно, — разрешил Дрын. — Не злись на меня, это не моя блажь. Прости, но нам приказано уходить.

Первое и второе отделения выстроились в походную колонну и покинули Центральную площадь. Как обычно, когда операция закончена, то войска тут же уходят.

— Бес! Как же так?

— Надолго?

— Какого чёрта мы тут застряли?

Едва последний респ скрылся в выходном туннеле, как подчинённые засыпали недовольными вопросами.

— Отставить! — рявкнул Чолнар. — Мне это нравится не больше вашего! Но приказ есть приказ: обустройвайтесь.

Недовольные голоса тут же смолкли. Остаётся надеется, что подчинённые на самом деле замолчали, а не отключили связь и не чистят командование последними словами. Чолнар вновь направился в глубь мэрии, это должно быть где-то здесь.

А! Вот она. Чолнар подошёл к двери с табличкой «Аппаратная». Конечно, это грубейшее нарушение устава, но... Чолнар вытащил из-за спины «Эмму» и аккуратно прислонил автомат к стене. Рядом положил разгрузку с боеприпасами. Так оно надёжней будет. От греха подальше.

В аппаратной пыль и запустение. Распотрошённые шкафы напоминают ограбленных пилигримов. Чолнар взял кривобокий стул и от души долбанул им по письменному столу.

Хилый на вид стульчик на удивление достойно выдержал удар, только ножки чуть помялись. Тем лучше! Чолнар медленно, растягивая удовольствие, поднял стул над головой и с ещё больше силой долбанул по столешнице. А потом ещё и ещё раз! С упоением, выпуская гругчее раздражение, Чолнар принялся колотить по столу импровизированной дубиной.

На восьмом ударе задние ножки с визгом отлетели в разные стороны, а на пятнадцатом стул окончательно развалился. Чолнар запустил спинку стула в шкаф. Изогнутая пластина, пробив тонкую стальную стенку, застряла намертво. Но злость и гнев по-прежнему требуют выхода. Чолнар поднял отвалившуюся ножку и принялся гнуть её изо всех сил.

Обычная стальная ножка без какого-либо изящества легко свернулась в дугу. Чолнар аж крикнул от натуги! На лбу выступил пот, а руки взывали от напряжения. Наконец, отбросив покорёженную ножку в дальний угол, Чолнар взгромоздился прямо на стол.

В висках стучит, дыхание как у загнанной лошади, зато сразу полегчало. Не зря психологи советуют не держать гнев в себе. Чолнар попытался утереть пот, но рука в броневом рукавице только скользнула по шлему. То, чего больше всего боялся, чего больше всего не хотел допустить, всё же произошло — его оставили в этом чёртовом Бацэле! В этой дыре! В дыре в квадрате!

Остаётся надеется, Чолнар перевёл дыхание, что весь этот бунт очередная фикция. Дай бог, чтобы аборигены благополучно разбежались по хатам, как это бывало ни раз на других

мирах. Хотя... Чолнар с тоской глянул на пустой шкаф и пыльные провода, боевая операция запросто может затянуться на неопределённое время. Хочешь, не хочешь, а обустроиваться в этом городе всё равно придётся и следить, чтобы аборигены не писали гадости на стенах и не гадили по углам. Чолнар встал на ноги. Древний письменный стол, который героически перенёс побои, с треском осел на пол. А кто сказал, что будет легко?

Глава 9. Ярдуш

Эх! Лиха беды начало.

«Торнадо» высадили двадцать первый взвод на восточной окраине Северного плоскогорья. Вопреки тревожному ожиданию, сопротивления никакого. Ей богу, как на учениях: спускаемые модули стукнулись о землю, БМП лихо выскочили наружу. Ещё только наблюдателей для полного счастья не хватает.

Узкая дорога из щебня и красного песка вьётся между холмами. Взвод вытянулся в походную колонну. Рядовой Биал Ришат сосредоточенно и напряжённо шагает за рычащей на ухабах «Шельмой». Второму отделению выпала то ли честь, то ли грязная работа идти в авангарде. Через пару километров в глубине гор кратера Финдос находится небольшое поселение Ярдуш. Картошка, свиньи и туповатые фермеры с чёрными от навоза руками. Никакой промышленности или рудников. Командование приказало двадцать первому взводу захватить этот фермерский посёлок. Прогноз разведки: ожидаемое противодействие противника от слабого до полного отсутствия. Можно было бы с комфортом доехать на БМП прямо до круглых ворот поселения, но всё не так просто.

Биал сощурил глаза, автоматика броника тут же приблизила убегающую вдаль дорогу. Вот он! Тот самый поворот: огромный обломок скалы, угол каменной стены. Дорога круто заворачивает под ним влево на девяносто градусов.

Дорога на Ярдуш примерно на середине пути изгибается ступенькой. Участок длиной метров сто зажат между скалами. Неудивительно, что именно на этом изгибе аборигены построили форт. Авиация, конечно же, долбанул по нему парой-тройкой высокоточных ракет, но... всегда остаётся вероятность очень неприятных сюрпризов. По спине пробежал неприятный холодок. Кто его знает? Может аборигены до сих пор сидят в бетонных развалинах и заряжают свои допотопные пушки.

— Внимание! Взвод, стой!

Биал едва не ткнулся носом в зад БМП. Картинка перед глазами на миг смазалась и вновь вернулась к нормальным размерам, автоматика отключила приближение. Лис, командир взвода старший сержант Якал Лигас, приказал остановиться.

— Второму отделению проверить форт. Выполнять!

— Есть выполнять! — отозвался сержант Зилуч.

Биал внутренне напрягся. Началось!

— БМП и пехотинцам оставаться на месте. «Муравьям» выдвинуться вперёд. Проверить наличие противника! — распорядился Зил.

«Муравьи» тут же сорвались с места, только пыль из-под стальных лап. Биал крепче сжал автомат. «Ступенька» на дороге — очень удобное для обороны место. Любой, кто высунется из-за поворота, тут же получит пулю в лоб, а то пушечный снаряд. Обойти форт, Биал с сомнением посмотрел на подступающие к дороге скалы, если и можно, то очень долго. Да и какой смысл?

Респы завернули за угол.

Ну-у-у!!! Сердце бешено заколотилось.

Тишина... Ни выстрелов. Ни взрывов. Биал ослабил хватку, так ведь и автомат сломать можно.

— БМП вперёд! Пехотинцам не отставать!

«Шельма» рывкнула мощным движком, качнулась и двинулась вперёд. Биал тревожно считает метры. Двадцать, десять, пять... Второе отделение обогнуло огромный обломок скалы.

Либо сейчас, либо никогда! Биал вскинул автомат. Палец упёрся в спусковой крючок. Только миг!

Ничего. В узком проходе между скалами только эхо от урчащего двигателя БМП.

Кажется, будто насыпная дорога упирается прямо в скалу. Но нет, Биал плавно повернул автомат. Полоса из щебня сворачивает вправо. На повороте, словно охотничьи собаки, замерли респы. Металлические головы с пулемётными стволами задраны вверх. А! Ну правильно. Биал проследил взглядом. На сером фоне только при увеличении можно заметить куполообразный бетонный выступ. Из чёрного провала бойницы торчит свёрнутый в сторону толстый ствол. Наверно это и есть форт.

— Не стрелять!

Приказ сержанта Зилуча словно ведро студеной воды на голову. Биал нехотя убрал палец со спускового крючка. Пусть бойница всего одна, зато наступающие пехотинцы как на ладони. Достаточно одного пулемёта... Да и не факт, что «Шельма» успеет заткнуть аборигенов. Второе отделение торопливомедленно продвигается вперёд.

Мёртвая зона! БМП остановилась прямо под бетонным выступом. Биал прижался к скале. Ух-х-х! Зачёт по высшей математике и то легче сдавать было. Рядом остановились товарищи по отделению. Теперь из бойницы их не достать. Разве что, Биал глянул вверх, гранату кинут.

— Ящер, Шалфей. Вперёд! Остальные за ними, — приказал Зил.

Небольшая насыпь из крупных камней и щебня доходит почти до бетонного выступа. Биал быстро взобрался наверх. До чёрного провала амбразуры рукой подать. Странно? Биал пощупал серый бетон. Могли бы и по выше сделать.

Скала в мелких выбоинах. Крупных воронок нет, да и не должно быть. Высокоточные ракеты в прямом смысле в амбразуры залетают. Рядом остановился напарник.

— Ну что, Ящер, повоюем? — Шалфей вытащил из кармана разгрузки гранату и выдернул чеку.

Биал молча кивнул. А на душе погано: это же... война, настоящая. У Шалфея в руках настоящая граната, а не учебная хлопушка. Там, внутри, настоящие злые аборигены с пороховыми автоматами, а не подвижные манекены с дешёвой пиротехникой.

— Пошёл! — Шалфей закинул в амбразуру гранату.

Три секунды. Взрыв. Изнутри вылетел снап пламени. Биал тут же ухватился за край амбразуры и рывком забросил себя во внутрь.

Главное, как можно быстрее попасть во внутрь форта. Биал изо всех сил перебирает руками и ногами. Следом заскочили Шалфей и ещё двое пехотинцев. Да где же спуск?

В ответ глухой удар. В ушах звон. Биал выбросил левую руку вперёд, ладонь упёрлась в каменную стену.

Что за чёрт? Биал поводит рукой туда и сюда. Впереди по-прежнему каменная преграда. Это надо же было со всего размаху врезаться головой в стену.

— Не стой! Вперёд! Вперёд! — сзади толкнул Шалфей.

— Некуда вперёд, — Биал обернулся.

К чёрту маскировку, Биал включил на автомате фонарь. Яркий луч прорезал пыльную тьму и упёрся в каменную стену. Биал поводит стволом вправо, влево. Тупик. Ещё три луча

прорезали темноту. Внутри сразу стало светло.

— Ну дела! — Биал осветил ствол пушки.

— Что у вас? Доложите обстановку! — потребовал командир отделения.

— Зил, ты не поверишь, — удивлённо воскликнул Биал. — Это фальшивка.

Секундная пауза.

— Подробности.

— Это, это... Фальшивый форт, — Биал не сразу совладал с удивлением. — Внутри ничего нет. Просто выемка в скале и всё. И это не пушка вовсе, — Биал ткнул кулаком в чёрный ствол. — Всего лишь труба. Она даже не закреплена.

Трудно поверить, но этот так. Двигая автоматом, Биал в деталях разглядел внутренности так называемого форта. Выемка в скале шириной в метр и глубиной около трёх. На передней стене воронка от взрыва. В стороне валяется кусок хвостового оперения. Высокоточная ракета залетела в амбразуру и взорвалась. Толку то! Взрывной волной тяжёлую трубу отбросило к левой стене. Биал провёл ладонью. На полу, под тонким слоем пыли и мелкий камешков, отчетливо видно, где кончается бетон и начинается скала. Точно фальшивка.

— Выбирайтесь, — приказал Зил.

Биал самым последним выбрался наружу.

— Хорошо-то как! — восторженно произнёс Биал.

После страха и замкнутого пространства липового форта внешний мир кажется бесконечным. Как бы там ни было, а наступление продолжается.

— Строиться! — приказал Зил.

Пехотинцы спустились обратно на дорогу.

— Проклятье, — тихо, почти про себя, ругнулся Биал.

Второе отделение как было в авангарде, так и продолжает идти впереди взвода. Лис, приличия ради, мог бы и в арьергард отправить. Нет в жизни справедливости.

— Не понимаю, зачем это пугало? — Биал бросил взгляд через плечо.

Бетонный выступ липового форта вот-вот скроется за поворотом дороги.

— Если он и задержал нас, то на полчаса максимум. Ну, разве что, понервничать заставил, — закончил Биал.

— Молод ты ещё, Ящер, — отозвался Шалфей. — Вот сколько, по-твоему, стоит одна граната?

— Ну... — Биал глянул на правый край разгрузки, вдоль которого протянулся ряд кармашком под ручные гранаты. — Как-то не думал об этом.

— А зря, — Шалфей огляделся по сторонам. — Подробные цифры не принято публиковать, но, по моим прикидкам, простому работяге, не слишком умному, впрочем, полмесяца вкалывать надо.

— Ну и что? — не понял Биал.

— А чтобы купить одну высокоточную ракету, которая углубила этот липовый форт на полметра, этому самому работяге придётся вкалывать три жизни подряд, — ответил Шалфей.

— Отставить разговоры! — рявкнул Зил.

Но и без командирского окрика совершенно расхотелось чесать языком. Из-за рычащей «Шельмы» всё ближе и ближе проглядывает вершина «семь пять дробь восемь», под которой находится Ярдущ. Это уже не холм, а самая настоящая гора.

Хитрость аборигенов настораживает. Они и не собирались цепляться за ту самую

«ступеньку» на дороге. Зато ловко, и с не малой выгодой, сократили арсенал Первого ударного и второго отделения двадцать первого взвода в том числе. Это значит, что на их буйную голову упадёт одной высокоточной ракетой и одной ручной гранатой меньше. Ведь новую ракету и гранату придётся везти аж за девятнадцать световых лет. Есть от чего призадуматься и насторожиться.

— Взвод... стой!

Биал замер на месте. Дошли? Биал украдкой выглянул из-за «Шельмы». Нет, не дошли. Дорога расширяется в некое подобие площадки и уходит в широкий туннель. Стальные ворота заперты наглухо. Насыпь из красного песка подпирает створки. Ясно дело, ворота очень давно не открывали да и не собираются открывать.

— Взвод... Рассредоточиться. Залечь.

Биал отбежал в сторону и залёг возле небольшого камня. Защита чисто символическая, но выбирать не приходится. Товарищи по отделению разбежались кто куда, а респы, поджав лапы, легли прямо на дорогу. Негде здесь прятаться, да и зачем?

— Приготовиться к наступлению!

Биал взглянул на запертые ворота. Лис прикалывается так, или...

С небес упал рёв реактивных двигателей, Биал резко обернулся. С востока заходит звено АКИ. Космические истребители похожи на мелкие чёрточки, зато шуму! Ну понятно...

Первая ракета ударила точно в створки ворот. Мощный взрыв буквально вдавил их во внутрь. В тёмный провал тут же протянулся дымный след. Второй взрыв выплеснул наружу чёрный дым и множество железных осколков. И тут в туннель влетела третья ракета. Последний взрыв раздался глубоко внутри горы. АКИ с рёвом ушли на запад.

— Третье отделение... В атаку! Вперёд! Вперёд!

Руки сами оттолкнули тело от земли, Биал резво вскочил на ноги. Быстро вперёд! Респы уже скрылись в темноте туннеля. Рёв «Шельмы» заглушает шаги и тяжёлое дыхание.

Всё правильно: первые две ракеты снесли шлюз, а третья разорвалась внутри поселения. Пока аборигены не очухались, нужно рвать когти.

Куда? Какого чёрта? Биал едва не споткнулся на ровном месте. Если респы уже заскочили в темноту туннеля, то «Шельма» резво свернула в сторону и едва не ткнулась носом в скалу.

А! Ну да. Биал, не снижая скорости, пробежал мимо боевой машины. Бронетехнике под землей делать совершенно нечего.

Проворные респы убежали вперёд метров на сто. В темноте туннеля отлично видно, как из под их металлических лап вылетают жёлтые искры. Под ногами шуршат обломки ворот и камешки. Биал перепрыгнул через покорёженный лист железа. Не упасть бы.

Стены туннеля резко разошлись в стороны. Тусклый свет ламп высветил круглый зал большого размера. Вдоль стен двери и окна в два ряда. В центре голые кусты и скамейки. А! Ну да! Биал повернул вправо. Центральная площадь Ярдуша. Три туннеля отходят от неё в разные стороны.

Под ногами захлюпала чёрная жижа, Биал едва не поскользнулся. Что за дрянь? Но тут их тёмных туннелей вылетели огненные шары. Ближайший респ окутался импульсами ИПРО и исчез под взрывом.

Биал упал на землю. Взрывная волна толкнула в плечо и чуть не развернула. Рефлексы вперёд мыслей. Биал открыл бешенный огонь по ближайшему туннелю. Рядом загрохотали автоматы товарищей.

Но продолжения не последовало. Биал поднялся на ноги и подбежал к правому туннелю.

— Чёрт! — на последнем метре левая нога сама уехала вперёд, Биал с разгону стукнулся в стену. — Да что это за дрянь такая?

— Горючий состав термобарического заряда, — рядом притормозил Шалфей. — В этом поганом Ярдуше нет кислорода. Вот и не сработало.

Броник напарника перепачкан всё той же чёрной маслянистой дрянью. Да, Биал выставил из-за угла автомат, лопухнулись отцы-командиры.

Тусклые светильники аварийного освещения едва разгоняют тьму. Впрочем, Биал прибавил увеличение, четыре фигуры торопливо убегают вдаль. Биал вышел из-за угла и опустился на колени. Зелёный квадратик прицела накрыл ближайшую фигурку, Биал вдавил курок.

Электромагнитный импульс большой мощности разгоняет пулю быстрее скорости звука. Грохот выстрелов эхом отразился от стен. Но, чёрт побери, поздно. Аборигены благополучно свернули за угол.

— Вперёд! — Биал рванул вдаль по туннелю.

Успеть! Успеть! Во что бы то ни стало успеть добежать до конца туннеля. Успеть, пока противник не закрепился на новом рубеже. За спиной грохочут ботинки товарищей по отделению. Поздно. На том конце туннеля запульсировал огненный круг. Биал инстинктивно рванул в сторону и сходу вломился в дверь.

Что это? Биал быстро перевернулся на одно колено и поднял автомат. Света нет, автоматика броники перешла на ночной режим. В чёрно-белом свете показался маленький зал, несколько дверей и отброшенный в сторону половичок. Слева на вешалке висит одинокий ремень. Ну да, Биал опустил автомат, жилище аборигенов. Тем лучше. Биал повернулся к входной двери.

В туннеле царит адский грохот. От бетонных стен отлетают фонтанчики огненных брызг. Биал осторожно выставил автомат наружу. Ни хрена себе! Пулемёт. Крупнокалиберный. Очередная пуля высекла из пола кучу искр, от бронированного рукава отлетели бетонные крошки.

Так. Биал на глаз прикинул расстояние. Крупнокалиберный пулемёт рядом совсем, в сполохах огня можно различить размытые фигуры пулемётчиков. Биал поднял прицел чуть выше пульсирующего круга и нажал на курок. Граната вылетела из подствольника.

Секунда. Две.

Яркая вспышка. Биал открыл огонь.

Крупнокалиберный пулемёт на той стороне туннеля заткнулся. Биал выскочил в туннель. От напряжения дрожат колени, лицо горит. Только бы успеть!

— Ети!!! — Биал добежал до конца туннеля, но тут же с грохотом поскользнулся на куче дымящихся гильз.

Так и шею свернуть недолго. Биал перевернулся на колени. Вот ещё один неучтённый поражающий фактор порохового оружия — круглые гильзы.

— Ты цел? — рядом, сдвинув гремящие гильзы в сторону, присел Шалфей.

— Ерунда! — отозвался Биал. — Задницу чуть не отбил, на гильзах прокатился.

— Ну даёшь! — Шалфей поднялся на ноги. — Аккуратней на поворотах. И не отрывайся от коллектива.

Россыпь стрелянных гильз на месте, а самого пулемёта нет и в помине. Хотя... Биал

посмотрел по внимательней, по бетонному полу тянется кровавая полоска. Значит как минимум одного аборигена граната достала.

К Биалу с напарником подтянулись товарищи по отделению. Уступами, взаимно прикрывая друг друга, маленький отряд космических пехотинцев двинулся дальше.

Поворот. Ещё поворот. Едва освещённые аварийными лампочками туннели, двери, двери и снова туннели. Аборигены выкопали Ярдуш без какого-либо плана, как будто специально хотели запутать космических пехотинцев. Если бы не кровавый след на полу, то и заблудиться недолго.

После скоротечной стычки недалеко от входа в поселение, тишина давит на уши. Осторожные шаги и лязг «Эммок» словно раскаты грома. Опять поворот. Биал выставил из-за угла автомат.

Грохнули выстрелы. Биал отдёргнулся назад. Стена рядом скрылась под кустиками взрывов, осколки щедро осыпали броник.

От ярких вспышек перед глазами заскакали цветные зайчики. Биал тряхнул головой. Это, это не пулёмёт. Это что-то другое. В голову стрельнула шальная мысль — неужели гранатомёт, автоматический?

Снова короткая серия выстрелов, но взрывов нет.

— Гранаты! — Биал судорожно отпрыгнул назад.

Чёрные цилиндрики рикошетом от стен завернули за угол. Яркие взрывы. Биала протащило по полу. Словно кувалдой по ногам долбанули.

Ну дела! Биал поднялся с пола. В туннеле тишина, но повезло далеко не всем. Над упавшим пехотинцем склонились товарищи по отделению.

— Фазу зацепило!

— Убит?

— Ранен!

Возбужденные голоса гудят все разом, кто есть кто не разобрать.

— Раненного оставить! — приказ Зила, командира отделения, разом закрыл дискуссию. — Вы ему ничем не поможете. Продолжайте преследование.

— Есть продолжать, — машинально ответил Биал.

Такова суровая реальность войны, Биал снова выставил автомат из-за угла. В Ярдуше, внутри поселения людей, царит атмосфера Свалки. При всём желании товарищи по отделению ничем не могут помочь раненому. Остаётся уповать на медблок. С Фазы даже шлем не снять.

Очередной проход вливается в огромный туннель, даже больше, чем входной. На полу железнодорожные рельсы. Справа стальные ворота. Калитка с закруглёнными углами полуоткрыта.

— А-а-а! Сволочи! — Биал злорадно усмехнулся.

Через высокий порог перетекает несколько кровавых следов. Отличное место для засады. Биал разрядил подствольный гранатомет.

Граната сорвала стальную дверь с петель. Грохот взрыва дополнил лязг металла о металл. Времени нет. Биал подскочил к воротам.

— Шалфей! Давай сюда! — крикнул Биал.

А! Сволочи. Молчат! Биал вытащил из разгрузки гранату. С тихим щелчком чека упала на пол. Биал бросил гранату в сорванную калитку. Ухнул взрыв. Ворота дёрнулись, но устояли. Кто бы там ни был, ему точно не поздоровится.

Биал рывком перепрыгнул через высокий порок во тьму. Кувырок в сторону, перевернуться на одно колено и длинной очередью вдоль туннеля.

Никого. Огромный туннель уходит в темноту. Вперёд! Пока аборигены не успели опомниться.

— Второе отделение! Прекратить наступление!

Биал так и замер сидя на одном колене с «Эммой» наперевес. Как же Зил не вовремя.

— Почему, Зил? — выкрикнул Биал. — Мы надерём им задницу!

— Рядовой Ришат! Оставайтесь на месте! — приказал, как отрезал, сержант. — Вы достигли крайней точки наступления и вышли за пределы Ярдуша. Конец связи.

Как обидно! От злости Биал пнул стальной рельс. Сами же учили: если враг драпает, то его нужно догнать и добить. Туннель наполнился грохотом. Из темноты вынырнул огненный шар. Биал упал ничком.

Взрыв. Прямо над головой яркая вспышка. И всё? Биал пошевелил плечами. Не... Жив.

Осторожно, словно боясь нарушить гудящую тишину, Биал глянул вверх. Ничего не видно. Как будто утонул в густом тумане. В полной темноте автоматика броника сама включает активный ночной режим. Но... Всё равно не видно ничего. Должна быть картинка! Хоть какая-нибудь, но должна.

В груди холодным комком запульсировала паника. Так и хочется вскочить на ноги и с громким воплем «Ой мамочка!» броситься наутёк. Но куда? Биал приподнялся на четвереньки и пополз в сторону стальных ворот. Выход должен быть где-то здесь. Обязательно должен быть!

Мало того, что не видно ничего, так ещё и тихо, как в гробу. Эфир как будто вымер. Это уже слишком!

Руки судорожно щупают стальную плиту. Выход! Где-то здесь должен быть выход. Калитка, сорванная.

— О-о-ойй!!!

Руки провалились в пустоту. Высокий порок подло «подставил» ножку. Биал кубарем вывалился из калитки. Бетонная шпала звучно щёлкнула по забралу.

— Ну, Ящер, ну даёшь!

Это Шалфей. Любимый, дорогой напарник.

Эфир наполнен переговорами товарищей по отделению, точнее, всеобщим гоготом. Биал откатился в сторону. Мир снова виден, слышен и осязаем.

— Вы чего? — Биал поднялся на ноги.

— На себя посмотри! — давась смехом, ответил Шалфей.

— О господи! — воскликнул Биал.

Руки, ноги, броник и даже автомат стали ярко-фиолетовыми. Биал в недоумении потер ладонью ствол. На стволе выступила тёмно-красная полоска. Последний «подарок» от аборигенов убить не убил, зато с ног до головы обсыпал непонятной ярко-фиолетовой дрянью.

— Что за хрень? — словно собака после купания, Биал попытался отряхнуться, ярко-фиолетовая дрянь нехотя полетела мелкими хлопьями.

— А бог его знает, — философски заметил Шалфей. — Радуйся, что живой.

Биал печально посмотрел на ярко-фиолетовый автомат. Что поделаешь: чистку броника и «Эммы» придётся отложить до возвращения в базовый лагерь. Интересно, Биал поднёс фиолетовый палец к забралу, что это?

Возле ворот заметное оживление. Два респа перебрались через высокий порог снесённой калитки и замерли на часах в уходящем в темноту туннеле. Недалеко рычит и скребёт колёсами по рельсам «Шельма». Вот как нужно: пехота очистила дорогу, теперь можно и бронетехнику под землю загнать. К двум респам с четырьмя крупнокалиберными пулеметами добавилась 30-мм автоматическая пушка. Ну а коль выход из Ярдуша взят под надёжный контроль, значит пехотинцев ждёт новая работенка.

— Взвод, внимание! — общий канал связи донес голос старшего сержанта Лигаса. — Приступить к зачистке поселения!

Началось. Биал приуныл.

— Шалфей, Ящер, — это уже Зил, командир второго отделения, — Ваша задача: зачистить самую южную улицу Ярдуша. После чего спускайте на уровень ниже и проверьте фермы. Выполнять!

— Есть зачистить фермы, — без малейшего энтузиазма отозвался Биал.

Вряд ли в Ярдуше остался хотя бы один абориген. Разбежались, заразы. Нагадали, нервы попортили, броник перекрасили, но всё равно разбежались.

— Пошли, Ящер, — Шалфей то же не в восторге от предстоящего задания.

Зачистка помещений отработана до боли, до слёз, до полного автоматизма. Биал с напарником быстро дошли до самой южной улицы Ярдуша и принялись обходить все без исключения помещения. Ноги сами несут тело от двери к двери, а, между тем, наступает мандраж.

Уже при осмотре второго жилища Биал заметил, что его собственные руки дрожат, а ноги предательски подкашиваются. Упорно хочется сесть прямо на пол, наклонить голову и заплакать. Куда уж там — разрыдаться в полный голос.

Если липовый форт оказался не более, чем злой и глупой шуткой, то здесь, в Ярдуше, аборигены не шутили. Отнюдь не шутили. Биал встал возле очередной двери и невольно привалился к косяку спиной. На лбу выступил холодный пот, а дыхание без каких-либо физических нагрузок стало вдруг тяжёлым и глубоким, будто только что двадцать километров с полной выкладкой пробежал.

Господи! А ведь каких-то десять минут назад он ведь и в самом деле находился на волосок от гибели. Если бы та реактивная граната, что разорвалась о стальные ворота над головой, не была бы начинена ярко-фиолетовой дрянью... Биал покосился на грязный автомат, то...

А те гильзы, целая россыпь дымящихся гильз, на которых так позорно прокатился. Это же... Биал напряг память, это же «Защитник»! Двенадцать миллиметров убойного калибра. Такая пуля прошивает броник насквозь. Только мозги по стенкам стекают. Биал нервно сглотнул, язык чуть не прилип к небу.

А граната. Та самая, похожая на чёрный цилиндр, граната, что рванула под ногами рядового Фазурова. Она же, дура проклятая, вполне могла рвануть и под его ногами. Превеликий Создатель! Биал попытался смахнуть со лба пот, но рука только скользнула по шлему. Это же... на самом деле...

— Что, Ящер, мандраж? — рядом с поднятой «Эммой» остановился Шалфей.

— Типа, того, — Биал натужно кивнул.

— Не у тебя одного, — заверил Шалфей. — Мне до сих пор кажется, что мы на очередных ученья. Веришь, нет, Ящер: больше всего меня волнует грязный броник. Типа, грязное прохождение огневой полосы.

Черные пятна маслянистой жидкости по-прежнему покрывают броник напарника. Биал кисло улыбнулся. И в самом деле грязное прохождение.

— Пошли, Ящер, — Шалфей двинулся дальше. — Работа — лучшее лекарство. Если мы сейчас зависнем здесь, то окончательно скиснем. А там и до БПТ недалеко.

Монотонный обход жилищ аборигенов и в самом деле помог совладать с расшатанными нервами. Как бы не был мал шанс наткнуться на десяток вооруженных бунтовщиков, но расслабляться всё равно не стоит. Это даже интересно. В одиннадцатом или пятнадцатом жилище Биал впервые обратил внимание на обстановку. На Миреме полно подземелий, одно метро чего стоит, но люди всё равно предпочитают жить на поверхности, на зелёном просторе, под яркой Геполой. Здесь же, на Свалке, всё иначе.

Бедно живут аборигены, бедно и примитивно. Жители покинули Ярдуш задолго до прихода солдат метрополии, но мебели и прочей домашней утвари осталось немало. В жилищах по проще не сыскать ни одной деревянной табуретки или хотя бы досочки. Сплошь металл и пластик. Мебель неказистая и грубая, аборигены пользуются ею поколениями. Платяные шкафы намертво застыли у стен, толстые дверцы скрипят при малейшем движении. Столы и стулья все как один прямоугольные и квадратные. Ни одной изящно изогнутой ножки. Но больше всего нервирует полное отсутствие окон.

Обычно люди хоть как-то пытаются расширить пространство. Если нет настоящих окон, то устраивают их имитацию. В Ярдуше нет ничего подобного. Только стены, потолки и двери. Невольно чувствуешь себя как в карцере. Пусть и в благоустроенном, с туалетом и гостиной, но всё равно в карцере.

В очередной спальне ничего интересного: широкая кровать и традиционный шифоньер. Но, Биал ещё раз окинул взглядом небольшую комнату, что-то здесь не так.

Вот оно что — фотографии. Над кроватью с голой решёткой висит несколько фотографий в простых серых рамках. На самой большой женщина с двумя детьми и мужчина в военной форме. Биал потрогал пальцем цветную фотографию. На главе семейства действительно военная форма, не спутать. Китель особого покроя и погоны с зелёными полосками на плечах. Точно форма. Но... Это не парадный мундир армии Федерации.

— Под красными боргами те же люди, — задумчиво произнёс Шалфей. — У них ведь то же есть дети, жёны.

Напарник подошёл совершенно незаметно и то же принялся рассматривать фотографии.

— Лучше не думать об этом, — Биал отвернулся. — Пошли дальше.

Семейные фотографии оставили в душе неприятный осадок. Уж лучше бы не видеть их совсем. Ещё жилища, ещё комнаты, ещё убогая рассчитанная на века мебель. Биал осторожно просунул автомат в очередную дверь. Фонарик на «Эмме» осветил очередную прихожую с пустой вешалкой на противоположной стене. С момента высадки и до сих пор мучает один и тот же вопрос: а не разбегутся ли аборигены в страхе при первых же выстрелах? То, что произошло сегодня, Биал открыл тонкую дверь, так и не дало на него однозначного ответа.

Аборигены сбежали, вроде как, но... Биал прошёл на кухню. Язык не поворачивается назвать это бегством. Если честно, то аборигены на пять с плюсом выполнили тактический манёвр под названием отступление. Да, именно так: тактический манёвр. Они сумели унести не только раненых, но и всех убитых.

Наконец осмотр самой южной улицы Ярдуша закончен. По крутой винтовой лестнице Биал с напарником спустились на уровень ниже. Действительно фермы. От главного

широкого прохода тянутся туннели по меньше с грядками, стойлами и складами. На полу и по углам валяются лопаты, вилы, пустые вёдра с пробитыми днищами. В одном туннеле, прямо по среди прохода, лежит мёртвый телёнок. Рёбра выпирают через натянутую кожу, а пустые глазницы светят чёрными провалами. Аборигены ушли от сюда и, наверно, не думают когда-либо возвращаться.

По площади фермы намного превышают жилую улицу, но зачищать их не в пример легче и быстрее. Биал, отворив скрипучую дверь, осветил очередной туннель с чёрными грядками и сухими останками растений. Дальняя стена теряется во мраке, опять придётся идти до самого конца.

— Шалфей, карауль, — обречённо произнёс Биал.

— Иди, — устало ответил напарник.

В следующем туннеле настанет очередь Шалфея переться до противоположной стены. А пока... Биал, поглядывая под ноги, шагает между грядками. Самое глупое занятие напороться на примитивную растяжку. Такое впечатление, Биал поднял фонарик на стволе «Эммы» и осветил потолок с длинными лампами, будто находишься в метро многомиллионного города. Это сколько же на Свалке туннелей, переходов, путей сообщения и прочих подземных нор. Ужас! Одно дело услышать сухие цифры от ротного лейтенанта Божла, и совсем другое лично измерять ногами эти квадратные метры площади и километры длины.

Усталость от бесконечного созерцания пустых туннелей вытеснила из души нервное потрясение после недавнего боя. Как бы бдительность не потерять. Биал подошёл к очередной двери.

Шлёп. Пауза. И снова шлёп.

Биал встрепенулся. Если бы не гробовая тишина в покинутых туннелях, то можно было запросто ничего не заметить. Биал вытянулся в струнку и крепче сжал автомат.

— Что там? — сзади подошёл Шалфей.

— Там кто-то есть, — Биал показал стволом на закрытую дверь. — Слышишь?

Шлёп. Пауза. Шлёп.

— Ходит кто-то? — предположил Шалфей.

— А бог его знает, — раздражённо ответил Биал.

— Тогда входим по всем правилам, — предложил Шалфей.

— Давай, — охотно согласился Биал.

После монотонной зачистки и мёртвой тишины душа требует активных действий и грохота. Биал вытащил из разгрузки гранату и осторожно, стараясь шуметь как можно меньше, выдернул чеку.

— Готов, — тихо произнёс Биал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шалфей дёрнул дверь на себя. В раскрытую щель Биал тут же закинул гранату.

Взрыв сорвал хилую дверцу с петель. Биал первым заскочил во внутрь. Прыжок в правый угол и широким веером. «Эмма» радостно загрохотала. Следом заскочил Шалфей, отпрыгнул влево, и вот уже два автомата заливают внутреннее пространство пулями.

Что это? Чёрная жижа словно цунами накрыла Биала с головой. Сильный толчок сбил с ног. Шлем гулко брякнулся о стену. Биале едва не выпустил автомат. Невидно ни черта. Где пол? Где стены? Нужно выбираться. Но чёрная жижа сама вынесла в туннель, протащила по полу и напоследок ещё раз гулко стукнула шлемом о стену.

Рядом барахтается Шалфей. Биал стер с забрала грязь. Напарник сидит рядом по пояс в чёрной жиже и трясётся от смеха.

— Ты чего? — Биал стряхнул с автомата чёрные сгустки.

— Не бойсь! — Шалфей с трудом подавил очередной приступ дикого хохота. — Это навоз!

— Какой навоз? — Биал постарался встать на ноги.

— Обычный. Конский или говяжий, то есть коровий, — охотно пояснил Шалфей. — Мы с тобой бункер-отстойник подорвали. Он и так подтекал. А мы его гранатой. Да ещё очередями из двух стволов. Да вон! Сам посмотри.

Шалфей кивнул в сторону дверного проёма. Биал направил в темноту луч фонаря. Так оно и есть: внутри высокого помещения стоит стальной бак. В передней стенке зияет огромная дыра с рваными краями.

— Шалфей, Ящер, что у вас? Докладывайте!

Ожила связь. Стрельба не на шутку встревожила Зила, командира отделения.

— Всё в порядке, командир, — Шалфей поднялся на ноги. — Мы тут в навозе искупались. Бак-отстойник подорвали, капал подозрительно.

В ответ раздался смех. Правда, нервный немного. Первый самый настоящий бой не прошёл бесследно и для сержанта Зилуча. А ведь ему ещё тяжелей. Он отвечает не только за собственную жизнь, а ещё и за жизни и здоровье одиннадцати подчинённых.

— Продолжайте зачистку, — Зил отключился.

Не было счастья, так несчастье помогло. Биал посмотрел на собственные руки. Жидкий навоз заляпал броник, зато полностью смыл ярко-фиолетовую дрянь.

— Пошли, — Шалфей повернулся в сторону выхода. — В одном из туннелей я стойло видел. Там в поилке вода осталось. Много.

— Пошли, — Биал заковылял следом.

Бронированные ботинки то и дело скользят по жидкому навозу, зато боевой скафандр не пропускает запахи, и слава богу. Биал блаженно улыбнулся. Наверняка сейчас от них исходит умопомрачительное амбре.

Чистота воды в найденной Шалфеем поилке не внушает оптимизма. В пустом стойле с перепревшей соломой нашлось старое ржавое ведро с протекающим дном. Но выбирать не приходится. Биал и Шалфей едва успели вылить друг на друга несколько ведёр, как вновь ожил командирский канал связи.

— Взвод, внимание! — старший сержант Лигас взволнован до необычайности. — Операция по захвату Ярдуша отменяется. Личному составу срочно собраться на площади у выхода. Повторяю! Срочно собраться на площади у выхода.

— Контратака? — Биал отбросил ржавое ведро в сторону.

— Не думаю. Нас бы тогда на конкретные рубежи отправили бы, — ответил Шалфей. — Сердцем чую: случилось что-то похуже. Пошли давай!

Торопливо, но не забывая водить яркими фонариками из стороны в сторону, космические пехотинцы поспешили на точку сбора. Биал старается не отставать от широко шагающего напарника. Но... Что же случилось? Нападение извне? Экстренная эвакуация? Какой смысл гадать. Биал поднажал. Пусть Шалфею скоро на пятый десяток, однако бегают как конь.

Глава 10. Освободители

— Это было бы очень смешно, если бы это не было так грустно, — высокоумно произнёс Молоток.

Ланал лениво перевернулся на левый бок. Болтливый заключённый в соседней камере завёл очередную то ли байку, то ли реальную историю.

— Мы тогда только, только взорванный грунт вынули и приготовились новые шурфы бурить. Ну, в общем, только я первую дыру просверлил, а из нее вода ка-а-ак хлынет! Мало того, — Молоток многозначительно поднял указательный палец. — Забой трещинами пошёл. Весь! Сразу! Из каждой щели вода поёрла. Додо первым ноги сделал. Мы, ясен пень, следом рванули. В главном туннеле водолазы едва не перестреляли нас. Слава богу, Додо прямо на них бежал и орал во всё горло: «Вода! Вода! Там вода!» О господи.

Ланал отрешённо слушает Молотка. В большом туннеле всё так же равномерно горит свет и шуршит воздухопровод. С того момента, как аборигены загнали заключённых в наспех сваренные камеры, прошло три дня. Никакой кормёжки. Единственная отрада: в каждой камере нашёлся большой бак с водой. По крайней мере, смерть от жажды им не грозит. Каждый раз поднося ко рту кружку с водой, Ланал тихо радуется: далеко не все заключённые догадались на последней кормёжке влить в себя двойную порцию мерзкой «похлёбки».

Оживлённые разговоры стихли к исходу первых суток. От вынужденного поста и нервного возбуждения многие заключённые ослабли и слегли. Ещё только под себя не ходят, и то потому что нечем. Это только вон, Краун лениво покосился на камеру напротив, Молоток не унимается. Молотит языком и молотит. Словесный понос у него в крайне запущенном состоянии.

Понятно теперь с какого перепоя три дня назад Индюк приказал сложить инструменты в разгар рабочего дня. Не показалось: где-то на поверхности Свалки по-прежнему гремят взрывы. Иногда со стороны стальной стены, что перегораживает туннель, долетают глухие раскаты. Гораздо чаще даже через тонкий матрас можно почувствовать, как под могучими ударами космических пехотинцев трясётся пол. Но... Время идёт, а в положении заключённых ничего не меняется. Такое впечатление, будто в проходе между камерами сгущается грозная туча.

Впрочем, Ланал окинул взглядом лежащих на полу товарищей по заключению, никакой вспышки не будет. Дня через два бак с водой окончательно опустеет, а ещё через парочку жажда прикончит их. И зачем, спрашивается, аборигены исправно снабжают обречённых узников кислородом? Перекрыли бы кран, и мучения закончились бы максимум через день. А так, не смотря ни на что, душа упорно на что-то надеется. Знать бы ещё на что именно.

— Потом аборигены балки, ну чтоб подпирать, притащили. А то свод этот, того и гляди рухнет, — Молоток продолжает бубнить. — А то и трещины уже с кулак толщиной...

Треск раздираемого металла заглушил последние слова Молотка. От неожиданности Ланал вздрогнул. Что случилось? В туннеле, и без того тихом, повисла гробовая тишина.

Скрежет повторился. Ланал приподнялся на матрасе. Кажется... Это со стороны стальной стены. Точнее, небольшой герметичной двери. Точно!

Чёрный штурвал с душераздирающим скрипом провернулся в последний раз и герметичная дверь отворилась. В тёмном проёме показалась вытянутая стальная морда с выпуклыми глазами. Ни носа, ни рта. Кошмарный гротеск насекомого. Вместо зубов или

усиков торчат две толстые трубки. Существо протиснулось в открытую дверь и с механической грацией прыгнуло на бетонный пол. Больше всего оно похоже на муравья. Если только бывают муравьи в метр высотой и в два длиной.

Это же... Ланал вскочил на ноги как ужаленный. «Муравей»! РСПП космической пехоты. По телеку кучу раз показывали. Между тем боевая машина неторопливо отошла от двери и деловито завертела башкой.

— Ура-а-а!!! — Краун в исступлении принялся трясти решётку. — Мы здесь!!! Сюда!!! Ура-а-а!!!

Туннель наполнился восторженными воплями. «Муравей» испуганно дёрнулся назад и присел на лапы.

И где только силы нашлись? Умирующие от голода и неизвестности заключённые бросились к прутьям решётки и в безумной угаре принялись восторженно орать. Под напором сотен рук стальные решётки мелко затряслись.

— Мы здесь!!! Здесь!!! Освободите нас!!! — в унисон со всеми кричит Ланал.

Словно в подтверждении самых радужных надежд, в туннель вошли шестеро космических пехотинцев. Ланал прослезился от счастья. Знакомые по многочисленным передачам бронескафандры выкрашены под цвет Свалки в многочисленные оттенки красного. Жаль, лица солдат скрыты под тёмными забралами.

Свои! Наконец-то! Ланал блаженно улыбнулся. Всё сбылось! Всё подтвердилось! Первый ударный действительно висит над Свалкой, а космические пехотинцы, самые лучшие, самые сильные, самые крутые во вселенной парни, успешно громят аборигенов.

— Ура!!! — едва переведя дух, Ланал заорал ещё громче.

Респ, смешно перебирая лапами, засеменял вдаль по проходу. Словно в зоопарке, космические пехотинцы прохаживаются между клетками и с интересом поглядывают на заключённых.

— Вы кто? — один из пехотинцев подошёл ближе.

— Порабощённые жители метрополии! — выкрикнул Ланал.

— Кто? — голос пехотинца с трудом пробивается сквозь восторженный вой заключённых.

— Эмигранты третьей категории! — от счастья Ланал опьянел. — Аборигены поработили нас! Заставили копать свои мерзкие туннели, а потом запретили здесь, словно собак бездомных, на голодную смерть!

— Понятно, — пехотинец резко развернулся и отошёл.

— Куда же вы?! — Ланал вытянул вперёд руки, прутья решётки упёрлись в лицо. — Не уходите!!! Освободите нас!!!

Но космический пехотинец уже потерял к нему интерес. Солдаты метрополии по-прежнему ходят по широкому проходу между клетками. Кажется, будто вопли, стоны и мольбы заключённых не производят на них ни малейшего впечатления. Через открытую в стальной стене дверь залез ещё один «Муравей». Боевая машина замерла по среди прохода словно изваяние.

Да сколько же можно орать? Ланал в изнеможении сполз на тонкий матрас. Бурный восторг при появлении солдат метрополии вытряхнул остатки сил, которые и без того изрядно подточены тремя днями без еды на одной лишь пахнущей металлом воде. «Похлёбка» ещё та гадость, но сейчас было бы здорово выпить за раз два, нет, три литра.

— Ну что же вы? — Ланал заплакал от обиды и огорчения. — Отпустите нас. Дайте

поесть.

Однако космические пехотинцы уподобились «Муравьям» и будто не замечают страдания заключённых.

Глава 11. Явная ловушка

— Шнык! Они клюнули! Клюнули! — в возбуждении зашептал Чаг.

Эмоции распирают грудную клетку.

— Заткнись, — в ответ Шнык грубо пихнул локтём под рёбра. — Выгоню.

На наблюдательном пункте полагается быть всего двум операторам. Но... пропустить такое зрелище? В маленькую комнатку на секретном уровне Финдоса набилось человек десять. Ещё столько же толпится у распахнутой настежь двери. Солдаты Народной армии в красных боргах при полном вооружении сидят плотно, словно селёдки в банке. Ни протолкнуться, ни шевельнуться. Но никто не жалуется.

Совсем молоденький оператор с важным видом переключает видеокамеры. На большом плоском экране с трёхсекундной задержкой мелькают Площадь десяти столбов, въезд в Автоспуск № 1, торговый зал бутика «Дошар» и ещё около полутора десятка видов. На улицах и площадях Финдоса спрятано много видеокамер.

Было бы здоров увидеть, что творится возле Главных ворот. Ну или хотя бы на Входной площади. Но, увы! Это «кино» показывают в другом «кинотеатре». Приходится довольствоваться тем, что есть.

Единственная отрада: одна из видеокамер смотрит вдоль Проспекта первопроходцев, главного проезда по первому городскому уровню Финдоса. Оператор наконец-то снова переключил на Проспект первопроходцев и даже увеличил изображение.

Ага! Не показалось. Вдали, под самым верхним краем экрана, в районе Входной площади сверкают огненные вспышки. Дневное освещение Проспекта отключено. На фоне аварийных ламп выстрелы из пороховых автоматов подобны вспышкам сверхновых. Как жаль, что звука нет. Пусть из-за большого расстояния невозможно разглядеть подробности, но так легко представить, что происходит возле Входной площади.

Отвлекающая группа шпарит по наступающим пехотинцам из всех стволов. То, что надо! Чаг улыбнулся. Спротивление присутствует, но не слишком упорное, и не откровенно слабое.

Противник, нужно отдать ему должное, действует по всем правилам военной науки. «Муравьи» и космические пехотинцы уверено продвигаются по Проспекту первопроходцев. Роботизированные системы бегут впереди, но на рожон не лезут. Пехотинцы идут позади и метким огнём поддерживают «Муравьёв».

На перекрёстке Проспекта с Ладицкой улицей возникло небольшое затруднение: несколько солдат Народной армии засело в угловых домах. Но противник успешно преодолел и этот рубеж. Левый респ ловко увернулся от ручной гранаты и буквально засыпал пулями огневую точку на втором этаже. Остаётся надеется, что солдат успел уйти. Следом подтянулись пехотинцы. Ещё пара взрывов и перекрёсток пройден.

Бой, если так можно выразиться, приближается. Вот последний перекрёсток Проспекта первопроходцев с Вислицкой улицей. Неожиданно с улицы выскочили два пикапа. Ого! Чаг слегка подался вперёд. У каждого в кузове крупнокалиберный пулемёт «Защитник». 12-мм пули прошивают броники пехотинцев и разносят на куски «Муравьёв». Солдаты Народной армии от души поливают Проспект первопроходцев потоками пуль. От стен, проезжей части и даже от свода туннеля сыплются искры и фонтанчики пыли. Дымящиеся гильзы ручьями падают на асфальт.

Только... Зря они так. Смело, но глупо. Космические пехотинцы ответили дружным огнём. Перед колёсами машин вспучился асфальт. Через борт левого пикапа протянулась полоска дырочек. Ещё пара секунд, и с безумной контрасткой будет покончено. Но нет! Невероятный разворот на месте. Машины, выбрасывая из-под колёс белый дым, дёрнули с места. Быстро набирая скорость, пикапы проскочили через Площадь десяти столбов и скрылись в глубине туннеля Автоспуска № 1. Чаг облегчённо выдохнул. Да поможет Великий Создатель безумным смельчакам.

Между тем так называемая оборона первого городского уровня подходит к концу. Из окон серого здания рядом с площадью Десяти столбов вылетело несколько реактивных гранат. Ближайший респ окутался импульсами ИПРО. Взрыв. «Муравей» не пострадал. Респ словно стряхнул с себя пыль и открыл бешенный огонь по серому зданию. Только бесполезно: бойцы Народно армии уже ушли. Дай бог, им удастся без следа раствориться на улицах самого большого на планете города.

Первыми на Площадь десяти столбов вступили «Муравьи». Респы насторожено водят головами и, кажется, готовы сорваться с места при малейшем чихе. Но стрелять не в кого. Следом подтянулись космические пехотинцы. Противник занял площадь и сумел пройти по Проспекту первопроходцев до конца.

— Хорошо работают! — в восторге воскликнул кто-то на последнем ряду, но на него дружно зашипели.

Дорога на второй городской уровень открыта, но пехотинцы не спешат углубляться в Автоспуск № 1. Тщательно, со знанием дела, солдаты противника принялись зачищать здания на площади.

Оператор в очередной раз переключил видеокамеру. На экране возникло хорошо знакомое убранство бутика «Дошар». В кулинарном магазине полумрак. Шикарные люстры владельцы сняли и унесли заранее. Бледный свет с площади вливается в просторный торговый зал через широкие окна. Но вот в дверном проёме показался космический пехотинец.

Бдит, зараза! Чаг улыбнулся. Кинет гранату, или не побоится так войти? Космический пехотинец зашёл в торговый зал, за его спиной показался ещё один. Нет, не кинул. Тем лучше. Солдаты противника основательно осмотрели «Дошар», но так ничего и не нашли. Да и не могли найти.

Ждать пришлось довольно долго. Чаг постарался устроиться по удобней на узкой скамейке. Однако сделать это очень проблематично. Недовольные соседи пихаются локтями и шикают в ответ. Одно не понятно: будут ли космические пехотинцы зачищать весь первый городской уровень, или нет? А то ведь командование Народной армии как обычно не спешит сообщить рядовым подробности и возможные варианты текущей операции. Но одно понятно точно: от того, как поведёт себя противник, зависит дальнейшее течение боевой операции.

Страсти накаляются. Заскучавшие было зрители перешли на драматический шёпот.

— Непоседа, как думаешь, — Шнык пихнул локтём под рёбра. — Сунутся или нет?

— Предлагаешь сделать ставку? — вопросом на вопрос ответил Чаг.

Шнык насупился и отвернулся. Чаг улыбнулся. Самое время тотализатор заводить и писать ставки под широким экраном. Но вот передовой отряд космических пехотинцев вошёл таки в темноту Автоспуска № 1. Ещё через полчаса через Площадь десяти столбов протянулась колонна «Шельм». На некоторых боевых машинах, уцепившись всеми восемью лапами, сидят «Муравьи».

— Ну вообще! — Шнык вскочил на ноги. — Они что? За людей нас не считают?

— Бараны самоуверенные! Тупицы высокомерные! — Чаг поднялся следом.

— Идиоты! — охотно согласился сосед слева.

Всё присутствующие в наблюдательном пункте поднялись на ноги и загомонили. От эмоциональных возгласов сбилось дыхание, Чаг на миг умолк. Это же ловушка! Козе понятно. Даже полка космических пехотинцев со всеми респями и обслугой не хватит, чтобы как следует зачистить хотя бы первый городской уровень. Не говоря уже о том, чтобы самым тщательным образом проверить и простукать все щели и закоулки.

— Кретины! — выдохнул Чаг.

— Молчать!!! — командный рык Шныка перебил возбуждённые голоса. — Пехотинцы полезли на второй городской уровень — тем лучше. Кино окончено. Разойтись!

Солдаты народной армии, скрипя отодвигаемыми стульями и скамейками, потянулись на выход.

— Всё равно кретины, — Чаг не удержался от последнего слова. — Но... Шнык! Почему мы уходим?

— Иди, иди, — Шнык мягко подтолкнул в спину. — Если пехотинцы полезли в глубь Финдоса, значит вторая фаза операции откладывается надолго. Здесь, — Шнык кивнул в сторону большого экрана, — ничего интересного мы больше не увидим.

— И то верно, — нехотя согласился Чаг.

Как и следовало ожидать, авиация метрополии старательно и самозабвенно громила объекты на Северном плоскогорье три дня подряд. АКИ, и даже такшипы, сравнивали с землёй кучу липовых фортов. Особенно досталось Щитовой горе. Её высота уменьшилась более чем на половину.

Первый и Второй полки Народной армии отправили на оборону столицы. Хотя, какая может быть оборона против закованного в броню последних научных достижений космического десанта и великолепно обученных пехотинцев? Остаётся одна единственная тактика, которая великолепно зарекомендовала себя во время первой стычки с войсками метрополии: стреляй и беги. Одно радует — командование Народной армии готовит какую-то гадость. Но какую именно? Чаг со Шныком перебрали кучу вариантов, но не смогли выбрать ни один из них.

У Главный ворот Финдоса космические пехотинцы появились рано утром седьмого числа. По донесениям разведчиков, у главного входа в город высадилось не меньше батальона. Это же... Огромная сила! В первый раз Народной армии пришлось воевать всего лишь с ротой.

Однако космические пехотинцы не стали лезть в глубину Лакмары. Вместо этого они окопались у подножья горы и построили базовый лагерь. Хотя странно, если честно. Обычно увешанные орденами и звёздами генералы с адмиралами до дрожи в коленках спешат захватить столицу врага. Типа, победа сразу будет.

Ожидание грозило затянуться на неопределённый срок, но, ближе к полудню, парочка высокоточных ракет вдребезги разнесла Главные ворота. Ещё несколько бомб проломили стену на Площади простора. В гарнизоне Финдоса сыграли боевую тревогу, когда космические пехотинцы наконец-то пошли в наступление.

— Тихо. Отставить грохот, — рассерженный Шнык прикрикнул на пулемётчиков. — Не сюда. Вон. Туда ставь.

Для усиления огневой мощи третьему отделению придали крупнокалиберный пулемёт «Защитник». Штука мощная, но громоздкая и громкая. Шнык показал на пустой прилавок напротив входа в торговый зал и пояснил:

— Если всё нормально пойдёт, выскакивайте вслед за нами на площадь. Если пехотинцы в контратаку пойдут, ставьте «Защитник» на прилавок. Он железный, выдержит.

Пулемётчики подтащили «Защитника» к широкому прилавку напротив выхода из магазина. Ещё двое следом поднесли ящики с патронами.

— Ну, Непоседа, пошли, — Шнык на получетвереньках пополз в торговый зал.

— Пошли, — тихо ответил Чаг.

Контратаку отложили на четыре часа. Чаг извёлся от вынужденного безделья в полной боевой готовности. Наконец, поступил приказ выдвигаться на исходные позиции.

Третьему отделению первого взвода достался обувной магазин «Элегант» на Площади десяти столбов. Противник рядом совсем, буквально в нескольких десятках метров. Чаг изо всех сил старается ступать как можно тише.

Финдос подобен огромной головке сыра с дырками. В нём столько ходов, проходов, колодцев, сливов. Технические и коммуникационные туннели связывают между собой дома, улицы и все четыре городских уровня. Самый настоящий лабиринт, в котором сам чёрт ногу сломит. В нём можно запросто заблудиться и навсегда сгинуть. Со стороны десантников было бы очень большой глупостью надеяться, будто бойцы Народной армии не сумеют просочиться им в тыл. Причём не отдельные храбрецы, а целые роты и батальоны.

Чаг притаился возле широкого окна. Владельцы «Элеганта» сняли заранее стёкла, тем лучше. Чаг выставил наружу дамское зеркальце. В маленьком кружочке с трудом можно разглядеть главную достопримечательность площади — десять толстых поддерживающих свод столбов. В отличие от большинства площадей, Площадь десяти столбов не круглая, а похожа на ромб. Восемь столбом стоят вдоль дороги, ещё два в тупых углах ромба.

Толстые столбы загораживают вид, но, Чаг повертел зеркальце, всё же можно разглядеть у входа в Автоспуск боевую машину пехоты и пару респов. Чаг перевёл дух. Пехотинцев не видно. «Муравьи» противник серьёзный, но предсказуемый. «Шельма» это, конечно, что-то с чем-то, но... В данной тактической обстановке боевая машина тревожит меньше всего.

Скоро начнётся.

— Великий Создатель, помоги творению своему. Подари крупицу своего божественного внимания, — тихо зашептал Чаг.

Нервозное ожидание сменил страх. К чему лгать самому себе? Именно от страха дрожат руки и подгибаются колени. Чаг спрятал зеркальце в карман борга. Сейчас, с минуты на минуту, снова предстоит вступить в бой с космическими пехотинцами. Чаг искоса глянул на Хана. Молодому проще, вон как храбрится. Новичок понятия не имеет, какой сильный и опасный враг ему противостоит.

— Держись, Непоседа, — тихо прошептал Шнык. — У меня, того, тоже колени дрожат.

Чаг подтащил «Дюбель» и откинул прицельное приспособление.

Как жаль, что тяжёлых штурмовых гранат «Дюбель» и более лёгких «Шурупов» не было четыре года назад. Одноразовые штурмовые гранаты просты в обращении и очень удобны в переноске. Самое главное: после выстрела можно просто отбросить пустой контейнер и

убежать налегке. По мощности «Шуруп» мало чем отличается от реактивного миномёта «Угроза», а «Дюбель» ещё мощнее. Если верить разработчикам, он не то что БМП, танк возьмёт.

— Отделение, внимание. Приготовиться, — скомандовал Шнык.

Чаг присел перед окном на корточки и закинул на плечо штурмовую гранату.

— Огонь! Огонь! — выкрикнул Шнык.

Чаг резко выглянул в окно. Красный силуэт «Шельмы» отлично виден на тёмном фоне Автоспуска. Рядом стальными изваяниями замерли «Муравьи». С четырёх концов площади к БМП протянулись дымные следы. Сработала ИПРО, «Шельма» окуталась плотным ярко фиолетовым облаком. «Пыльца» напрочь забила электронику. Чаг нажала на спусковую кнопку.

Во втором залпе десяток дымовых следов ткнулись в ярко-фиолетовое облако. Десяток «Дюбелей», «Шурупов» и «Угроз» разорвали завесу «пыльцы». Но и «Шельма» осталась на месте. Чаг отбросил пустой контейнер в сторону.

«Муравьи» тут же открыли бешенный огонь. Респы затанцевали перед «Шельмой», пытаясь разом перекрыть все сектора обстрела, но их слишком мало. Чаг закинул на плечо «Шуруп». Следующий залп накрыл роботизированные системы поддержки пехоты.

— Прекратить огонь! — приказал Шнык.

Чаг тут же убрал палец со спусковой кнопки и опустил «Шуруп». Воевать больше не с кем. После грохота взрывов и треска очередей, звенящая тишина давит на уши.

— Выходим, — скомандовал Шнык.

Чаг пристегнул неиспользованный «Шуруп» обратно к связке и вышел на площадь прямо через пустое окно. Атака на БМП и респов промелькнула так быстро, что «пыльца» не успела развеется. Из оседающих остатков ярко-фиолетового облака выступает покорёженный корпус «Шельмы». Рядом кучками разбитого хлама валяются «Муравьи».

— Внимание! — громогласно произнёс Шнык. — Нам приказано выдвигаться на Проспект первопроходцев. На перекрёстке с Ладицкой улицей противник всё ещё держит оборону. Пулемётчики!

— Здесь!

Приданные третьему отделению пулемётчики уже вытащили тяжёлого «Защитника» из обувного магазина.

— Следуйте за нами как можно быстрее, — приказал Шнык.

На пустую площадь высыпала куча народу и машин. Группа сапёров торопливо минирует Автоспуск № 1. Декоративные панели сняты и отложены в сторону. В заранее подготовленные углубления подрывники закладывают чёрные ящики с цветными проводами. Через пять минут спуск на второй городской уровень будет целиком и полностью подготовлен к взрыву.

На засыпанную «пыльцой» «Шельму», словно стая голодных стервятников, накинута трофейная команда. Люди в синих боргах торопливо выгружают из повреждённой машины всё, что только можно. Чаг недоволю поморщился: словно ненужный манекен, из боковой дверцы вылетел труп космического пехотинца. Без малейшего уважения к убитому, двое трофейщиков подхватили его и забросили в кузов подогнутого пикапа. Следом полетели цинки с боеприпасами, баллоны, ящики.

— Пошли!

Чаг отвернулся. В картине торопливого разграбления приятного мало. Что поделаешь —

таков нелицеприятный лик войны. Любой трофеей представляет огромную ценность, в том числе и бронескафандры космических пехотинцев.

На перекрёстке Ладицкой улицы и Проспекта первопроходцев все ещё гремят взрывы, а пули со свистом отлетают от стен. Но, едва первый взвод подтянулся к перекрёстку, как сопротивление было подавлено.

— Не останавливаемся. Вперёд! — Шнык махнул рукой в сторону Входной площади.

Внезапная атака увенчалась полным успехом. Самоуверенность грех, за что космические пехотинцы расплатились сполна. Ни взвод, ни рота — целый батальон залез в глубины Финдоса. Но противник скоро очухается. Третьему отделению приказано занять оборону в одном из домов на Проспекте первопроходцев недалеко от Входной площади.

Со стороны Главных ворот долетел натушный рёв двигателей.

— Ни хрена себе! — Чаг так и замер на месте.

На том конце Проспекта первопроходцев показался кошмар пехотинцев — основой боевой танк Федерации Мирема ТК — 12, более известный как «Тяпа». Трёхметровая бронированная громадина на широких гусеницах. Приплюснутая башня неторопливо поворачивается из стороны в сторону. Чёрный ствол 120 миллиметрового калибра смотрит прямо в душу. Чаг поёжился. Мощный корпус с полукруглыми выступами лазеров ИПРО с неотвратимостью судьбы рычит и прёт по широкому проспекту.

— За мной! Живо!

Голос командира вывел из ступора, Чаг развернулся и побежал вслед за другом. Третье отделение прямо через окна и двери гурьбой ввалились в ближайший дом. Чаг кувырком выкатился из прихожей на лестницу. Вовремя! За спиной грохнул выстрел. «Тяпа» открыл огонь. Фугасный снаряд разорвался где-то на Проспекте первопроходцев.

— По местам! Занять оборону! — Шнык уже на ногах и энергично размахивает автоматом.

Чаг вскочил на ноги и оглянулся. Ну дела! Это же тот самый дом, где им было приказано занять оборону. Добежали таки. Чаг поспешил за другом на второй этаж. Связка «Шурупов» хлопает по спине.

Дом № 17 на Проспекте первопроходцев заранее подготовлен к обороне. Чаг лично с товарищами по отделению таскал из комнат мебель и снимал окна. Ещё бы лестницу на второй этаж разобрать и окна бетонными блоками заложить, но командование запретило через чур явно готовиться к обороне.

В комнату на втором этаже сквозь пустые окна залетает грозный рык мотора и лязг гусениц. Чаг остановился возле левого окна, Шнык рядом. У соседнего притаились двое солдат. Отделение рассредоточилось по всему дому.

«Тяпа» — крайне серьёзный противник. Чаг осторожно выглянул из окна. Танк в тёмно-красной камуфлированной окраске вырулил на Проспект первопроходцев. Да не один! За ним отчётливо виден силуэт ещё одного танка, а ещё дальше ещё один.

— Ни хрена себе! — от удивления Чаг едва не выпал из окна.

— Что там? Докладывай! — потребовал Шнык.

— Танки! — Чаг очумело глянул на командира.

— Ясен перец, танки.

— Да не! — сообразил Чаг. — Без пехоты. Там даже респов нет. Три «Тяпы» и всё.

— Ни хрена себе! — удивленно согласился Шнык.

Огненная вспышка. Из окна в доме напротив вылетела реактивная граната. Значит

первое отделение то же успело занять оборону согласно плану. В ответ рывкнул выстрел. Звуковая волна едва не отбросила от окна, Чаг склонил голову. В широком туннеле Проспекта звук от мощного выстрела не рассеивается во все стороны, а летит по туннелю звуковым цунами.

Чаг тряхнул головой и открыл глаза. Части стены в доме напротив больше нет. Снаряд «Тяпы» разнёс кирпичную кладку вдребезги. В глубине комнаты виден засыпанный обломками силуэт.

— Сволочи, — Чаг закинул на плечо «Шуруп». — Берегись! Стреляю!

Сожалеть, разводить плач, некогда. Но смерть товарищей только добавляет злости. Чаг резко высунулся из окна.

Ну дела! Танки на всех парах прут по Проспекту. Ни одного пехотинца так и не видно. Головной танк попал в прицел, Чаг вдавил пусковую кнопку.

«Шуруп» дёрнулся в руках. Дымный след. Перед головным танком вспыхнуло ярко-фиолетовое облако. Чаг отбросил пустой контейнер и отпрыгнул в глубь комнаты.

Серые чешуйки засыпали подоконник и пол. При выстреле из казённой части контейнера вылетает противомасса. Пусть реактивная граната весит почти в два раза больше, а серое облако чешуек, бывает, демаскирует позицию, зато «Шурупами» и «Дюбелями» можно палить хоть из маленькой комнаты, хоть из кладовки, хоть из узкой щели в земле. Реактивный выхлоп не крутанётся в замкнутом пространстве и не покалечит стрелка.

Сильный взрыв. Чага отбросило от окна, протащило по полу и долбануло спиной о стену. Сверху посыпались битые кирпичи.

— Чаг! Жив! — встревоженный Шнык толкнул в плечо.

— Жив, — Чаг поднял голову.

Когда-то в этой комнате была спальня хозяев, а теперь маленький армагедон. Пол просторной комнаты засыпан битым кирпичом, а в воздухе витает облако серой пыли. Наружной стены больше нет, и, Чаг повертел головой, двоих товарищей тоже.

— Бублику и Жоре хана, — Шнык ответил на незаданный вопрос.

Вид на Проспект первопроходцев стал и лучше и опасней. По битым кирпичам, потолку и полу щёлкают крупнокалиберные пули. «Тяпа» щедро поливает пролом из крупнокалиберного пулемёта.

— Берегись! — крикнул Шнык.

Танк рядом. В проломе показалась заляпанная «пыльцой» Башня. За круглым люком торчит изогнутая антенна.

Чаг вытащил из разгрузки несколько гранат. Ну держись! Пальцы сами нащупали предохранительную чеку первой гранаты. Но «Тяпа» резко дёрнул в сторону и на полном ходу врезался в дом на той стороне улицы. Чаг улыбнулся. «Пыльца» коварна. Пусть танк на полном ходу проскочил ярко-фиолетовое облако, но липкие частички «пыльцы» всё равно осели на электронных датчиках и оптике. «Тяпа» ослеп. Ну, на какое время точно.

Ситуация меняется. Чаг посмотрел на гранату в правой руке. На гладком боку ярко-фиолетовая полоса — то, что нужно. Щелчок. Чека упала на пол. Чаг бросил гранату в видимую в проломе башню.

Лазерные импульсы ИПРО окутали башню. Идиоты! Чаг упал плашмя. Ещё лучше — граната взорвалась в воздухе и накрыла «Тяпу» ярко-фиолетовым облаком. Хана танку! Чаг злобно улыбнулся.

В неподвижный и окутанный «пыльцой» танк тут же воткнулось несколько реактивных гранат. Для кучи Чаг бросил парочку ручных. Взрывы разнесли ярко-фиолетовое облако.

Чаг подполз к пролому. Точно хана! На красной броне чёрными пятнами выделяются места взрывов. Танк подбит и не подаёт признаков жизни. Но опасность ещё не миновала.

Рядом натужно ревет второй «Тяпа». Чтобы не врезаться в подбитого товарища, танк дернул в сторону. Правый борт въехал в стену, а левый всё равно зацепил гусеницу подбитого. Снопы искр в разные стороны.

Чаг вытащил из разгрузки ещё одну гранату с «пыльцой», но так и не успел ее кинуть. Над головой рывкнул «Шуруп», второй танк окутался ярко-фиолетовым облаком.

— Берегись! — Шнык отбросил пустой контейнер.

Чаг отшатнулся назад. Пулемёт «Тяпы» яростно разбрасывает пули во все стороны. Не поможет. Чаг убрал гранату с «пыльцой» обратно в кармашек.

Второй «Тяпа» разделил судьбу первого. В ярко-фиолетовое облако вонзились дымовые следы, «Дюбеля» и «Шурупы» растерзали боевую машину.

Главная задача первого и третьего отделений ослепить противника и, по возможности, задержать. Тогда как оставшееся на сотню метров в тылу второе отделение добивает его реактивными гранатами.

Визг тормозов и глухой удар. Чаг снова высунулся наружу. Третий «Тяпа» смачно врезался в заглохших товарищей. Приплюснутая башня величественно развернулась. Чаг и Шнык судорожно откатились в глубь развороченной спальни.

Выстрел.

Звуковое цунами подняло с пола пыль и мелкие камешки. Кажется, ещё немного и дом и туннель проспекта обвалятся.

— Чаг! Давай! Уйдёт! — сквозь звон в ушах пробился голос друга.

Чаг неловко перевернулся на левый бок. «Тяпа» неистово верещит и тычется в стены. Не иначе пытается развернуться. Руки привычно вытащили из разгрузки гранаты. В голове звон, как в пустой бочке. Вот, кажись, чека, предохранительная.

— Готов? — спросил Шнык.

— Да, — Чаг приподнялся на левом локте.

— Давай!

Друзья разом бросили гранаты в проём. Танка не видно, но где он находится ошибиться невозможно. Очередной толчок в стену потонул в грохоте взрывов.

— Ещё! Ещё! — торопливо командует Шнык.

Чаг выбросил последние гранаты. Под проломом прогрехотали взрывы. Чем теперь стрелять? Чаг оглянулся. Там, на полу, где вечность назад было окно, присыпанные кирпичной крошкой связка «Шурупов», Бублик и Жора так и не успели ими воспользоваться. Перебирая руками и ногами, Чаг пополз в сторону штурмовых гранат. Мелкие камешки скрипят и крошатся под прочной тканью борга, а пыль скрывает не хуже тумана. Ну сейчас он получит!левой рукой Чаг дотянулся до связки.

— Отставить огонь!

Чаг удивлённо уставился на Шныка. Командир отделения поднялся на ноги.

— Да, Непоседа, отставить, — Шнык кивнул. — Бой законен.

В это трудно поверить. Чаг осторожно, ожидая в любой момент смертельного подвоха, выглянул в пролом. На Проспекте первопроходцев царит тревожная тишина. Ни рёва моторов, ни стрекота пулемёта, ни треска раздираемого асфальта. Посла какофонии боя

тишина кажется звенящей. Хотя нет, не совсем. Чаг приподнялся и осторожно выглянул наружу.

Да-а-а... Некогда грозные боевые машины являют жалкое зрелище. Динамическая защита местами содрана полностью, броня засыпана пылью и заляпана «пыльцой». У первого танка сорвана левая гусеница. Теперь понятно, почему его так резко занесло. Башня второго пробита в двух местах, из дырочек струится дым. Третий танк проткнул стволом стену дома напротив, да так и замер. Последний «Тяпа» пытался отступить, удрать, но не смог ни развернуться, ни повернуться вдоль Проспекта. То ли от глупости, то ли от страха водитель не догадался дать задний ход.

Самое приятное другое, Чаг расслабленно улыбнулся. Повезло. Великий Создатель подарил таки крупицу своего божественного внимания, смерть в очередной раз прошла стороной. Кончиками пальцев Чаг дотронулся до груди. Под прочной тканью боевого борга тонкие изогнутые лучики звезды Создателя приятно согрели кожу.

Тишина обманчива. На просторах первого городского уровня по-прежнему гремят взрывы и стрекочут крупнокалиберные пулемёты. Запертые в глубинах Финдоса десантники пытаются выбраться из западни, куда сами охотно залезли с головой и всеми конечностями.

— Внимание! Нам приказано убедиться, что с танками покончено, — объявил Шнык.

— Ну это просто, — ответил Чаг.

Пусть «Тяпы» не подают признаков жизни, но автоматика танков может ещё работать. Чаг выставил наружу ствол «Надежды» и нажал на курок. Короткая очередь чиркнула ближайший танк, пули со звоном отскочили от брони. Реакция нулевая — хороший признак.

— Голяк, — прокомментировал Чаг.

— Дай бог, — согласился Шнык. — А теперь выходим и убеждаемся лично.

Чаг недовольно поёжился. Отцам-командирам легко рисковать чужими жизнями. Хреново чувствовать себя расходным материалом. Чаг недоверчиво покосился на подбитые танки. Остаётся надеяться, что коварство и хитрость не заложены в компьютерные системы «Тяп».

Чаг забрался на башню ближайшего танка и пнул ногой лазерную сферу ИПРО Пронесло! Грозная боевая машина ни дёрнулась, ни пискнула. Уцелевшие лазеры ИПРО так и не испепелили дерзкого пехотинца противника. Чаг попытался приоткрыть командирский люк. Куда там! Ни удары прикладом, ни ругань не помогают. Прочную броню возьмёт либо взрывчатка, либо плазменный резак. Второе надёжней.

— Выдвигается, — скомандовал Шнык.

— Куда, — Чаг спрыгнул на землю.

— Входная площадь. Нашему отделению приказано занять там оборону, — пояснил Шнык.

— Да они что, издеваются? — возмутился Чаг. — Там же нет ничего! Дай бог, подсобка найдётся. Да и мало нас осталось.

— В ней и засядем, — отрезал Шнык.

Из десяти человек уцелело четверо, меньше половины отделения. Остальные либо ранены, либо убиты.

— Есть и хорошая новость, — произнёс Шнык. — Нам подвезут боеприпасы и пополнение. Всё. Пошли.

Но прежде, чем перейти на новый рубеж обороны, Чаг присел рядом с погибшим бойцом Народной армии.

Бублик. Сердце тревожно сжалось. С кем ещё совсем недавно делил суровый армейский быт и с полной выкладкой топтал просторы Северного плоскогорья, теперь убит. Блок жизнеобеспечения в клочья, забрало разбито, глаза остекленели. Чаг тяжело вздохнул и прикрыл веки павшего товарища.

Не повезло Бублику, очень не повезло. Судя по всему, Чаг прикинул место положение и позу убитого, снаряд «Тяпы» не только разнёс стену дома, но и выбросил Бублика на улицу. Даже если в момент падения от был ещё жив, то всё равно умер от удушья. Насыщенная углекислотой атмосфера родного мир убивает всех без разбора. Как бы то ни было, а мёртвый ещё может помочь живым.

— Мародёрствуешь? — рядом остановился Шнык.

— Если это шутка, то очень глупая, — вяло огрызнулся Чаг.

Ничего личного, их так учили. Чаг стащил с убитого разгрузку. С павших товарищей необходимо снимать боеприпасы и кислородные патроны.

— Ибо ждёт тебя жизнь вечная, — Чаг поднялся на ноги.

Последние слова Отходной молитвы потонули в завывании двигателей. Из-за угла лихо выкатила парочка грузовиков. Но это не подмога, не подкрепление и даже не санчасть за ранеными.

— Трофейщики, — сквозь зубы, словно сплюнул, произнёс Шнык.

Трофейная команда, бравые ребята в синих боргах и с плазменными резаками, первыми появляются на поле боя, чтобы подобрать любую, какую только возможно технику метрополии. Ведь она такая передовая и такая дорогая. А тут такой сюрприз — аж целых три танка.

— Они напоминают мне стервятников, — произнёс Шнык.

— Не только тебе, — признался Чаг.

Словно и в самом деле стая стервятников, трофейщики накинудись на подбитые танки. Самый ловкий с плазменным резаком наперевес уже забрался на башню «Тяпы». Снопы искр и капли расплавленной брони полетели из-под белого язычка горелки.

Остатки третьего отделения торопливым шагом направились в сторону Входной площади, но и на ней не пришлось закрепляться. Получив очередной приказ, Шнык увёл подчинённых дальше, к Главным воротам. Как ни сложно догадаться, третье отделение назначили в головной дозор, чтобы не дай бог не прошляпить новую атаку войск метрополии.

Маячить живой мишенью в полный рост глупо, Чаг прилёг на бетонный пол возле левой стены. На том конце туннеля виден кусочек звёздного неба. От Главных ворот осталось одно название. Высокоточные ракеты разнесли стальные створки на мелкие кусочки. Сильна метрополия, очень сильна, ничего не скажешь.

Сколько у Народной армии осталось времени на подготовку обороны? Танковая атака была жестом отчаянья. Батальон, что залез в глубины Финдоса, либо уже разбит, либо отряды Народной армии гасят последние очаги сопротивления. Противник бросил в бой всё, что у него было. Но и это не помогло. Космический десант своих не бросает. Значит, в самое ближайшее время следует ожидать новую ещё более мощную атаку. А, главное, она будет правильной, по всем законам военной науки.

Глава 12. Минная засада

На очередном ухабе движок «Шельмы» отчаянно взвыл. Даже сквозь броню слышно, как жидкая грязь и мелкие камешки из-под колёс хлещут по днищу. Но вот боевая машина выбралась из колдобины и продолжила путь.

Поспать при такой тряске всё равно не получится. Тогда нужно хотя бы расслабиться. Рядовой Биал, закрыв глаза, честно попытался превратиться в бесформенный кусок теста или мягкий воск. Получается неважно. Руки то и дело елозят по коленям, а голова болтается в шлеме, словно пробка в пустой бутылке.

Дело дрянь. Победоносное шествие космического десанта по Свалке споткнулось о крупный булыжник. Это надо же, Биал невольно сжал кулаки, целый батальон завяз в глубинах Финдоса, столицы колонии. Как проболтался лейтенант Божл, командир двадцать первого взвода, в отчаянной попытке выручить своих, полёг первый танковый взвод. Это же целых три танка! Неудивительно, что командование в пожарном порядке стягивает к Финдосу все наличные силы. Только вот, не открывая глаз Биал тяжело вздохнул, даже при самом оптимистическом раскладе двадцать первый взвод доберётся до Финдоса не раньше, чем через два часа. БМП опять закачало из стороны в сторону. А то, учитывает местные дороги, не раньше трёх.

Нервное потрясение до сих пор покалывает кончики пальцев. Неприятные воспоминания словно ночные кошмары проносятся перед закрытыми глазами. Вот она война какая на самом деле. После самого первого, самого настоящего боя как-то не очень хочется продолжать банкет. В БМП тишина. Товарищи по отделению не спешат поделиться впечатлениями, а молча сидят каждый на своём месте.

Человек ко всему привыкает. Биал незаметно задремал. Поток мыслей превратился в тихий ручеёк, а дёрганная болтанка потонула в его мутных водах.

«Шельма» резко свернула влево. Рёв двигателя пронзил визг тормозов. Биал распахнул глаза.

Удар!

Биал стукнулся шлемом о левую стойку. Снаружи ухнул взрыв. Инерция развернула БМП. Под задним колесом ухнул ещё один взрыв.

В ушах звон. Биал тряхнул головой. Будто кто-то очень сильный и очень злой долбанул по шлему кувалдой. Но, что случилось? Мина? «Шельма» напоролась на мину? Срочно на выход! Не дожидаясь приказа, пехотинцы рванули к выходному люку.

Перед глазами мельтешат чёрные круги, тело действует на автопилоте. Вот где пригодились годы изнуряющих до отупения тренировок. Голова ни черта не соображает, разум приходит в себя после звукового удара, а ноги сами несут тело на выход.

Снаружи темно, автоматика броники включила ночное зрение. Рассыпаться. Биал повернул вправо. С левой стороны ещё один взрыв. В воздух взметнулся столб пламени. Биал рухнул на землю и перекатился под защиту БМП. «Эмма» уже в руках. Где противник?

Зелёный квадратик прицела нервно скачет по серым холмам, что вплотную подступают к дороге. Рядом товарищи по отделению и сбившиеся в кучу БМП. Да где же противник?! Биал крутанулся на месте.

Вокруг по-прежнему никого нет. Ни одного пульсирующего в темноте огненного круга и треска очередей.

— Не стрелять!!! — грубый рык сержанта Зилуча словно небесная музыка. — Всем оставаться на местах. Дорога заминирована.

Не удивительно. Биал приподнялся на руках. Аборигенов по-прежнему не видно и не слышно, зато можно разобрать, что творится на так называемой дороге.

— Ну дела, — тихо воскликнул Биал.

«Шельма» первого отделения улетела в кювет. Корма с распахнутой десантной дверцей торчит над дорогой. БМП второго отделения свернуло влево и с разгону ткнулось в отвесную стену. Бронированный нос выдержал удар, но краска сильно поцарапана и местами полностью отлетела. Только третья боевая машина сумела вовремя затормозить и остаться на дороге.

— Внимание, отбой, — это снова Зил. — Противник отсутствует.

Нехотя, пугливо поглядывая на темнеющие за дорогой холмы, Биал поднялся на ноги.

— Что это было? — Биал сам не заметил, как произнёс вопрос вслух.

— Классическая минная засада, — ответил Шалфей.

— Что за минная? — Биал повернулся к напарнику.

— Классическая, говорю, — Шалфей показал автоматом на дорогу. — Всё спешка проклятая. Головная «Шельма» мины засекала, да инерцию ещё никто не отменил. Вот и сыграла носом в кювет. Да и там на мину напоролась. Всё, что оставалось нашей машине — дёрнуть в другую сторону, то есть в скалу.

— А заднюю часть всё равно занесло и правое заднее колесо напоролось на мину, — закончил Биал.

— Правильно.

— А где противник? — Биал настороженно посмотрел на темнеющие за дорогой холмы.

— Нет его, на наше счастье, — ответил Шалфей.

Словно полицейские на карнавальной шествии, респы перегородили дорогу. Биал сощурил глаза, автоматика шлема тут же увеличила изображение. Так оно и есть: дальше по дороге валяются останки космического пехотинца.

— Проклятье, — тихо ругнулся Биал.

Как выяснилось чуть позже, погибло трое человек. Водитель, сержант и рядовой первого отделения, которого угораздило после выхода из БМП заскочить на мины. Подбитые «Шельмы» нуждаются в серьёзном ремонте. А главное — быстрая передислокация под Финдос сорвана.

С помощью пары кратерных зарядов дорогу быстро разминировали. Чтобы не случилось, взвод обязан прибыть к месту назначения. Второму отделению пришлось залезть на броню последней целой БМП.

Сидеть на броне ещё неудобней, чем внутри. Последние пару десятков километров Биал просидел в обнимку с «Муравьём». Но всё равно непонятно: почему аборигены заминировали дорогу, устроили, можно сказать, классическую засаду, но их самих на месте не оказалось? Взвод понёс большие потери, но обстрел из тяжёлых пулемётов и реактивных гранатомётов несомненно унёс бы ещё больше жизней. Действительно: «наше счастье».

Перегруженная людьми и респями «Шельма» преодолела очередной подъём. Впереди, на тёмном фоне Лакмары, засверкала россыпь электрических огней.

Прибыли. Почти. Биал приуныл. Впереди ещё один серьёзный бой и никаких надежд на отдых. Это война. Это учения проходят строго по плану и всегда точно знаешь, когда сможешь скинуть потный броник и залезть под душ. Но самое печальное даже не это.

После боя в селении Ярдуш как-то не верится, что удастся вытащить из глубин Свалки хотя бы одного космического пехотинца. Если их уже повязали, то наверняка уже оттащили... И только Великий Создатель знает, в какие тёмные и мрачные глубины Свалки аборигены затащат пленных.

Глава 13. Судьба заключённых

В штабе Первого ударного флота висит напряжённая тишина. Даже приборы гудят пугливо и тихо, а вентиляцию, поток воздуха через решётки, и вовсе не слышно. Перед адмиралом Криллом над большим тактическим столом висит трёхмерное изображение улицы Финдоса. Даже без пояснительных надписей Рекоу сразу узнал Проспект первопроходцев ту его часть, что находится недалеко от Входной площади.

Плохо дело. Три синих треугольника пробкой столпились поперёк Проспекта. Совсем рядом, в зданиях напротив и чуть дальше по улице, мелькают красные столбики. Треугольники едва проглядывают под жёлтыми шариками огневого контакта, аборигены шпарт по танкам из всех стволов. Но вот один синий треугольник превратился в чёрный, следом потемнел ещё один и ещё.

Представление на голографическом столе закончилось. Жёлтые шарики огневого контакта погасили. Красные столбики пехотинцев противника замерли на месте и начали бледнеть. Бой окончен.

— Связь с первым танковым взводом потеряна. Взвод уничтожен, — словно диктор за кадром, объявил штабной офицер.

Рекоу печально понурил плечи. Ещё раньше пропала связь с первым батальоном. Пусть по заверениям разведки где-то на городских уровнях Финдоса всё ещё идут бои, но... Не нужно быть великим тактиком и умудрённым стратегом, чтобы понять очевидную истину: целый батальон космических пехотинцев вместе со всеми боевыми машинами и респами сгинул в глубинах Свалки.

— Проклятье, — сдержанно произнёс адмирал Крилл.

Рекоу с удивлением глянул на командующего флотом. Всё время, пока аборигены разносили в пух и в прах первый батальон, а потом ещё и танковый взвод в придачу, адмирал хладнокровно молчал. Не ёрзал от нетерпения в кресле, как можно было бы ожидать, не лез с приказами через голову генерал-лейтенанта Солмара, не орал, не плакал, не ругался, а молчал. Сосредоточенно следил за голографическим изображением и молчал. Чемпион мира по покеру и то эмоциональней.

— Они заплатят за это, — адмирал, ткнув пальцем в маленький экран перед собой, погасил голографическое изображение. — Вызовите генерал-лейтенанта Солмара! — приказал адмирал.

Через долгую минуту штабной офицер доложил:

— Генерал-лейтенант Солмар на связи.

Над тактическим столом возник голографический экран.

— Адмирал? — произнёс командующий космическим десантом.

— Генерал, когда вы сможете подтянуть дополнительные силы и выручить первый батальон? — как ни в чём не бывало спросил адмирал Крилл.

Генерал-лейтенант Солмар нахмурился, но ответил:

— Необходимые силы для новой атаки в количестве не менее одного батальона мы сможем подтянуть не раньше, чем через два часа. Но... — генерал замялся, — для организации полноценной контратаки потребуется не меньше пяти часов.

Глаза адмирала Крилла превратились в узкие щелки. Ещё немного... и... командующий флотом сорвётся на истеричный визг? Ничего подобного.

— Хорошо, действуйте, генерал, как сочтёте нужным. Держите меня в курсе, — произнёс адмирал Крилл. — Конец связи.

Если бы не полное отсутствие гравитации, Рекоу обязательно рухнул бы на пол от удивления. Адмирал Крилл не расстроен, не напуган, а... рассержен. Да! Да! Именно рассержен. С трудом сдерживаемый гнев кипит у него внутри, как вулкан, который вот-вот взорвётся и разнесёт всё к чёртовой матери на десятки километров вокруг. Ну а пока адмирал даже не дымит.

Ему бы в покер играть. Всех бы порвал. Командующий флотом ведёт себя так, словно аборигены не грохнули целый батальон, а спёрли пару незрелых яблок из сада. А ведь до этого трагического момента боевая операция развивалась как по нотам.

Авиация флота три дня старательно утюжила кратер Финдос. Авиокосмические истребители и такшипы сравнивали с землёй все найденные разведкой подозрительные объекты на Северном плоскогорье и в остальной части кратера Финдос. Высокоточные ракеты и планирующие бомбы разнесли в клочья несколько десятков фортов, ракетных баз и опорных пунктов. Особенно досталось самому большому форту в Щитовой горе. После налётов такшипов она стала значительно ниже. Если кто и прятался в глубинах горы, то наверняка погиб.

Но!

Первая дурная весть пришла сегодня утром, когда космические пехотинцы приступили к захвату поселений в кратере Финдос. Первый же пристальный осмотр так называемых фортов раскрыл крайне нелицеприятный факт: все без исключения военные сооружения на поверхности Свалки оказались липой чистой воды. Аборигены и не собирались встречать космических пехотинцев огнём из архаичных пороховых пушек. Те ужасные толстые стволы, что удалось разглядеть на снимках из космоса, на проверку оказались обычными стальными трубами низкого качества.

Витус Эрган, министр финансов Федерации Мирема, поседеет от горя. Это сколько же дорогостоящих ракет и бомб brave вояки в прямом смысле закопали в красных песках Свалки? Маленькой колонии и за три сотни лет не покрыть такие расходы.

Но эта печальная новость быстро затерялась на фоне победоносных реляций. Если в Северном плоскогорье космические пехотинцы и столкнулись с каким-то там сопротивлением, то все без исключения поселения в остальной части Финдоса тут же выбросили белый флаг, едва к их воротам подступили БМП с космическими пехотинцами.

Адмирал Крилл расцвёл от радости, когда ему доложили о самом первом вооружённом сопротивлении в поселении Речена. Как же! Аборигены не разбежались в страхе перед космическими пехотинцами, а немножечко постреляли. Пусть немного совсем, но вполне достаточно, чтобы подавление бунта на Свалке можно было бы честно назвать боевой операцией. Первой по-настоящему боевой операцией впервые за последние шесть с половиной сотен лет. Наверно по этой причине, находясь в состоянии эйфории, адмирал Крилл приказал генерал-лейтенанту Солмару ускорить захват столицы.

Рекоу пытался отговорить адмирала от столь опрометчивого шага. Одного батальона для захвата огромного подземного города слишком, слишком мало. Но в ответ получил лишь полный раздражения и надменности взгляд.

Что бы там не говорили, а курице иногда следует прислушиваться к советам яиц. Катастрофа разразилась, когда космические пехотинцы добрались до третьего городского уровня. Неожиданно аборигены перешли в контрнаступление и за полчаса отрезали батальон

от поверхности. Первый танковый взвод, без поддержки пехоты и респов, предпринял отчаянную попытку прорваться на выручку. Но три грозные боевые машины застряли на Проспекте первопроходцев и были уничтожены.

Пока адмирал глазами бездушной статуи наблюдал, как аборигены добивают танки, Рекоу вдруг вспомнил Финдос, где прожил больше двадцати лет. Это же... огромный подземный город. Четыре уровня, длинные улицы, дома, площади, переходы, технические службы и вспомогательные туннели. За триста с лишним лет аборигены так основательно изрыли гору Лакмару, что в Финдосе даже появился свой собственный клуб диггеров Тоссан, младший сын, одно время рвался нацепить белую каску с фонариком, но, хвала Создателю, по малолетству его не взяли.

Обидно, крайне обидно. Рекоу, чуть не плача, обвёл глазами штабное помещение. Над Свалкой висит огромный флот, но ни одно орудие главного калибра, ни один АКИ или такшип абсолютно ничем не могут помочь попавшему в беду батальону. Подземный город свёл на нет научно-техническое превосходство метрополии. Ужас! Космическим пехотинцам приходится на равных сражаться с аборигенами.

— Адмирал!

Рекоу поднял голову. Штабной офицер отвлѣк от печальных раздумий.

— Что у вас? — глядя на пустой тактический стол, спросил адмирал.

— Восьмая рота Четвёртого полка сообщает: в одной из пещер у подножья Большого излома обнаружена большая группа людей в красных робах. Приблизительно две с половиной тысячи человек.

— Что за люди?

— Колонисты третьей категории, сосланные с Мирема уголовники и неудачники. Ни один местный житель не оденет красную робу, — пояснил Рекоу. — Наверно, это те самые заключѣнные, которых Первый крейсерский флот застал на орбите, а сейчас их нет. Быстрее всего, аборигены спустили их на планету, подняли из анабиоза и отправили вкалывать.

— Подтверждаю, — отозвался штабной офицер. — По словам заключѣнных, аборигены заставили их работать над прокладкой неустановленных туннелей. Приблизительно три дня тому назад заключѣнных согнали в этот туннель и бросили.

Адмирал Крилл нахмурился. Такое выражение лица командующего не сулит заключѣнным ничего хорошего. Штабные офицеры на время оставили тактические экраны без внимания и напряжѣнно уставились на затылок адмирала.

— Зачем они это сделали? — спросил адмирал Крилл.

— Думаю... Аборигены хотят нагрузить Первый ударный несколькими тысячами лишних ртов и лёгких, — осторожно подбирая слова, заговорил Рекоу. — Хотят заставить нас заботиться о своих.

— Да какие они, к чёрту, свои! — адмирал Крилл стукнул кулаком по подлокотнику. — Если этот сброд сослал на Свалку, значит теперь они аборигены. Враги.

Рекоу испуганно отшатнулся. Ботинки-липучки пронзительно затрещали, но удержали на месте. Накопленный в душе адмирала гнев наконец-то нашѣл отдушину. Что-то сейчас будет.

— Адмирал, какие будут приказания?

Адмирал на секунду задумался.

— Приказываю! Космическим пехотинцам покинуть туннель. Туннель уничтожить. Запустите туда какую-нибудь хрень помощнее, — распорядился командующий флотом.

— Но адмирал, это же люди! — воскликнул Рекоу. — Гражданские! Они даже не солдаты!

— Задача Первого ударного разрушать и убивать, а не спасать всякий сброд, — отрезал адмирал Крилл.

— Адмирал... — прошептал Рекоу, но командующий флотом уже потерял к нему интерес.

Это нечто! Только что адмирал походя обрёк несколько тысяч людей на смерть. Это же... Военное преступление! Рекоу едва не задохнулся от ужаса. На Миреме за убийство даже одного из этих несчастных легионеры порвали бы адмирала Крилла на тысячи очень маленьких кусочков. Но здесь...

Невероятно! От удивления Рекоу даже протёр кулаками глаза. Томительное ожидание и напряжение на лицах штабных офицеров сменилось на... облегчение. Пусть удивлённое и ошарашенное, но всё же облегчением. Ну конечно! Их больше волнует судьба попавших в ловушку товарищей по оружию. Здесь, на Свалке, несколько тысяч заключённых представляют одну большую проблему. А так: нет людей, нет проблем. Легионеры на Миреме никогда не узнают о чудовищном геноциде. Благо цензуру изобрели ещё несколько тысяч лет тому назад. В СМИ попадут только бравые репортажи и прилизанные снимки. Никакой крови, никаких трупов, никаких ошибок и просчётов. На борту линкора Ингар нет ни одного журналиста, ни одного оператора, ни одного фотографа. Рекоу единственный гражданский на весь Первый ударный флот. Но даже ему пришлось дать подписку о неразглашении. Так что всё будет шито, крыто. Но ведь... так всё равно нельзя.

* * *

— Выпустите нас. Ну пожалуйста, — тихо, почти шёпотом, произнёс Ланал.

Сил на то, чтобы кричать, орать или требовать, совершенно не осталось. Ланал сполз на тонкий матрас и без сил ткнулся лицом в решётку. Стальные прутья упёрлись в щёки и скулы, но разгорячённая кожа не чувствует ни холода, ни шероховатостей грубого металла.

В душе с каждой новой минутой, с каждой новой секундой нарастает беспокойство. Прошёл час, как космические пехотинцы нашли запертых в стальных клетках узников, однако солдаты Федерации не спешат выпускать их на волю. Космические пехотинцы отошли к стальной переборке и замерли возле калитки, словно каменные истуканы.

Беспокойство терзает не только его. Ланал окинул взглядом товарище по несчастью. Если по началу все без исключения заключённые радостно приветствовали освободителей, то сейчас тихо ругают их самыми последними словами, вяло требуют открыть камеры и дать, наконец, пожрать. А что будет дальше?

Шорох бронированных ботинок и лязг металла. Ланал встrepенулся. Что это? Космические пехотинцы спешно покидают туннель. Последними, торопливо проскользнув по проходу между камерами, убежали респы. Герметичная калитка со скрипом захлопнулась. Стук запираемого засова прозвучал, как смертельный приговор.

— Стой! Вы куда? — Краун вскочил на ноги.

Удивлённый возглас эхом прокатился по большому туннелю. Товарищи по заключению окончательно умолкли и, выпучив от удивления глаза, уставились на калитку.

Зачем? Куда? Почему они убежали? Чувство чёрной безысходности накрыло с головой.

Ланал взвыл нечеловеческим голосом и принялся бешено трясти решётку. Заключённые взбесились от злости и отчаянья. Кажется, ещё немного, ещё чуть-чуть, и стальные решётки рассыплются от бешеного напора в прах. Но нет: тяжело дыша, Ланал опять, в который раз, без сил сполз на тонкий матрас, стальные камеры сварены на совесть.

Прошло минут десять, а может целая вечность. Как бы не был зол, раздражён или доведён до отчаянья человек, сил, чтобы фонтанировать эмоциями, надолго не хватит. Тем более всеми брошенных заключённых не кормили три дня. Некоторые товарищи по несчастью просто попадали в голодный обморок.

— Зачем вы так, — на глазах Ланала навернулись слёзы. — Мы же вас так ждали. Надеялись...

Мощный удар потряс огромный туннель. Необычайной силы звук неожиданно сменился звенящей тишиной. Краун отвлечённо, словно в кино, заметил, как стальная переборка распустилась исполинским цветком с рваными лепестками. Невероятный вид завораживает и очаровывает. Рядом о стальной прут, выбив яркую искорку, чиркнул осколок. Ещё один толкнул в плечо и ткнулся в грудь. А другой, особо большой и крупный, снёс дверь в камеру и открыл путь на свободу.

Но. Не прошло и минуты, как в дыру с рваными краями влетел огненный шар. Нестерпимый жар опалил брови и волосы. Последнее, что в своей жизни успел заметить Ланал Краун — огромный огненный вал, что стремительно накатывается из глубины туннеля. Стальные клетки одна за одной исчезают в его сверкающей глубине.

Глава 14. Схватка за Финдос

— Как на плацу перед проверкой, — сокрушённо произнёс Шалфей.

— Ещё только увешенного звёздами генерала для полного счастья не хватает, — согласился Биал.

Перед главным въездом в столицу Свалки аборигены насыпали широкую площадку, словно и в самом деле плац для смотра подготовили. Места столько, что базовый лагерь первого батальона занимает едва ли треть площади. Но вот только самого батальона уже нет.

На рукотворной площадке царит нервная активность.

— Па-а-а берегись!!!

Биал отскочил в сторону. Рядом, выбрасывая из-под гусениц мелкие камешки, прогрохотал танк. Чуть дальше, едва не падая на ухабах, на площадку перед Главными воротами, въезжает колонна БМП. Покрытые красной грязью респы, подогнув лапы, сидят на броне. За спиной опять грохот, Биал обернулся. Очередной «Торнадо» спускает в базовый лагерь огромный контейнер с боеприпасами.

— Согласен: попавший в западню батальон не есть хорошо, но... я ещё ни разу не видел, чтобы высшее командование так переполошилось, — признался Шалфей.

Биал молча кивнул в ответ.

Всё новые и новые танки и боевые машины пехоты взбираются на широкую площадку перед Главными воротами Финдоса. Командование в экстренном порядке стянуло целый полк. Биал настороженно посмотрел на укутанный темнотой склон Лакмары. Остаётся надеяться, что аборигенам не придёт в голову нанести артиллерийский или миномётный удар по скоплению живой силы и техники.

— Шалфей, ты знаешь, пока мы ехали, — задумчиво заговорил Биал, — Мне казалось, что первый батальон успешно сопротивляется там, в подземельях Свалки. Благо аборигены как солдаты даже на парад не годятся. Но сейчас я уже так не уверен. Здесь же целый полк! Ладно наш Второй, или ещё какой. Так ведь нет — сборная солянка. И всё ради одного единственного города?

— Не к добру, — Шалфей кивнул. — Ох, чует моё сердце — лафа закончилась.

То ли случайно, то ли преднамеренно, двадцать первый взвод оказался недалеко от разрушенных ворот. Не нужно напрягать зрение и гонять автоматику броника, чтобы в деталях и подробностях разглядеть разбросанные у входа в туннель обломки двух стальных створок.

Штурм города является самым сложным видом боя. Это не в чистом поле гулять, или в лесу грибы собирать. Для захвата Финдоса потребуется целый полк и куча боеприпасов.

— Внимание! — заговорил на общем канале связи сержант Зилуч. — Приготовиться к наступлению. Выдвигаемся во втором эшелоне.

Двадцать первому взводу выпала сомнительная честь наступать вслед за штурмовой группой и зачищать дома аборигенов. Биал крепче сжал автомат. Вот заодно и выяснится, что опасней.

На юге, на фоне чуть светлого неба, показалось звено аэрокосмических истребителей. В широкий туннель с рёвом влетел огненный шар. Бабахнуло дай боже. Наружу вылетело тёмное облако дыма и пыли. Жаль, на Свалке невозможно использовать термобарические ракеты и бомбы. Как на предварительном инструктаже объяснил лейтенант Божл, аборигены

отключили систему регенерации воздуха. Так что сейчас на улицах Финдоса кислорода не больше, чем снаружи.

В широкий туннель, гремя гусеницами и оставляя на земле глубокие борозды, вошли два танка. Следом засеменили «Муравьи» и пехотинцы штурмовой группы.

— Второе отделение, пошли! — скомандовал Зил.

Началось!

* * *

— Да какого чёрта они так долго ковыряются? — в сердцах воскликнул Чаг.

Трофейщики в синих боргах ещё только не танцуют на половину разобранных танках, но всё равно кажется, будто еле шевелятся.

— А ты им помоги, какие проблемы? — съехидничал Шнык.

— Тебе хорошо говорить, — Чаг посмотрел на друга, чья мощная фигура в камуфлированном борге выделяется в окне в доме напротив. — Это не тебя гулять по проспекту отправили!

— Я ефрейтор — ценнее буду. К тому же ветеран.

В голосе Шныка ни намёка на веселье, но за много лет Чаг великолепно изучил друга. Это Шнык так прикалывается.

— Да ну тебя, — Чаг выразительно махнул рукой.

С тех пор, как последний «Тяпа» навсегда замер поперёк Проспекта первопроходцев, прошло несколько часов. Третье отделение перевели из дозора возле Главных ворот обратно на Проспект первопроходцев, снабдили боеприпасами и даже доукомплектовали до штатной численности. А трофейная команда всё так же самозабвенно разбирает подбитые танки.

Чаг пнул корпус неподвижного «Тяпы». Нужно признать: трофейщики работают не просто быстро, не просто разбирают танки, а буквально потрошат их, как голодный мясник торопливо разделывает тушу только что забитой хрюшки. Снопы искр из-под плазменных резаков дождём падают на покорёженный асфальт.

Два танка уже раздели до голого металла. Сняли гусеницы, колёса, умудрились свинтить пушки, не говоря уже о трупах танкистов, боеприпасах и внутреннего оборудования. В третьем танке ещё что-то осталось.

Чаг с Журналом и Балагуром, новичками из свежеприсланного пополнения, нервно прогуливается перед разделяемым танком. Приказ командования однозначен — прикрывать трофейщиков до последнего. Иначе говоря: сдохни, но помоги унести с поля боя лишний броник, электромагнитный автомат или лапу от «Муравья». О господи!

— Давайте быстрее! — Чаг в очередной раз остановился перед трофейщиками. — Вам что? Жить надоело? Идут же!

Нервное напряжение нарастает с каждой секундой. Противник в любой момент может пойти в атаку. Даже обязан пойти! Им танки потрошить не нужно. На эмоциональный возглас трофейная команда ответила ударами кувалды и шипением плазменных резаков.

Опять что-то режут, Чаг нервно потряс «Надеждой». Небольшой автокран с грохотом опрокинул броневую плиту сразу за башней танка. Не иначе трофейщики во что бы то ни стало решили утащить энергоблок. Ну правильно — энергия наша всё.

Со стороны Входной площади долетел раскат мощного взрыва. Чаг резко обернулся.

Дальний конец Проспекта первопроходцев укрыт облаком чёрной пыли. Стальные осколки и куски бетона усеяли проезжую часть и поцарапали прилегающие к Входной площади дома. Видать, не хилая ракетка там взорвалась. Чаг присел под защитой остова разобранного танка. Новички пристроились рядом.

— Внимание! Приготовились! — скомандовал Шнык. — Противник пошёл в наступление. Стрелять по моей команде!

Да-а-а... Приятного мало. Чаг осторожно выглянул из-за кормы подбитого танка. И без напоминания командира понятно, что космические пехотинцы пошли в атаку. Неужели всё ещё надеются выручить своих? Если так, то они ба-а-альшие оптимисты. С час назад Шнык сообщил о ликвидации последнего очага сопротивления на третьем городском уровне. Хотя какая там ликвидация! Пехотинцы сложили оружие, едва шальная граната оторвала голову последнему сержанту.

Из-за пылевого облака, словно из-за театрального занавеса, доносится рёв движков. Космические пехотинцы вот-вот откроют огонь, и тогда на Проспекте первопроходцев заработает филиал ада. Трофейщики не смотря ни на что продолжают работать. Лебёдка на автокране гудит от напряжения, стальные тросы дрожат от натуги, но всё равно не получается выдернуть из подбитого танка серую глыбу энергоблока.

— Да они что, охренели?! — в сердцах воскликнул Балагур.

— Сами сдохнуть хотят и нас прихватить! — поддакнул Журнал.

— Отставить! — Чаг одёрнул новичков. — Пока они возятся, мы в безопасности.

Однако, трофейщики смелые ребята. Они настолько увлечены разборкой, что совершенно не обращают внимания на начало второго акта драмы под названием «Битва за Финдос».

Чаг выбросил трофейщиков из головы, не до них сейчас. Впереди надвигается более насущная проблема. И без их участия на трофейщиков давит командование.

— Непоседа, давай из «Дюбеля» по правой стороне Проспекта. Головной дозор докладывает, «Тяпа» прёт.

— Есть.

Чаг вытащил из связки «Дюбель» и закинул реактивную гранату на плечо. Получится, не получится? Стрелять наугад не дело, разве что на звук. Рёв танков давит на уши.

Выстрел.

Реактивная граната ушла в пылевое облако на том конце Проспекта первопроходцев. В облаке яркой вспышкой сверкнул взрыв. Чаг отбросил пустой контейнер. Красиво и громко, только вряд ли граната разорвалась о броню «Тяпы».

Вот из оседающего пылевого облака показалась штурмовая группа противника. Правильно идут, чёрт побери. Чаг пригнулся. Два танка почти скребут бронёй по стенам домов. Рядом с ними семят респы, а чуть дальше шагают пехотинцы. Любой, кто рискнёт высунуться из окна, получит пулю в лоб.

Танки бойко палят из пушек. После каждого выстрела от домов по сторонам проспекта отлетают большие куски стен. А раззявы трофейщики продолжают потрошить подбитый танк.

Враг всё ближе. От остова танка всё чаще и чаще отскакивают пули. Ещё немного и противник заметит суетливую команду за хлипким прикрытием из двух разобранных танков.

— Непоседа, «Шуруп», «пыльца», левый танк, — торопливо скомандовал Шнык.

— Есть, — отозвался Чаг.

Из другой связки Чаг вытащил «Шуруп» с ярко-фиолетовой полосой на спусковом контейнере. Выстрел. Левый танк окутало облако «пыльцы». Чаг отбросил пустой контейнер. Ещё пара секунд у трофейщиков будет.

Но вот правый «Тяпа» целенаправленно развернул ствол в их сторону. Чаг нервно сглотнул. По спине скатился холодок.

Рядом грохнула реактивная граната. Перед вторым танком выросло ярко-фиолетовое облако. Балагур шмальнул «пыльцой» по второму танку.

— Молодец! — Чаг хлопнул Балагура по плечу.

За спиной нагужный треск и грохот, Чаг обернулся. Неужели не успели? Но нет, пронесло. Трофейщики выдернули энергоблок их подбитого танка и с шумом водрузили его на кузов пикапа. Высокий трофейщик в синем борге торопливо отцепляет от энергоблока крючки, остальные разбегаются по машинам. Вот соскочил последний крючок, автокран тут же сорвался с места. Из-под бешено вращающихся колёс вылетело белое облачко.

— Непоседа, трофейщики ушли. Уходите! — приказал Шнык.

— Понял, уходим, — отозвался Чаг.

Негоже бросать оружие, Чаг поднял с земли последний «Дюбель». Правое облачко «пыльцы» в прицеле, только поздно уже. В момент, когда Чаг вдавил пусковую кнопку, морда «Тяпы» вылезла наружу. Сработала ИПРО, реактивная граната вспыхнула ярким пламенем без малейшего вреда для танка. Обидно.

Пора уходить. Чаг оглянулся по сторонам. Остов танка прикрывает их, но это ненадолго.левой дом дальше, но... Чаг сорвался с места. За спиной остов танка с грохотом встал на дыбы. Чаг проскочил открытое пространство и ласточкой запрыгнул в окно. Следом о стену защёлкали пули.

Манёвр более чем рискованный, но сработало. Чаг выглянул наружу. Новички рванули по кратчайшему пути и угодили под прицельный огонь. Балагур, вроде как, успел заскочить в дверной проём, а вот Журнал не успел. Пулемётная очередь толкнула новичка в бок, боец не вписался в проём и рухнул на тротуар. На красном борге выступили пятна крови. Вечная память.

Первая рота Народной армии самообороны Дайзен-2 встала затычкой посреди Проспекта первопроходцев. Но, нужно признать, хреновой затычкой. «Тяпы» со смертельной неторопливостью продолжают двигаться вдоль проспекта. Снаружи строчат пулемёты, взрываются снаряды и реактивные гранаты. Однако остановить наступающий десант никак не получается.

Над головой ухнул взрыв. Чаг вжал голову в плечи. Наружная стена рухнула под окнами первого этажа. Тем, кто был наверху, хана.

— Непоседа! Жив, дурилка! — из соседней комнаты показался Шнык.

Друг с ног до головы засыпан белой пылью, но, вроде как, цел.

— Давай! Уходим! — Шнык показал на дыру в полу. — Приказано отступить.

Через дыру в полу, в технический туннель, ушли двое товарищей по отделению и уволокли с собой третьего. Следом за ними спрыгнул Шнык. Но тут рёв танка достиг кульминации. Чаг инстинктивно рухнул на пол и откатился под защиту бетонного блока. Снаружи показался заострённый нос «Тяпы».

Пронесло! Чаг приподнялся над полом. Штурмовая группа прошла мимо, но за ней следует группа зачистки. Точно! В оконном проёме показалась башка респы. Чаг вытащил из разгрузки гранату и, выдернув чеку, швырнул её на улицу. Респ исчез.

Граната подарила бесценные секунды. Чаг, извиваясь ужом, подполз к дыре в полу и сиганул в технический туннель головой вниз.

Сверху, прямо на шлем, упала граната. Чаг судорожно спихнул её в улавливатель для гранат и распластался на полу. Взрыв. Град осколков высек из стальных труб яркие искры.

Чаг приподнял голову. Улавливатель для гранат — пригодился таки, сам долбил. Но! Не успел Чаг подняться на ноги, как по стенам и трубам защёлкали пули.

Пехотинцы! Чаг судорожно завертел головой. Неужели уже в техническом туннеле? Когда успели? Но нет, это не они. Точнее, другие. Метрах в сорока, увёртываясь от труб над головой, продвигаются космические пехотинцы.

Чаг прямо на четвереньках рванул прочь. Одна надежда на товарищей. Впереди, в полумраке технического туннеля, загрохотали выстрелы и запульсировали огненные круги. Товарищи по отделению прикрывают его. Чаг улыбнулся. А значит будем жить!

* * *

Небольшая по размерам Входная площадь встретила космических пехотинцев темнотой и чёрной пыльной завесой. Только на другом конце площади падающий из широкого туннеля свет разгоняет мрак. На Проспекте первопроходцев аборигены зажгли все без исключения лампочки.

— Хорошо бабахнул, — заметил Шалфей.

— А толку, — ответил Биал.

Взрыв был нехилым, это верно. Всё, что только можно разбить, поломать, покорёжить и уничтожить высокоточная ракета разбила, поломала, покорёжила и уничтожила. На потолке перебиты все до последней лампочки, асфальт под ногами изрешечён осколками и завален кусками колотого бетона. Но! Биал покрутил головой. Вокруг ни одного дохлого аборигена, или хотя раздолбанной баррикады. Ничего, совершенно. Местные и не собирались защищать Входную площадь. Дорогая высокоточная ракета, если разобраться, бабахнула зря.

Штурм подземного города начался. Танки ползут по Проспекту первопроходцев. Снаряды из 120 миллиметровой пушки разносят в клочья стены домов. На проезжую часть водопадом сыплются битые кирпичи, оконные рамы и прутья стальной арматуры. Идущие за «Тяпами» респы и пехотинцы щедро поливают пулями окна и двери. В ответ аборигены огрызаются очередями из пороховых автоматов и пуляют реактивными гранатами.

Перед «Тяпами» то и дело вспыхивают ярко-фиолетовые облака, но штурмовая группа упрямо движется вперёд, буквально продавливая оборону противника. Биал печально вздохнул. Как бы эффективно не действовал передовой отряд, но группы зачистки без работы не останутся.

Отделению Биала выпала задача зачищать многочисленные дома на Проспекте первопроходцев. Сама процедура отработана до автоматизма, но расслабляться не следует. Первый дом — чисто. Второй дом — чисто. Третий, четвёртый. Биал с тремя товарищами по отделению обследует убогие жилища аборигенов.

Очередной дом, как и все предыдущие, пуст. Аборигены вынесли из него всё, что показалось им ценным. По кучкам пыли и ярким пятнам на стенах можно догадаться, где стояли шкафы и кровати. Снятые розетки и выключатели светят голыми проводами. В ванной в гордом одиночестве осталась разбитая раковина.

На первом этаже никого нет, мин тоже нет. Но, едва Шалфей вступил на лестницу на второй этаж, как по ступенькам забрякал серый шарик.

— Граната! — Шалфей отпрыгнул в сторону.

Биал инстинктивно упал на пол.

Взрыв. Осколки изодрали стены, пластиковые обои повисли лохматыми гроздьями. Лестница с шумом обвалилась.

— Зил, на втором этаже засели аборигены, — доложил Шалфей.

— Ферзь, Тур, Шалфей, Ящер — в гостиную. Штурм через потолок, — приказал сержант Зилуч.

— Есть штурм через потолок, — Биал поднялся с пола.

Наверняка аборигены засели возле лестницы. Биал, держа «Эмму» наготове, осторожно посмотрел вверх. Не видно ничего. Но мы пойдёт другим путём.

В гостиной Ферзь и Шалфей уже закинули на потолок парочку «Щелкунов», стенобитных гранат.

— Берегись! — напарник отскочил в дальний угол.

Сдвоенный взрыв. «Щелкуны» пробили в потолке круглые дыры. Биал подскочил к ближайшей и выстрелил из левого рукава «кошкой», небольшим, но очень полезным приспособлением для подъёма на высоту. Стальной штырь с визгом потащил за собой тонкий тросик и воткнулся в потолок второго этажа. Ещё секунда, и мощная лебёдка понесла Биала вверх. Рядом от пола оторвался Тур.

Перекрытие второго этажа мелькнуло перед глазами. Впереди спина аборигена, Биал тут же нажал на курок. Пули разнесли в клочья блок жизнеобеспечения на спине аборигена, но тот всё равно успел развернуться и выстрелить из подствольника.

Яркая вспышка на миг ослепила. Биал, качнувшись в сторону, спрыгнул на пол и отцепил тросик. Абориген где-то здесь!

Автоматика броника быстро справилась с ослеплением. Сквозь белый туман проступила комната. Абориген с простреленным боргом валяется на полу. Из соседней комнаты выглянул ещё один. Биал отпрыгнул в сторону. Рядом засвистели пули. Падая, Биал открыл огонь.

Длинная очередь разнесла голову аборигена на мокрые кусочки. Биал грохнулся на пол и откатился к стене.

Встав на колени, держа автомат наготове, Биал осмотрел комнату. Никого. Выстрелы и визг тонких тросиков. Сквозь дыры в полу на второй этаж поднялись Ферзь и Шалфей.

— Давай, Ящер, чистим дальше, — Шалфей замер перед выходом из комнаты.

Биал вытащил из разгрузки гранату и закинул её в соседнюю комнату.

Едва раздался взрыв, как Шалфей и Ферзь дружно забежали в соседнюю комнату. Чаг поднялся на ноги. Главное, не отстать от товарищей. Но... Биал огляделся. А где Тур?

— Проклятье! — ругнулся Биал.

— В чём дело, Ящер? — тут же по связи вмешался командир отделения.

— Докладываю, — отозвался Биал. — Тур погиб.

— Проклятье! — донеслось в ответ.

В углу, прислонившись спиной к стене, лежит Тур. На груди большое тёмное пятно. Пластины броника треснули и местами разошлись. Наружу выступил бесцветный гель. На забрале, в окружении мелких трещинок, пара пулевых дырок. Прежде, чем умереть, абориген успел всадить в Тура гранату из подствольника, а второй выпустить по нему очередь. Биал

поёжился, при стрельбе в упор пороховые автоматы всё же берут броник.

В соседних комнатах ещё пару раз взорвалась граната. Шалфей и Ферзь продолжают зачистку.

— Зил, докладываю, — Биал услышал голос Шалфея на общем канале связи, — Этаж зачищен. Выходов в соседние дома нет.

— Отлично, спускайтесь, — приказал Зил.

Тур погиб, Биал в растерянности присел рядом. Происходящее не укладывается в голове. При взгляде на погибшего автоматика броника вывела на внутреннюю сторону забрала печальную надпись: «Убит».

Словно отгоняя наваждение, Биал тряхнул головой. Но упрямая надпись никуда не делась. До самого последнего момента не верилось, что космические пехотинцы Пятой отдельной роты год тому назад и в самом деле понесли боевые потери. На учениях боевых потерь не бывает, максимум несчастные случаи.

— Пошли, Ящер. Туру уже ничем не помочь, — рядом, держа «Эмму» стволом в потолок, остановился Шалфей.

— Но как же, — Биал поднялся на ноги. — А тело?

— Санитары подберут, — пояснил Шалфей.

— А вдруг аборигены утащат? — тревожно спросил Биал.

— Не успеют. Санитары идут в третьем эшелоне. Им уже сообщили.

Как бы то ни было, а война продолжается. Снаружи кипит бой. Сквозь трескотню крупнокалиберных пулемётов прорезаются выстрелы из 120 миллиметровой пушки. Зачистка дома закончена, но сколько их ещё на этом чёртовом проспекте? Сколько ещё товарищей покинут поле боя ногами вперёд?

— Пошли, — согласился Биал.

Незнакомая ранее злость кипит в душе. Через ту же дыру в полу Биал спрыгнул на первый этаж. Да как они только посмели? Зло безнаказанным не остается.

Между тем штурмовая группа вплотную приблизилась к подбитым «Тяпам» первого танкового взвода. Точнее, Биал увеличил изображение, к тому, что осталось от трёх некогда грозных боевых машин. Аборигены в прямом смысле выпотрошили танки вплоть до гусениц и лопат из ЗИПа.

— Берём следующий дом, — идущий впереди Зил показал на очередное жилище аборигенов с номером 17 на квадратной табличке.

Грохот выстрела резанул по ушам. 120 миллиметровым снарядом «Тяпа» разворотил половину второго этажа семнадцатого дома. Биал прижался к стене. Значит в нём точно засели аборигены.

Штурмовая группа ушла дальше. Пусть техника воюет. Биал, пропуская вперёд респя, отошёл в сторону. «Муравей» лихо подбежал к семнадцатому дому, заглянул в окно, но тут же отпрыгнул обратно. Из окна вылетела граната.

— Граната! — Биал упал на землю.

Ребристый шарик перелетел через тротуар, шлёпнулся на проезжую часть и взорвался. Осколки чиркнули по броннику. Биал тревожно уставился на забрало.

Пронесло! Жёлтой надписи нет, бронескафандр не получил ни малейшего повреждения. Неприятно, страшно, но даже не больно.

Ну сейчас они получат! Биал вытащил из разгрузки гранату.

— Внимание! Граната! — Биал выдернул чеку и забросил адский шарик в дом.

Внутри грохнул взрыв! Прямо через окно Биал заскочил во внутрь. Никого! Повезло, уродам. Но... Почему граната рванула относительно тихо, да ещё без свиста разлетающихся осколков?

А! Понятно. Биал большими шагами пересёк комнату. В полу у дальней стены зияет дыра. Вот оно, специально не попадётся: граната упала в подвал. Тем лучше.

Следом в дом заскочили товарищи по отделению.

— Где они? Ушли? — выпалил Шалфей.

— Да, в дыру, — Биал показал на ход в подвал.

— Ладно, чёрт с ними, давай на второй, — предложил Шалфей.

— Ну уж нет. Я их достану!

Биал вытащил из разгрузки вторую гранату.

— Не вздумай! Своих прибьёшь!

Из дыры в полу показался ствол «Эммы» и шлем космического пехотинца.

— Вы кто? — Биал убрал гранату обратно в кармашек разгрузки.

— Двадцать четвёртый взвод, третье отделение, — ответил пехотинец. — Преследуем аборигенов по техническому туннелю.

Пехотинец исчез. Из туннеля донеслись звуки быстро удаляющихся шагов.

— Я с вами, — Биал нырнул в темноту технического туннеля.

Биал мягко, словно кот, приземлился на ноги. Точно технический туннель: узкий проход, двоим не разойтись, вдоль стен стальные трубы и связки чёрных кабелей. Впереди мелькает быстро убегающий свет.

— Ящер? Куда? — в спину ударил возглас напарника.

К чёрту зачистку! Какой-то абориген посмел кинуть гранату. Догнать и пристрелить гада! Душа жаждет боя, а не рутины. Пригнув голову, Биал побежал за пехотинцами из двадцать четвёртого взвода.

Десантники убежали вперёд по туннелю метров на тридцать. Биал, увёртываясь от труб и кабелей, спешит за ними. Впереди грохочут выстрелы, пули чиркают по бетонным стенами и высекают из стальных труб яркие искры.

Аборигены большие специалисты драпать. Биал спешит изо всех ног, шлем то и дело отскакивает от труб и кабелей, но бой упрямо грохочет впереди. Обидно даже.

Догнал! Почти! Грохот и вспышки выстрелов рядом совсем. Биал на ход вытянул шею и сощурил глаза. Да где же они?

Сильный удар в лоб опрокинул на спину. Шлем с размаху стукнулся о бетонный пол. В ушах звон, а перед глазами серая пелена.

— Проклятье, — скрипя зубами, просипел Биал.

Что это было? Затылок пульсирует от боли. Биал приподнялся на локтях. Ну надо же было так попасть! Поперёк и без того узкого и невысокого прохода чёрная труба. Чему, чему, а бегать сломя голову по техническим туннелям их не учили. Вот чуть и не свернул шею, впредь наука. Осторожно, стараясь не охать и не ругаться вслух, держась руками за кабеля, Биал поднялся на ноги. Проклятушая труба прямо над головой.

Взрыв. Грохот. Взрывная волна толкнула в грудь, сбила с ног и протащила назад по туннелю.

Какого чёрта! В ушах звон. Биал, тяжело дыша, снова приподнялся на локтях. Зрение быстро прояснилось, автоматика броника включила подсветку. Ну дела!

Поперёк технического туннеля аборигены заложили нехилую мину. Даже две мины.

Спаренный взрыв порвал трубы и распушил многочисленные кабели. Двоих десантников разорвало на части, а третьего взрывная волна толкнула в спину далеко вперёд. Ну что за невезение! Обломки труб и кабелей надёжно перегородили туннель. О том, чтобы прорваться дальше без плазменного резака, кувалды и какой-то матери не может быть и речи.

Какая ирония! Биал повернулся головой вперёд и встал на четвереньки. Проклятая труба ни много, ни мало спасла жизнь. Если б не она, то непременно успел бы вбежать в зону поражения. Судьба, однако. А это ещё кто?

Впереди, за паутиной труб и кабелей, мечутся лучи света. Абориген в камуфлированном борге ухватил контуженного десантника за руку и пытается утащить в мрачные подземелья Свалки. Ну конечно же: броник, «Эмма», гранаты — ценные трофеи. А если космический пехотинец жив, то пленник будет. А вот и хрен вам! Биал, словно на стрельбище, присел на колено. Зелёный квадратик прицела ловит аборигена на мушку. Жаль, паутина подорванных труб и кабелей мешает, зараза. Биал нажал на спусковой крючок.

Абориген не дурак, при первых же выстрелах упал на пол. За его спиной загрохотали вспышки пороховых автоматов. Биал отшатнулся в сторону и рухнул ничком. По стенам, кабелям и броннику зачиркали пули.

Биал отполз назад и передвинулся к противоположной стене. Толку то? Пули аборигенов вгрызаются в пол перед самым носом. Пылевые фонтанчики закрывают обзор. Ни спрятаться, ни укрыться. Технический туннель простреливается насквозь. Хоть на стены лезь.

Вдруг стрельба смолкла. Биал осторожно приподнял голову. Впереди темнота. Автоматика броника включила подсветку. Из мрака выступили развороченные взрывом трубы и кабеля, убитые десантники и.... Больше никого нет.

— Сволочи! — Биал в бешенстве стукнул кулаком о землю.

Аборигены ушли и сумели таки утащить контуженного взрывом пехотинца.

— Гады! Подонки! Мерзавцы!

Гнев расплавленной магмой кипит в груди. Правый кулак сам собой колотит по бетонному полу. При каждом ударе поднимается облачко пыли. Да чтоб их! Впервые в жизни, грязно, матерно, но от всей души, Биал выругался.

* * *

— До чего упорные, гады, — на ходу, увёртываясь от труб и кабелей, бросил Шнык.

— Не-е-е, самоуверенные слишком, — протянул Чаг. — Сейчас они у меня припухнут.

Чаг остановился по среди технического туннеля и, присев на колено, повернулся к преследователям лицом. В тёмной глубине не видно ничего, только грохот «Эммок» и визг отскакивающих от стен пуль. Космическим пехотинцам свет не нужен, а электромагнитные автоматы огненных вспышек не дают. А жаль!

— Ну держитесь, — Чаг надавил на спусковой курок.

Огненные вспышки слепят космических пехотинцев, а пули заставляют их прижиматься к земле.

— На! — Чаг выпустил последнюю очередь. — Держите!

— Непоседа! Пошёл! — скомандовал Шнык.

— Есть! — Чаг развернулся и побежал дальше по туннелю.

Впереди посреди прохода мелькнул тёмный силуэт.

— Шнык, я здесь, — предупредил Чаг.

— Проходи, — Шнык пригнулся.

Чаг, с ходу перепрыгнув через друга, побежал дальше, но метров через двадцать остановился. Шнык хладнокровно расстреливает магазин. Правильно. Пусть этим гадам жизнь мёдом не кажется.

— Шнык! Пошел! — Чаг с щелчком вставил в «Надежду» полный магазин.

— Есть! — ответил Шнык.

Огненные вспышки в глубине туннеля тут же прекратились. Сквозь гул боя снаружи долетел торопливый топот. Чаг опустился на колени. Стрелять пока рано. Противник силён, но, Чаг улыбнулся. Первый полк Народной армии то же кое что умеет. Без паники и суеты, взаимно прикрывая друг друга, третье отделение отходит от наседающего противника.

Первое реальное столкновение с войсками метрополии четыре года тому назад не прошло даром. Планирование вещь хорошая, но... Когда начинается бой, предварительные планы и наработки улетают к Хессану под хвост. На поле боя царит хаос. Никогда не знаешь, какая кривая вывезет. Приходится готовиться буквально ко всему. Чаг в очередной раз остановился и приготовился прикрывать друга.

Вон! Кто бы знал, пригодилось же. Чаг бросил взгляд за толстую трубу. На стене маленьким плоским ящичком висит пластиковая взрывчатка. Запал мигает красной лампочкой готовности. На противоположной стене еще одна точно такая же коробочка. Сюрприз будет.

— Нет, Непоседа, — Шнык с разгону перескочил через голову. — Тикаем!

Повторять не нужно, Чаг рванул со всех ног. Толстый кабель чиркнул по шлему, едва не развернув на месте.

— Берегись! — Шнык с размаху вдарил кулаком по красной кнопке.

За спиной ухнул взрыв. На краткий миг в техническом туннеле вспыхнула яркая звезда. Но взрывная волна тут же сбила с ног и протащила по пыльному полу.

— Убери с меня свои ноги, — потребовал Шнык.

— Сейчас, — ответил Чаг.

Чаг поднялся на ноги. Никого и ничего. После бешеного топота тяжёлых ботинок и треска автоматных очередей в узком туннеле повисла напряжённая тишина.

— Получилось? — Шнык поднялся с пыльного бетона.

Чаг включил фонарик и посмотрел в глубь туннеля.

— Еще как!

Технический туннель надёжно перекрыт паутиной из разорванных труб и кабелей. Два пехотинца угодили точно в эпицентр взрыва. Хваленые броники не спасли солдат метрополии, пластиковая взрывчатка разорвала их на части. Впрочем, одного пехотинца, наверно самого шустрого, взрывная волна толкнула далеко вперёд. Десантник лежит ничком без малейших признаков жизни. Хотя... Чаг поводил узким лучиком света туда-сюда, броник, вроде как, цел.

— Шнык, прикрой, — произнёс Чаг.

— Может, не стоит? — Шнык включил фонарик на своём автомате.

— Да ты что! Это ж, такой трофей.

Осторожно, на полусогнутых, едва не касаясь руками пыльного пола, Чаг приблизился к

лежащему десантнику. Вроде не шевелится. Для надёжности Чаг ткнул пехотинца стволом в шлем. Точно не шевелится. Жив ли хоть? А, не важно. Чаг ухватил десантника за руку и потащил на себя.

Из темноты загрохотали выстрелы. Чаг рухнул на пол. За спиной Шнык открыл ответный огонь.

Над головой свистят пули. Некоторые чиркают совсем рядом. В душе закипела злость. Ну уж нет! Чаг ухватился покрепче за неподвижного десантника. Теперь вытащить такой трофей дело чести.

Пятясь задом, сантиметр за сантиметром, Чаг отволол десантника от переплетения труб и кабелей. Космический пехотинец даже не шелохнулся. Ух и тяжёлый, зараза.

— Ну, Непоседа, ну герой! — Шнык подхватил десантника за плечи. — Даже «Эммку» прихватить не забыл.

Пленник, или просто трофей, весит немало. К тому же, очень не хочет идти, то и дело цепляясь руками и ногами за кабеля и стальные подпорки на стенах. Но Чаг с другом всё же дотащили космического пехотинца до конца технического туннеля и выволокли на поверхность.

— Пуля, Киянка, хватайте пленного и в тыл, — приказал Шнык. — Остальные за мной. Нам приказано занять оборону в шестьдесят седьмом доме.

Из всего отделения опять осталось всего четыре человека. Но на этот раз погибло всего двое, один ранен. Плюс двое солдат эвакуируют пленного и ещё один помогает раненому добраться до госпиталя. Только, Чаг посмотрел вдоль Проспекта первопроходцев, вряд ли им суждено вновь присоединиться к отделению.

На Проспекте во всю кипит бой. Космические пехотинцы уже прошли через перекрёсток с Оптовой улицей и уверенно приближаются к Медной. Кажется, будто прошла уйма времени, но на деле не больше десяти — пятнадцати минут.

— Вот вы, родненькие, — обрадовался Чаг.

Шестьдесят седьмой дом на Проспекте первопроходцев заранее подготовлен к обороне. Возле окна Чаг нашёл связки «Дюбелей» и «Шурупов».

— Ну что, дружище! — Шнык отцепил от связки «Дюбель» и взвалил реактивную гранату на плечо. — Устроим охоту на «Тяп»?

— Устроим, — Чаг вытащил из связки «Шуруп». — Хоть один, да останется на Проспекте навсегда.

* * *

— Пропать этих аборигенов! Да сколько же их ещё осталось! — ругнулся Шалфей.

— Два миллиона, — ответил Биал.

Упорство аборигенов поражает. Двадцать первый взвод успел зачистить пару десятков домов, отойти в тыл за боеприпасами, вернуться и зачистить ещё несколько жилищ, а бой на улицах столицы Свалки и не думает стихать. Наоборот.

Два танка из штурмовой группы уже отбуксировали в тыл. Реактивные гранаты аборигенов понаделали в них дырок. А те, что сменили подбитые «Тяпы», уже перекрасились в ярко-фиолетовый цвет. Биал со злостью вставил в «Эмму» полный магазин.

То, что на первый взгляд показалось трусостью, на деле оказалось отработанным

тактикой. Аборигены не держатся мёртвой хваткой ни за один дом. Отстреливаются до последнего, наносят урон и организованно отступают. Да, не всегда у них получается гладко оставить огневую позицию, довелось лично пристрелить четверых. Но! Будь аборигены идиотами или чокнутыми фанатикам, то туннели Финдоса были бы завалены трупами до самого потолка. Однако ничего подобного нет и в помине.

Наконец танки вышли на Площадь десяти столбов.

— А это что-то новенькое, — заметил Биал.

— Новенькое, но зловещее, — предостерёг Шалфей.

Обычно площади в подземных поселениях аборигенов круглые по форме. Эта же похожа на ромб. Десять толстых столбов подпирают сорокаметровый свод. На противоположном конце площади первоочередная цель — Автоспуск № 1. Только по этому спуску и ему подобным тяжёлая техника может спуститься на второй и нижележащие городские уровни. Биал поёжился: не приведи господь воевать без могучей поддержки «Тяп» и «Шельм».

Провал Автоспуска зияет красным светом аварийных ламп. Цель обманчиво близка, но всё не так просто. «Тяпы» разошлись по площади. Треск пулёмётных очередей заглушает грохот выстрелов. Аборигенов не видно, но в окнах домов то и дело сверкают огненные вспышки и стартуют реактивные гранаты. БМП и респы потянулись к автоспуску. Было бы здорово понаблюдать за работой «Муравьёв», но...

— Отделение, внимание! Зачищаем магазин «Эlegant», — приказал сержант Зилуч.

От некогда шикарного магазина остался облупленный фасад, половина надписи «Элег» и зияющие пустотой витрины.

— Готов? — Шалфей прижался к стене возле витрины и вытащил из разгрузки гранату.

— Давай, — скомандовал Биал.

Шалфей, выдернув чеку, забросил гранату в торговый зал. Едва грохнул взрыв, как Биал кувырком заскочил в магазин.

Перевернувшись через голову, Биал встал на колени и поднял «Эмму». Никого. Пустые прилавки, ободранные стены, даже люстры сняты. Зато, Биал зло пнул ботинком пустой контейнер, на полу валяется с десятков одноразовых гранатомётов. Противомасса засыпала гранитные плитки пластмассовой рыбьей чешуей.

— Пусто, — Биал поднялся на ноги.

— Это хорошо, — в магазин, переступив через низкий подоконник, зашёл Шалфей.

— Давай...

Снаружи бабахнул сильный взрыв. Биал инстинктивно упал на пол. Что это было? Контратака? Биал отполз от окна под защиту стены.

— Проклятье! — ругнулся Шалфей. — Аборигены подорвали Автоспуск.

Биал выставил «Эмму» в окно. Картинка с видеокамеры появилась на внутренней стороне забрала. Подорвали, да ещё как. Где когда-то был туннель Автоспуска, расплзается огромное серое облако пыли.

— А местные не дураки, — Биал поднялся с пола.

Но тут раздался ещё один взрыв, гораздо тише и не на самой площади.

— Хана автоспуску, — заметил Шалфей. — Аборигены запаковали его. Так сказать, с гарантией. Теперь придётся долго и упорно расчищать туннель, если подобное вообще возможно.

— Внимание! — в разговор вклинился сержант Зилуч. — Отставить разговоры! Продолжить зачистку!

— Есть продолжить, — эхом отозвался Биал.

И на что, собственно, рассчитывало командование? На тупость аборигенов? Или на собственное божественное провидение? Биал покачал головой. Серое облако пыли почти осело. Там, где совсем недавно был туннель Автоспуска, появилась огромная груда камней. Действительно: запаковали с гарантией.

* * *

В районе Площади десяти столбов раздался взрыв. А потом ещё один.

— Ну вот: с Автоспуском обломались, сейчас на нас попрут, — предрёк Шнык.

— Почему так печально, дружище? — спросил Чаг. — Все идёт по плану.

— Так, ведь, нам с тобой эти самые планы реализовывать, а не тем, кто их придумал, — возразил Шнык.

Первый взвод Народной армии самообороны Дайзен-2 отошёл с Проспекта первопроходцев и занял оборону на Вислицкой улице. Пока космические пехотинцы прошли мимо. Оно и понятно: Автоспуск № 1 — одна их немногих дорожек, по которой танки и БМП могут спуститься на второй городской уровень. Только, как правильно предрёк Шнык, обломались они.

Третье отделение снова засело в доме под номером семнадцать. Наверно, традиция такая. Чаг, перегнувшись через подоконник на втором этаже, посмотрел вдоль улицы. Вдалеке, по Проспекту первопроходцев, в обе стороны шагают космические пехотинцы, с грохотом и рычанием проезжают танки и БМП.

— Как думаешь, я успею вздремнуть? — спросил Чаг.

— Не думаю, — Шнык положил на подоконник «Дюбель». — Космические пехотинцы ребята настойчивые, а самоуверенность из них мы ещё не выбили.

— А когда выйдем? — Чаг устроился на подоконнике по удобней.

— Ты бы лучше лишний разок магазина проверил, все ли заряжены, — Шнык перевёл разговор на другую тему.

— Не успею уже, — ответил Чаг.

Из-за порота с рёвом выехали два танка. За ними потянулись с десятков респов и бог знает сколько космических пехотинцев. Ясно дело, правой рукой Чаг нащупал заранее подготовленный «Шуруп», противник пошёл на штурм Вислицкой улицы. Пусть Аварийная лестница № 7 не Автоспуск № 1, но по ней всё же можно спуститься на второй городской уровень без «кошки» и стометровой верёвки.

Как и на Проспекте первопроходцев, штурмовая группа движется в полном согласии с канонами военной науки. Но если на Проспекте «Тяпы» шли ноздря в ноздю, то на более узкой Вислицкой улице им пришлось выстроиться в колонну.

— Третье отделение, приготовиться! — скомандовал Шнык.

Чаг положил на плечо «Шуруп» с ярко-фиолетовой полосой на контейнере.

— Огонь!

Чаг вдавил пусковую кнопку. Перед передним танком вспыхнуло ярко-фиолетовое облако. Чаг, отбросив пустой контейнер, подхватил второй «Шуруп» на этот раз с фугасной гранатой.

Не дожидаясь команды, Чаг высунулся в окно. Из ярко-фиолетового облака выскочил

«Муравей». Чаг поймал респа в прицел и пустил вторую гранату. «Муравей» окутался лазерными импульсами ИПРО. Идиоты! Чаг отбросил пустой контейнер. Огненная вспышка затолкала респа обратно в облако. Следом потянулись дымные следы.

— Уходим! — крикнул Шнык.

Чаг отпрыгнул в глубь комнаты и упал на пол. Вовремя! С оглушительным грохотом стена развалилась на куски. Сверху накрыло пылевое облако. «Муравей» засёк огневую точку, а снаряд «Тяпы» одним выстрелом разнёс половину дома.

— Уходим! Отделение, отступаем! — приказал Шнык.

О том, чтобы сдержать врага, не может быть и речи. Любое упорное сопротивление космические пехотинцы наматывают на гусеницы «Тяп». Остаётся одно — делать ноги. Чаг подхватил с пола последний «Дюбель» и сполз на первый этаж.

Шнык уже возле окна. На мгновение друг высунулся наружу и выпустил «Шуруп». Ну правильно, Чаг поднялся на ноги, чего там целиться.

К сожалению, смотаться по техническому туннелю не получится. Вислицкая улица упирается в площадь Ярпатьевский тупик. Хочешь, не хочешь, а придётся выбегать на улицу, благо площадь через дом. У выхода уже столпились остатки третьего отделения, пять новичков из Стратегического резерва.

— Из подствольников ставим «пыльцу» и уходим, — приказал Шнык. — По моей команде... Пли!

Чаг выстрелил из подствольника в потолок. Ещё пять гранат создали поперёк улицы огромной облако «пыльцы».

— Пошли! Живо! — Шнык буквально вытолкнул солдат на улицу.

На последнем «Дюбеле» Чаг торопливо откинул прицельное приспособление, ну не убегать же с десятикилограммовой бандурой за спиной?

— Давай, Непоседа, пошли! — Шнык выскочил на улицу.

На тротуаре Чаг на миг остановился и развернулся к ярко-фиолетовому облаку. Ни черта не видно, но, судя по звуку, «Тяпа» там.

Реактивная граната с рёвом ушла в ярко-фиолетовое марево. Попал, не попал — бог его знает. Напугал точно. Рядом о стену вжикнула пуля. Шнык уже делает ноги. Чаг развернулся и побежал.

Над головой пролетела граната. Это Шнык пальнул из-за угла из подствольника. Прикрывает, значит. Спину жгут холодные глаза беспощадных респов и тычет огромный ствол «Тяпы». Ох! Прибьют и не заметят. Наконец, выжимая остатки сил, Чаг завернул за угол.

— Все ушли? — Шнык едва успел отскочить в сторону.

— Нет, — ответил Чаг.

По Вислицкой улице громко топает солдат Народной армии.

— Давай! Жми! — Чаг затолкал в подствольник гранату и тут же выпустил её в сторону оседающего ярко-фиолетового облака. — А чёрт!

Блог жизнеобеспечения на спине отстающего разлетелся на куски. Одна пуля угодила в голову, ещё одна оторвала ногу. Так и не добежав до спасительного угла, солдат рухнул на проезжую часть.

— Непоседа, уходим! — Шнык дёрнул Чага за рукав.

Вечная память. Космические пехотинцы и грозные «Тяпа» в сорока метрах, а быстроногие респы ещё ближе. Не чуя ног, Чаг побежал прочь. Но тут возле входа на

Аварийную лестницу загрохотал «Защитник».

Ага! Чаг поддал газу. 12 миллиметровая пуля возьмёт и респа и броник. Но лучше не оглядываться.

— Непоседа, прыгаем! — на ходу выкрикнул Шнык.

Аварийный спуск сворачивает влево, нужно перескочить на другую сторону. Но там, под прикрытием бетонного блока, как раз стоит «Защитник».

— Давай! — скомандовал Шнык.

Друзья с разбегу перепрыгнули пулемёт. Чаг с грохотом приземлился на спину. Вот где акробатика в борге пригодилась.

Чаг вскочил на ноги и развернулся. Стоя на одном колене перед «Защитником», пулемётчик от души поливает Ярпатьевский тупик и Вислицкую улицу крупнокалиберными пулями. Пустые гильзы стекают звонким ручьём. Второй номер едва успевает подавать ленту.

Пулеметчикам пора уходит, Чаг вставил в подствольник гранату. Выбросив пустую ленту, «Защитник» умолк. Второй номер поднялся на ноги, а первый не успел.

Мощный взрыв вдребезги разнёс бетонный блок. Чага осыпало осколками. Первого номера вместе с пулемётом швырнуло через проход. Пулемётчик улетел в стометровый колодец.

— Жив? — Чаг подхватил под руку второго пулемётчика.

Боец не ответил, но тихо застонал. Жив! Чаг перехватил раненого под руку. На левом боку пулемётчика и руке протянулись кровавые полосы.

— Непоседа! Тащи его в тыл, а я ещё пошालю, — Шнык вытащил из разгрузки сразу несколько гранат.

— Держись, родной!

Стараясь не упасть, Чаг потащил раненого вниз по аварийной лестнице. За спиной Шнык щедро засыпает площадь гранатами — хоть какая-то преграда для респов.

Бросать раненых товарищей ни в коем случае нельзя. Но пулемётчик слабеет прямо на глазах. Медицинский гель худо-бедно прикрыл разрывы в борге, но без помощи медиков раненый всё равно очень скоро истечёт кровью. А до второго городского уровня ещё бежать и бежать. Аварийная лестница называется «лестницей», но на деле представляет пятиметровой ширины дорожку, свёрнутую в спираль и вставленную в шахту диаметром тридцать метров. Без ступенек оно, конечно, легче, но гораздо длиннее.

Выучка — великое дело. Бойцы Народной армии не драпают в панике, а организованно отступают. Позади грохочут выстрелы, значит Шнык и другие прикрывают отход.

Сверху градом сыплются пули. Чаг злорадно улыбнулся. Стальная дорожка предназначена для людей и лёгких машин. Ни БМП, ни тем более танк, она не выдержит. Очень скоро выяснится, насколько хорошо хвалёные пехотинцы умеют воевать без поддержки тяжёлой техники.

На встречу поднимается электрокар, грузовая платформа на колёсиках, вместо джойстика управления механический руль. Водитель с медицинской повязкой на рукаве лихо развернул электрокар перед Чагом.

— Ещё раненные есть? — спросил водитель.

— Не должны, — Чаг опустил раненого на платформу.

— Хорошо. «Шурупы» возьми!

О-о-о! То что доктор прописал. Чаг подхватил связку «Шурупов». Электрокар тут же

рванул с места.

Чаг быстро вытащил из связки «Шуруп» и откинул прицельное приспособление. Сверху, на фоне яркой лампочки, маячит космический пехотинец. Идиот перегнулся через край и самозабвенно палит из автомата.

Сам напросился. Чаг поймал пехотинца в прицел, но тот исчез. Не беда. Чаг опустил прицел чуть ниже и нажал на спусковую кнопку. Там, где стоял пехотинец, реактивная граната проделала большую дыру.

— Не трать зря, — рядом появился Шнык и подхватил второй «Шуруп».

— Ни разу. Строго по рецепту, — Чаг поднял последний «Шуруп».

Двумя витками ниже друзья остановились прикрыть товарищей по взводу. Едва мимо них пробежал последний солдат, как из-за порога выскочил «Муравей».

Классика. Кто кого! «Шурупы» ушли одновременно. Но электронная бестия в последний момент сиганула в сторону.

Двойной взрыв разорвал полотно аварийной лестницы. Чаг отбросил пустой контейнер и развернулся. С нижних витков грохочут выстрелы. Граната из подствольника разорвалась за спиной. Чаг и Шнык побежали по аварийной лестнице вниз, товарищи по взводу прикрывают их.

Борьба за жизнь превратилась в бег по спирали с паузами на стрельбу. Прикрывая друг друга, бойцы Народной армии отступают отседающего противника.

Последний виток и самое трудное. Чаг и Шнык остановились возле входа в туннель, последняя возможность прикрыть отступающих товарищей.

Секунда. Вторая. Третья! Нет никого. На уходящем вверх полотне аварийной лестницы по-прежнему пусто.

— Бежим! — крикнул Шнык.

Туннель на Нотную площадь на втором городском уровне короткий совсем, но его ещё нужно проскочить. Снова изматывающий бег, снова спину буравят холодные глаза «Муравья». Сзади бухнуло и загрохотали выстрелы. Чаг из последних сил вывалился на Нотную площадь.

Уйти с линии огня. Освободить место. Свои стрелять не будут. Чаг и Шнык сиганули в разные стороны. С Музыкальной улицы бухнула пушка. Сразу несколько дымных следов протянулись через Нотную площадь и ушли в туннель.

Тяжело дыша, как загнанная лошадь, Чаг добежал до первого дома на противоположной стороне улицы и разгону нырнул в окно. Хвала Великому Создателю! Чаг перевернулся на спину и ударился ногами о стену. Жив! Очередная гонка со смертью закончилась победой и самым ценным призом, какой только может быть — собственная жизнь.

Чаг перевернулся на живот и подполз обратно к окну. Противника не видно, но возле входа на Аварийную лестницу многочисленные разрывы подняли пыль столбом. Лёгкий напор воздуха затягивает серое облако в туннель.

Ха! Из-под пылевого прикрытия ни одна стальная или бронированная зараза так и не высунулась. Чаг смачно стукнул кулаком по подоконнику. Без поддержки с воздуха, без прикрытия танков и БМП, хваленные космические пехотинцы ни хрена не стоят! Дальше Нотной площади они не пройдут.

Это кошмар какой-то! Биал нервно сглотнул. Штурм города сам по себе самый трудный вид наступления, да ещё под землёй, без прикрытия из космоса. Что дальше? Расстрелять боеприпасы до последней пули и в рукопашную?

Штурмовая группа продвигается по Вислицкой улице в сторону Аварийной лестницы № 7. Два танка, словно всё сокрушающий таран, возглавляют группу. Респы бегут чуть впереди, а космические пехотинцы, как наиболее ценная и уязвимая часть, движутся под прикрытием «Тяп» вдоль домов.

Окна, окна, двери, и опять окна, окна. Биал вогнал в автомат полный магазин. Только успевай переводить прицел с одного окна на другое. По среди улицы то и дело вспыхивают облака ярко-фиолетовой дряни, сквозь которую то и дело пролетают реактивные гранаты. Примитив, конечно же, но убийственный примитив. Пара респов уже разлетелась на куски, а динамическая броня на башне головного «Тяпы» уже содрана.

В окне в доме напротив мелькнул силуэт. Биал тут же нажал на спусковой крючок. Десятки пуль в мгновение ока разнесли пустые окна в щепки. Вникать в подробности некогда.

Показалась? Биал глянул на индикатор зарядов: осталось 13 пуль — очень хороший знак.

На этот раз двадцать первый взвод назначили в штурмовую группу. Первое отделение наступает по левой стороне улицы, второе по правой. Третьего отделения больше нет: кто ранен, а кто вообще убит.

Приказ командования однозначен — захватить Аварийную лестницу № 7 и Нотную площадь на втором городском уровне. На этот раз никакого туннеля, так что подорвать аварийную лестницу как Автоспуск № 1 не получится. Только, Биал с ходу запустил в очередное подозрительное окно гранату из подствольника, сюда бы этих штабных умников.

По среди улицы выросло огромное ярко-фиолетовое облако. Респы смело нырнули в дымовую завесу. Следом въехали «Тяпы». Чем быстрее удастся проскочить это липкое марево, тем лучше. Биал, сдерживая дрожь, шагнул в ярко-фиолетовое облако.

Аборигены бегут как крысы, только не всем удаётся убежать. Респ на той стороне улицы выскочил из облака и длинной очередью срезал зазевавшегося аборигена. А впереди площадь Ярпатьяевский тупик.

— Берегись! — Биал отпрыгнул назад и чуть не сбил напарника с ног.

У входа на Аварийную лестницу грохочет крупнокалиберный пулемёт. Бегущий впереди респ выскочил из-за угла, тяжёлые пули тут же разобрали его на запчасти.

— Что там? — Шалфей помог подняться на ноги.

— «Защитник», мать его, за бетонным блоком.

— Подожди, сейчас «Тяпа» с ним разберётся.

Головной танк, ярко-фиолетовый от липкой дряни, выкатил на площадь. Крупнокалиберный пули с жалким визгом отлетают от лобовой брони. «Защитник» тут же умолк, только поздно.

Грохот выстрела ударил по ушам. Биал инстинктивно присел. Стоять рядом со стреляющим танком в чистом поле не лучшее занятие, а уж в тесноте подземелья и подавно. Ну сейчас аборигены получают, Биал шагнул вперёд.

— Подожди, — Шалей схватил за рукав броника. — Сейчас гранаты бросят.

Точно: под носом «Тяпы» грохнули огненные вспышки. Осколки срикошетили от стен и чиркнули по бронике.

— А вот теперь пора, — Шалфей отпустил руку.

Биал выскочил на площадь. В проход на Аварийную лестницу уже лезут респы. Это правильно — железо не жалко.

Аборигены драпают вниз на второй городской уровень. Но, чёрт побери, Биал остановился возле стены и выпустил длинную очередь, драпают умело, прикрывая друг друга, огрызаясь огнём и гранатами. Бегущие впереди респы то и дело замирают на месте, палят из обоих стволов и танцуют, увёртываясь от реактивных гранат.

Лучше держаться возле стены. Биал вставил в «Эмму» полный магазин. Пусть в колодце аварийной лестницы стрелять сверху вниз гораздо легче, но не менее опасно.

— Ты что делаешь? Идиот! — крикнул Биал.

Верт, рядовой из третьего отделения, перегнулся через металлические перила и лихо шпарит по убегающим вниз аборигенам.

— Не бойсь! — Верт перегнулся обратно и присел на одно колено. — Они у меня попляшут.

— Убирайся от туда! — рявкнул Биал.

Поздно. Металлический настил под Вертом взорвался огненным гейзером. Взрыв отбросил пехотинца к стене. Биал подскочил ближе. Поздно. Перед глазами, на забрале шлема, замигала чёрная надпись: «Убит». Кумулятивная струя прошла Верта от копчика до головы. На макушке шлема зияет чёрная дыра с выгнутыми наружу краями.

— Идиот! — в сердцах ругнулся Биал.

Аварийная лестница виток за витком уходит вниз. Время от времени попадаются дохлые аборигены. В одном месте Биал с ходу перемахнул через разрыв в стальном полотне. На предпоследнем витке респы накрыли разом четверых аборигенов. Наконец под ботинками загремел бетон, Биал добрался до второго городского уровня. Прямо туннель, выход с аварийной лестницы.

Впереди бегут парочка респов, Биал спешит за «Муравьями» со всех ног. Главное, не дать аборигенам закрепиться на новом рубеже обороны. Лишь бы успеть. Лишь бы. За спиной громко топает Шалфей и товарищи по отделению. Вот уже конец туннеля, круглая площадь и серые стены крайних домов.

Впереди ослепительно грохнул огненный круг. Биал дёрнулся влево и рухнул на асфальт. Свет померк. Перед выходом из туннеля выросло огромное облако пыли. Респов не видно и не слышно.

Опять выбивающий душу грохот.

Пушка! Биал затравленно обернулся. Точно пушка: пехотинцу, что бежал следом, крупно не повезло: снаряд снёс ему верхнюю часть тела и разорвался в колодце Аварийной лестницы. Ни рук, ни головы. И кто только сказал, будто порох безнадёжный пережиток прошлого?! Сюда бы этого умника.

Биал круто развернулся на месте и пополз назад.

— Двадцать первый взвод! Почему отступаем? Прекратить! — заверещал на канале связи лейтенант Божл.

— Тебя бы сюда, хрен моржовый! — взорвался Биал. — Здесь пушка! Хвала Создателю, аборигенам не хватило ума зарядить её картечью.

За спиной в третий раз грохнула пушка. По туннелю пронёсся воздушный смерч. Биал, бешено перебирая руками и ногами, ползёт в сторону выхода. Ни черта не видно! Мелкие камешки скребут по локтям и груди, а над головой свистят пули.

Прям в лицо ткнулся ствол, Биал испуганно отшатнулся. О-о-о чёрт! Это респ. Точнее то, что от него осталось. Биал смахнул раздолбанную голову в сторону. Да где же выход?

Перед глазами запульсировала жёлтая надпись: «Повреждение». Пули чиркают по бронику, как будто бьют кулаками по сине и ногам. «Серьёзные повреждения». Это конец? В отчаянье Биал дёрнулся вперёд.

Руки товарищей подхватили Биала и оттащили в сторону, подальше от туннеля.

— Ну, Ящер, триста лет жить будешь, — Шалфей прислонил Биала к стене. — Ты единственный, кто сумел выскочить на Нотную площадь и вернуться обратно.

Биал с тоской посмотрел на полотно Аварийной лестницы и товарищей по взводу. Стрельба на Нотной площади уже стихла. Поднятую взрывами пыль лёгкий напор воздуха вытягивает из туннеля и поднимает вверх по колодцу. Некогда образцовые броники космических пехотинцев покрыты пятнами ярко-фиолетовой дряни и бетонной пылью. Ещё один нелюбезный лик войны: от бывшего лоска не осталось и следа. Даже на самых тяжёлых учениях так не пачкались.

— Двадцать первый взвод, прекратить наступление, — по общему каналу связи пришёл приказ лейтенанта Божла. — Закрепиться на Аварийной лестнице № 7 и ждать дальнейших приказаний.

Приказ о прекращении наступления запоздал. Двадцать первый взвод, точнее то, что от него осталось, и так застрял на дне Аварийной лестницы № 7.

— Шалфей, — Биал посмотрел на напарника, — я, кажись, ротного к чёрту послал.

— Послал, — ухмыльнулся Шалфей. — Далеко и с лучшими пожеланиями. Нашего лейтенанта так ещё ни один рядовой не посылал.

— И что мне теперь будет?

— А ничего не будет, — заверил напарник. — На отдых на губе не надейся, не отправят. Нарисуют, для проформы, выговор и снова в бой отправят. Радуйся, дурилка: броник в ключья, а ты жив.

А, ведь, действительно, Биал с тоской глянул на заляпанные ярко-фиолетовой дрянью и пылью рукава броники. Без прикрытия из космоса, без «Тяп» и «Шельм» аборигены всыпали космическому десанту по самые помидоры.

Биал попытался встать, но руки и ноги только слабо дёрнулись. Страх, самый настоящий страх от пережитого ужаса холодным свинцом растёкся по рукам и ногам. Какую-то жалкую минуту тому назад довелось глянуть в бездну и, Биал покосился на обломки пары респов, бездна глянула в ответ. Всё что до этого было, поступление в Адаунское училище, первое десантирование с орбиты и даже захват Ярдуша — игра воображения, нежные цветочки на лесной полянке.

— Шалфей! — Биал схватил напарника за рукав и притянул к себе. — Ты понимаешь? Дальше этой проклятой лестницы мы не пройдем! Маленькой победоносной войны не будет. Аборигены уже заставили нас харкать кровью.

— Понимаю, понимаю, Ящер, — Шалфей мягко оторвал руку Биала. — Я понял это едва мы вступили на красный песок Свалки.

Глава 15. Контрпартизанская война

Лиرون Рекоу, присев на узкую койку в своей каюте, с преогромным наслаждением скинул с ног надоевшие ботинки-липучки и растянулся прямо на заправленном одеяле.

Гравитация — какое блаженство! Пусть всего половина от нормы, но всё лучше, чем вообще ничего. Как приятно ходить на своих двоих, ощущать вес собственного тела, а не шлёпать, словно муха по потолку, и не бояться ненароком набить синяки и шишки. Только во вращающемся кольце жилого модуля можно по-человечески прилечь на койку, поесть за столом и сходить в туалет. Правда, Рекоу улыбнулся, о своём первом посещении уборной в условиях нулевой гравитации лучше никому не рассказывать — засмеют.

Штурм столицы Финдос закончился полчаса тому назад. Хотя, какое там закончился — выдохнулся, провалился. Сам видел, как отметки двух респов на выходе из Аварийной лестницы № 7 окутались жёлтыми шариками огневого контакта и почернели. Следом за ними погасла отметка космического пехотинца. Десант дошёл до второго городского уровня и всё, словно лбом в стену.

Спокойным уверенным голосом генерал-лейтенант Солмар приказал прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах. Но... Рекоу перевернулся на левый бок. Сколько же седых волос появилось в короткой армейской причёске командующего десантом? Пережить самое первое в жизни поражение крайне нелегко.

А жаль. Рекоу тяжело вздохнул и закрыл глаза. Маленькой победоносной войны не будет. А ведь... до последнего надеялся на чудо. У адмирала Крилла благоразумия не хватило. Была одна надежда на самих аборигенов. Но... Жители Дайзен-2 оказали достойное сопротивление. На свою голову.

«Оказали врагу достойное сопротивление» — как же печально и нелепо звучит эта фраза. Рекоу перевернулся на другой бок. Даже до него, сугубо штатского человека, дошла простота и эффективность тактики сепаратистов. Аборигены и не думали выходить в чисто поле с развёрнутыми знамёнами под барабанную дробь ради одного единственного генерального сражения. Нет. Вместо этого они с самой первой минуты навязали космическому десанту партизанскую войну. А значит, Рекоу снова тяжело вздохнул, Первый ударный флот застрял над Свалкой очень и очень надолго. Но больше всего поразила реакция адмирала Крилла.

Когда генерал-лейтенант Солмар приказал десанту остановиться, адмирал Крилл словно окаменел. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он не стал ни нервно барабанить пальцами по подлокотнику кресла, ни в бешенстве стучать кулаком по тактическому столу и требовать продолжения наступления любой ценой. Нет. Вместо этого адмирал расстегнул ремни, воспарил над креслом и, с ловкостью цирковой обезьяны, покинул штаб. Просто так выплыл в раскрытую дверь не издав ни звука.

Рекоу перевернулся на спину. Как правительственному консультанту, гипотетически важной персоне, ему выделили персональную каюту. Пусть маленькую, четыре на четыре шага всего, зато без соседа над головой.

Одеяло такое мягкое, такое приятное на ощупь. Рекоу блаженно улыбнулся. Штурм Финдоса продолжался целый день. Адмирал Крилл не счёл нужным установить возле тактического стола ещё одно кресло для правительственного консультанта, вот и пришлось болтаться целый день, словно водоросль в заболоченном пруду. Чертовски устал. Нужно бы

расправить постель и лечь по-человечески, но... Внутренний голос мягко подсказывает: программа на сегодня ещё не исчерпана. Незаметно Рекоу задремал.

Противный писк вызова словно сверлит мозг изнутри.

— Связь разрешаю, — Рекоу присел на коечке.

На стене, на право от входа, загорелся маленький экран видеосвязи.

— Витус Рекоу, — заговорил штабной офицер, — через двадцать минут адмирал Крилл назначил совещание для командования флота.

— Благодарю вас, буду обязательно, — Рекоу обречённо кивнул.

— Конец связи.

Экран погас.

Ботинки-липучки словно груды ненужного хлама валяются на полу.

— Чёрт побери, — тихо ругнулся Рекоу.

Опять придётся их надевать. Рекоу взглянул на часы. Ого! Два часа ночи. Казалось бы, всего на минутку сомкнул глаза, а уже полтора часа пролетело. Да-а-а, немного ж времени потребовалось адмиралу Криллу, чтобы переварить крах маленькой победоносной войны. Впрочем, нужно спешить. Рекоу с кряхтением наклонился и подцепил левый ботинок. Для бывалого космонавта 20 минут прорва времени, но для отставного начальника тюрьмы, сугубо штатского человека, дорога до штаба флота целое путешествие.

Наконец, держась левой рукой за косяк, Рекоу переступил порог штаба. Как и следовало ожидать, совещание уже началось. На тактическом столе перед адмиралом Криллом голографическое изображение генерал-лейтенанта Солмара.

— Учитывая потери Первого и Третьего полков космического десанта, дальнейший штурм второго городского уровня Финдоса считаю нецелесообразным.

— Почему, генерал? — спросил адмирал Крилл.

— Без поддержки авиации и тяжёлой техники космическим пехотинцам приходится воевать с аборигенами на равных, а противника в разы больше. После каждого боя отряды сепаратистов тут же пополняются из специально подготовленного резерва. наших десантников заменить нечем.

— Хорошо, — адмирал Крилл коротко кивнул, изображение генерал-лейтенанта тут же пропало. — Разведка! Что у вас?

Рекоу протопал через штаб и остановился возле тактического стола. Адмирал Крилл сделал вид, будто и не заметил присутствие правительственного консультанта. Рядом с Рекоу приземлился капитан третьего ранга Дишан.

— Прежде всего окончательно и достоверно установлено, что все без исключения вскрытые и уничтоженные наземные форты являются ложными объектами, — заговорил главный разведчик флота. — Анализ боевых столкновений показал, что сепаратисты сознательно ограничили зону активных боевых действий Северным плоскогорьем. По этой причине они эвакуировали все без исключения населённые пункты на Северном плоскогорье и прилегающих к нему горах кратера Финдос. На остальной территории кратера Финдос вооружённого сопротивления оказано не было. Все без исключения населённые пункты сдались без боя.

Судя по сообщениям гражданского населения и допросу пленных, под Северным плоскогорьем находится главная подземная крепость сепаратистов под названием Арфан. Где именно находится Арфан и что именно представляет из себя — установить не удалось. Но логично предположить, что так называемое Независимое правительство находится

именно там, откуда и осуществляет руководство всеми вооружёнными группами.

Общий вывод неутешительный: космическому десанту не удалось разгромить основные силы сепаратистов, или хотя бы нанести им существенный урон. Как уже отметил генерал-лейтенант Солмар, после каждого боя отряды сепаратистов тут же пополняются до штатной численности. Размер подготовленного резерва установить не удалось. Это всё.

— Хорошо, вы свободны, — коротко кивнул адмирал Крилл.

На двух больших экранах над головами штабных офицеров «присутствуют» контр-адмирал Нинчан, капитан линкора «Ингар», генерал-лейтенант Солмар, а так же капитаны фрегатов и транспортников. Адмирал созвал на совещание всех высших офицеров флота, но физически в штабе флота присутствуют только двое: адмирал Крилл и сам Рекоу. Остальные офицеры находятся на мостиках своих кораблей. Даже контр-адмирал Нинчан, которому от мостика «Ингара» до штаба флота всего-то нужно пройти пару десятков метров.

— И так, уважаемые, — многозначительно заговорил адмирал Крилл. — Нужно признать: крупномасштабная войсковая операция по подавлению бунта в колонии Дайзен-2 провалилась. Местных жителей не испугал ни Первый ударный флот, ни Первая космическая дивизия.

Рекоу сохранил на лице деловое выражение, не зря много лет довелось проработать начальником тюрьмы. Всего то: операция на Свалке провалилась, десантники потерпели сокрушительное поражение, а первого батальона больше нет. Однако адмирал Крилл ведёт себя так, будто у космических пехотинцев кончились холостые патроны и они были вынуждены вернуться в базовый лагерь.

Рекоу покосился на командующего десантом. Генерал-лейтенант Солмар едва заметно кивает. Лицо сосредоточенное и серьёзное, но... генерал рад, очень рад. Больше всего он боялся услышать от командующего флотом приказ о продолжении штурма Финдоса.

— Сепаратисты перешли к партизанским методам ведения войны, — между тем продолжает адмирал Крилл. — Следовательно, нам нужно перейти к полноценной контрпартизанской войне, выследить отряды сепаратистов и уничтожить их.

В первую очередь нам необходимо лишить их самой главной опоры — поддержки гражданского населения. Без постоянной подпитки продовольствием, боеприпасами и рекрутами вооружённые банды аборигенов будут либо уничтожены, либо сдадутся в плен. Для чего нам крайне важно взять под полный контроль население захваченных поселений и как можно быстрее привлечь его на свою сторону.

Адмирал Крилл сладко вещает, словно паук плетёт липкую паутину слов. Рекоу с трудом сдерживает себя. Не дай бог зевнуть или, не приведи Великий Создатель, поморщиться от отвращения. А так хочется.

Не нужно иметь семи пятей во лбу, чтобы под словесной паутиной разглядеть голую правду — Первый ударный флот проиграл войну. Упорство адмирала Крилла не заставит аборигенов выбросить белый флаг и сдаться на милость победителя. Рекоу скользнул взглядом по сосредоточенным лицам высших офицеров. Неужели никто из них не понимает эту простую и очевидную истину? Или не хотят понимать?

— Адмирал! — от резкого возгласа генерал-лейтенанта Солмара словесная паутина командующего флотом испарилась, как утренний туман на рассвете. — Контрпартизанская война может растянуться на годы. Мы можем быстро и эффективно уничтожить колонию. Взорвать города, заводы, не оставить камня на камне в кратере Финдос. Но для того, чтобы утихомирить аборигенов у нас нет ни требуемых ресурсов, ни достаточного количества

людей. Мы солдаты, а не полицейские.

О-о-о! Рекоу улыбнулся. Среди высших офицеров не одни дураки. Это радует.

— Генерал! — грозно загрохотал адмирал Крилл. — В программу подготовки космических десантников входит изучение приёмов и методов ведения контрпартизанской войны?

— Да, — генерал-лейтенант Солмар с трудом выжал из себя ответ.

— Космических пехотинцев учили патрулировать местность, обыскивать подозреваемых и допрашивать пленных?

— Да.

Лицо командующего десантом напряглось, а губы плотно сжались. Генерал-лейтенанту очень хочется оторвать самому себе язык.

— Так в чём же проблема, уважаемый? Действуйте!

Последняя фраза словно удар ниже пояса.

— Есть, — нехотя ответил генерал-лейтенант Солмар.

— Вопросы, будут? — спросил адмирал Крилл.

Совещание практически закончилось. Командующий флотом не желает слышать ни возражений, ни комментариев, но спросить для проформы обязан.

— Да, будут, — Рекоу, словно ученик начального класса, поднял руку.

— Слушаю, — произнёс адмирал Крилл.

— Если я правильно понял, для контроля над местным населением в захваченных поселениях потребуется воссоздать местную администрацию, в том числе и полицию?

— Естественно. Возможности флота не безграничны. Необходимо как можно быстрее наладить в поселениях нормальную жизнь и запустить местное производство, — охотно ответил адмирал Крилл.

— Полностью с вами согласен. Но! — Рекоу пристально глянул на адмирала. — Предупреждаю и заклинаю: не берите в местную администрацию, и тем паче в полицию, бывших заключённых. То есть пресловутых эмигрантов третьей категории. Тех, кто уже отмотал свой срок, вышел на свободу и осел среди местного населения.

— Почему? — адмирал Крилл удивлённо поднял брови.

Командующий флотом сама наивность. Для него все жители Свалки на одно лицо. Рекоу обоими руками ухватился за край тактического стола. Господи! Лишь бы не сорваться.

— Эмигранты третьей категории очень, очень не любят местных. В иерархии Дайзен-2 бывшие заключённые стоят на самой низкой ступеньке. Если бывших уголовников обличить властью и выдать оружие, то первым делом они начнут мстить и сводить старые счёты. И тогда все усилия местной администрации улетят коту под хвост. О сотрудничестве с местным населением, не говоря уже о его поддержке или хотя бы лояльности, можно забыть сразу и навсегда.

Крайне важное предупреждение адмирал Крилл воспринял с отсутствующим видом. Он был бы только рад, если бы аборигены перегрызли бы друг другу глотки.

— Хорошо, — наконец произнёс адмирал Крилл. — Мы постараемся учесть ваше замечание.

От бессилия Рекоу опустил плечи. Чего и следовало ожидать.

— Внимание! Срочное сообщение, — громогласно заговорил штабной офицер. — Противник атаковал Базовый лагерь возле Главных ворот столицы Финдос.

На тактическом столе тут же возникла трёхмерная карта Базового лагеря возле

подножья Лакмары. В центре, на широкой площадке возле Главных ворот, идеальным кругом возвышаются полевые укрепления. Синие столбики, овалы, параллелепипеды и треугольники торопливо рассредоточиваются по периметру лагеря. Склон Лакмары усеян красными точками. Над Базовым лагерем то и дело вспыхивают жёлтые шарики огневого контакта.

Сколько же нападающих! Рекоу молча поразился. Пользуясь темнотой, аборигены устроили крупномасштабную атаку на Базовый лагерь. Пока пехота подбирается к внешнему периметру, огромное количество миномётов со склона Лакмары засыпает Базовый лагерь градом мин.

Глава 16. Большой бабах

— Держи, — главный механик с грохотом поставил на стол пластиковый ящик с гранатами для подствольного гранатомёта. — Вооружайся.

— Благодарю, — ответил Биал.

Магазины для автомата и ручные гранаты уже рассованы по многочисленным карманам разгрузки. Очищенная от пыли и ярко-фиолетовой дряни «Эмма Импульс 2М» убрана в зажим на спине. Как раз гранат для подствольника не хватало.

Биал, откинув крышку, принялся доставать из ящика чёрные цилиндрики с закруглёнными концами и распахивать их по специальным кармашкам на разгрузке. Новенький только что со склада броник немного жмёт. Биал пошевелил плечами. Или кажется, что жмёт. Что поделаешь: обновка ещё не стала родной, не успела превратиться во вторую кожу.

Прежний броник кучей хлама лежит на стальном верстаке. Руки, ноги и особенно спина с блоком жизнеобеспечения сплошь исполосованы многочисленными осколками и пулями. Даже козе понятно: восстановлению бронескафандр не подлежит.

Радоваться бы надо — жив остался. Однако, Биал хмуро оглядел модуль технической помощи, на душе противно и муторно. Это же чужой модуль. Старший механик, коренастый дядька с большими и сильными руками, то же чужой. Угораздило же попасть не в чужую роту или батальона, а в чужой полк. И этот Базовый лагерь возле столицы Свалки, и этот старший механик принадлежат первому батальону Первого полка, который навсегда сгинул в глубинах Финдоса.

Но! Как бы то ни было, а повреждённый броник нужно было сменить. Вот Биала и отправили в ближайший пункт технической помощи, в Базовый лагерь уничтоженного батальона. Без лишних слов и вопросов старший механик выдал новый броник, помог подогнать его по фигуре и даже снабдил боеприпасами, но... вызывающе молчит и пытается не смотреть в глаза. Как знать, может быть он считает рядового Биала Ришата лично виновным в том, что первый батальон так и не удалось выручить из глубин Свалки.

— Благодарю, — Биал захлопнул крышку ящика.

— Бывай, — буркнул старший механик и демонстративно отвернулся.

Печальное зрелище, лучше поскорей убраться. Но тут над головой загрохотали взрывы. Биал с удивлением уставился в потолок.

— Внимание! Боевая тревога. Боевая тревога, — ожил канал связи. — Базовый лагерь атакуют. Личному составу занять места согласно боевому расписанию. Внимание!

Сообщение пошло на второй круг, но старший механик уже сорвался с места и, едва не сбив Биала с ног, промчался на выход.

Проклятье! Биал в растерянности замер посреди пустого модуля техпомощи. Куда бежать? Родной двадцать первый взвод остался в Финдосе. А, впрочем, Биал выбежал из модуля техпомощи.

О чёрт! Вроде старик, а бежит как кролик! Биал, маневрируя на поворотах, бежит по ходам сообщения вслед за старшим механиком. Любое действие лучше бездействия. Снаружи темно, автоматика броники включила ночное зрение, мир окрасился в чёрно-белый цвет.

Базовый лагерь стоит на ухах. Из походных казарм, столовых и ангаров выскакивают

космические пехотинцы. На очередном повороте Биал едва не столкнулся с «Муравьём». К счастью, респ вовремя отпрыгнул в сторону. Ночное небо над головой то и дело прорезают лазерные лучи. Мобильные зенитные установки «держат небо». В высоте то и дело вспыхивают огненные шары, грохочут взрывы, а на землю со свистом падают осколки.

Вот и внешний периметр. Ход сообщения вывел прямо на подготовленные позиции. Биал сходу ткнулся грудью в стену окопа. Во дела! Склон Лакмары сверкает, словно новогодняя ёлка. Многочисленные миномёты изрыгают столбы пламени. Со свистом падают мины. Что ни говори, а зенитки Базового лагеря чертовски хороши.

— Господи! Да их тут не меньше сотни! — воскликнул Биал.

— И когда только успели понаделать? — зло бросил старший механик.

Оказывается он рядом.

— Ящер, — Биал протянул руку.

— Боря, — старший механик ответил на рукопожатие.

Ну вот и познакомились. Если не имеет смысла пробиваться к своему взводу, значит нужно примкнуть к гарнизону Базового лагеря. Заодно не помещает обзавестись напарником.

Биал вывел на забрало тактическую карту. С севера, то есть как раз перед фронтом, со склона Лакмары бьют многочисленные миномёты. Через чур многочисленные. Аборигенов пока не видно, но неужели они пойдут прямо по минам? Подступы к периметру Базового лагеря прикрыты сплошными минными полями.

По земле с оглушительным грохотом проскочили огненные росчерки. Взрывная волна подняла тучи пески и пыли. Понятно. Биал опёрся локтями о берму и приготовил автомат к стрельбе. Сосредоточенными зарядами аборигены проббили в минных полях проходы, значит вот-вот пойдут в атаку. Но... Где же они?

Биал сощурил глаза, автоматика броника тут же приблизила оседающее облако пыли. Даже в потёмках можно разглядеть пропаханные полосы и вывернутые из земли мины. Но... Противник? Где? Ни одного силуэта или хотя бы тени.

— Внимание! — ожил общий канал связи. — четырнадцатый взвод. Минные поля отключены. В атаку! В атаку!

— Ящер, это нам, — Боря ловко выбрался из окопа.

Первыми из укрытий выпрыгнули респы. Слева и справа поднялись космические пехотинцы. Из глубины Базового лагеря «Шельмы» и «Тяпы» открыли заградительный огонь. Возле края минного поля земля встала дыбом.

Вот как воевать надо! Биал с огромным воодушевлением выбрался из окопа. Впереди, оттягивая на себя огонь противника, скачут «Муравьи», в тылу танки и БМП ставят перед наступающей пехотой огненный вал. Аборигенам крышка.

Через триста метров земля пошла сплошными воронками. Бронетехника перенесла огонь на склоны Лакмары. Под ногами то и дело попадают круглые мины. Да где же аборигены? Неужели опять драпают?

Ровная площадка упёрлась в склон Лакмары. Огненные вспышки всё ближе и ближе. Не обращая внимания на стремительную контратаку, аборигены всё так же шпалят из миномётов. Биал, приседая на колени, лупит из автомата на огненные вспышки. Благо «Эммы» космического десанта стреляют хоть и громко, но без выброса пламени.

Перепрыгнув очередной камень, Биал заметил прямо перед собой гранатомёт. Из трубы на сошках с грохотом вылетел снап пламени. Биал тут же упал на землю и принялся щедро

поливать вражеский расчёт длинными очередями.

Не понял? Биал с удивлением уставился на нули в индикаторе зарядов. Менее чем за минуту выпустил по аборигенам целый магазин, а они ноль внимания. Гранатомёт с точностью атомных часов продолжает вести огонь по Базовому лагерю. Биал перезарядил автомат и подошёл ближе.

Ну дела! Да это... и не гранатомёт вовсе. Прimitивная пиротехника. Возле трубы с сошками и в помине никого нет. Вспышки пламени с интервалом в три секунды имитируют миномётный обстрел.

Биал тут же отпрыгнул от лже-миномёта в сторону. Вовремя! Султан взрыва накрыл обманку. Не важно кто и откуда, лже-миномёт засекали и накрыли одним точным выстрелом. Но сколько ещё вокруг этих самых обманок? Чертыхаясь, Биал побежал дальше.

Боря, старший механик первого батальона, потерялся во всеобщей кутерьме. Биал, разбираясь с липовым миномётом, отстал от волны атакующих. Впереди мелькает чей-то силуэт. Автоматика броника тут же подчеркнула его зелёным контуром. Свои. Боря?

Но тут под ногами космического пехотинца земля вспучилась с громким хлопком. Десантника отбросило на пару метров.

— Осторожно! Мины! — по общему каналу связи проскочило запоздалое предупреждение. — Мины! Мины! Внимание! Склон заминирован.

Биал так и замер на месте. Пусть автоматика броника «видит» в темноте, но инфракрасные лучи не могут отличить лежащие на камнях тонкие диски мин от обычных камней. Биал включил фонарь. Наверняка аборигены набросали тут самых примитивных контактных мир. И как только сами не подорвались?

— Держись, братан! — Биал, подсвечивая под ноги, подбежал к упавшему десантнику.

Сигнал жизнедеятельности мигает красным. Да и без него видно, что у пехотинца оторвана ступня. Отвоевался, значит.

— Что случилось? — раненный попытался встать на ноги.

Пехотинец в сознании, но в шоке и ничего не понимает.

— Не вставай, не нужно! Тебя задело, — Биал усадил раненого обратно на землю.

— Как это ранило? — пехотинец вновь попытался встать.

— Сиди т не дёргайся, — Биал удержал его на месте.

Раненый ничего не чувствует. Медблок броника впрыснул ему обезболивающее и успокаивающее. Кровь не течёт, псевдомускулатура броника надёжно пережала артерии и вены. В принципе, ему ничего не грозит. Очень скоро его подберут медики.

— Не высывайся, — напоследок приказал Биал.

Но, едва Биал отбежал от раненого на пару метров, как вновь ожил общий канал связи.

— Внимание! Четырнадцатый взвод! Прекратить наступление. Прекратить. Личному составу вернуться в Базовый лагерь для перегруппировки. На первом городском уровне Финдоса идёт бой.

Понятно, Биал развернулся на месте. Противника просто нет. На склоне Лакмары аборигены отвлекали внимание. Нужно признать: очень хорошо отвлекали. Пошумели, поугадили дешёвой пиротехникой, а сами предприняли вылазку в глубинах города. Вот где развернулся настоящий бой. Биал побежал вниз по склону. Война продолжается. На встречу попались два десантника с красными крестами медиков на рукавах.

Словно секретные ходы, технические туннели пронизывают первый городской уровень Финдоса из конца в конец. По ним можно пробраться откуда угодно куда угодно. Вот, только, Чаг опять припечатался шлемом о незамеченную в потёмках трубу, они не очень приспособлены для скрытого перемещения в боргах.

— Тихо там, — донёсся грозный окрик Шныка. — Не шуметь.

— Стараюсь, командир, — ответил Чаг.

Третье отделение пробирается где-то под Проспектом первопроходцев. Чаг старается идти ровно, но руки и ноги то и дело шаркают о стены, а голова задевает потолок. Да и как тут не шаркать, когда и без того узкий технический туннель забит трубами и электрическими кабелями в руку толщиной. В довершении бед на спине болтается связка «Дюбелей» по десять кило каждый.

За пределами Лакмары командование планирует устроить большой бабах. Не помещает заодно пощипать сидящих в городе пехотинцев. Пусть не думают, будто они целиком и полностью контролируют первый городской уровень.

Наконец Шнык вывел отделение на исходную позицию. Чаг с превеликим удовольствием выбрался из технического туннеля на «свежий воздух».

— По аккуратней. Не вздумайте в окнах светиться. Заметят, — предупредил Шнык.

Отделение засело в очередном ничем не примечательном доме на Проспекте первопроходцев между Оптовой и Ладицкой улицами. На первый взгляд большая комната на первом этаже выглядит не тронутой. Но, Чаг пригляделся повнимательней, на полу чёрное пятно, а на стенах и потолке множество мелких выбоин. Не иначе во время зачистки десантники закинули в комнату гранату.

Светиться в окнах Шнык запретил, но если очень нужно, то выглянуть всё же можно. Чаг вытащил из кармана круглое зеркальце на палочке и плавно, стараясь не делать резких движений, поднял его чуть выше подоконника.

В маленьком кружочке отражается перекрёсток Проспекта первопроходцев и Оптовой улицы. В двух угловых зданиях напротив засели космические пехотинцы. В тёмных окнах время от времени мелькают тёмно-красные силуэты. Возле входных дверей, словно скульптуры, замерли «Муравьи».

Десантники не дураки. Пусть они физически не могут контролировать весь первый городской уровень, но у них всё же хватило ума создать сеть опорных пунктов на стратегически важных перекрёстках. Как раз такой опорный пункт находится на пересечении Проспекта первопроходцев и Оптовой улицы.

— Непоседа, что там? — рядом присел Шнык.

— Сидят, миленькие, даже носа не кажут, — ответил Чаг.

— Ну и пусть сидят. Не долго им осталось.

Было бы лучше залечь в засаду в одном из двух свободных зданий на углах перекрёстка, но... Наверняка десантники наштиговали их минами. Лучше не рисковать.

Сейчас начнётся! Сердце забило чаще, а по спине пробежал холодок. К этому невозможно привыкнуть. Чаг повернул зеркальце. В маленьком кружочке отразился Проспект и Площадь пионеров. Центр Финдоса космические пехотинцы превратили в самый настоящий форт. Лезь туда натуральное самоубийство, да и незачем.

— Отделение, приготовиться, — тихо произнёс Шнык.

По цепочке от солдата к солдату приказ командира разошёлся по отделению. Чаг подтащил «Дюбель» по ближе и заранее откинул прицельное приспособление. Ожидание изматывает больше всего. В бою, оно, как-то легче. Думать некогда, только успевай стрелять и увёртываться. А когда сидишь в засаде, да ещё под носом у противника, в голову лезут дурные мысли. Чем ближе час иск, тем больше потеют ладони, а колени предательски трясутся.

Со стороны Входной площади, словно отдалённый гром, долетел гул. Началось! Чаг облегчённо выдохнул. Со склонов Лакмары миномёты обрабатывают Базовый лагерь пехотинцев недалеко от Главных ворот. Осталось выяснить: как именно отреагирует противник? Как нужно, или нет?

Чаг покачал на руке штурмовую гранату «Дюбель». Пусть стрелять из «Шурупов» легче и приятней, зато «Дюбель» злее и мощнее. Ведь именно такими гранатами были подбиты «Тяпы» на Проспекте первопроходцев. Как жаль, что противник вытащил наружу остовы подбитых танков — отличная была затычка поперёк Проспекта.

Шум боя снаружи нарастает. К гулу многочисленных взрывов прибавилась едва заметная дрожь земли. Не иначе десантники открыли ответный огонь. Ну да: на поверхности, в чистом поле, «Тяпы» страшная сила. Но как же отреагирует противник здесь, в подземной городе?

От волнения трясутся руки, Чаг едва не обронил маленькое зеркальце. Для первого самого важного и результативного залпа больше всего подходит второй этаж. Когда находишься над противником, то невольно чувствуешь себя уверенней, но только не в этот раз.

В маленьком зеркальце отразились яркие пятна света.

— Идут. Идут, — от возбуждения Чаг едва не подпрыгнул на месте.

— Отлично, — Шнык сама серьёзность. — Отделение, приготовиться.

Вдалеке, с Вислицкой улицы, с рёвом выкатился танк. Фары слепят глаза, Чаг сощурился. Яркие круги света забивают картинку белым туманом, но... всё же можно разглядеть, как за головным «Тяпой» катит целая колонна бронетехники. Рядом с гусеницами танков и широкими колёсами боевых машин семят «Муравьи».

— Противник приближается, — тихо, пугаясь собственного голоса, произнёс Чаг.

— Отделение, по головному танку, сразу после моего выстрела, приготовиться, — Шнык закинул на плечо «Шуруп» с ярко-фиолетовой полоской на пусковом контейнере.

Чаг снова выглянул наружу через маленькое зеркальце. Противник быстро приближается. Напряжение нарастает. Головной «Тяпа» растёт прямо на глазах. К завыванию мощных движков добавилась вибрация. Покинутый дом трясётся, словно его объял ужас. Мелкие камешки разбежались по полу в разные стороны.

— Понеслась! — Шнык быстро выглянул в окно и пустил «Шуруп».

С грохотом выстрела комната наполнилась серым облаком противомассы. Чаг тут же выглянул в окно. Головной «Тяпа» укутан «пыльцой» по самую башню. Со столь близкого расстояния промахнуться невозможно. Чаг навел прицел на ярко-фиолетовое облако и нажал на пусковую кнопку.

Пустой контейнер в сторону, Чаг подхватил второй «Дюбель». Вслед за командиром бойцы отделения разом выпустили реактивные гранаты. Комната под завязку заполнилась противомассой. Секунды на вес золота, Чаг снова выглянул наружу.

Из ярко-фиолетового облака показалась морда «Тяпы». Но, качнувшись всем корпусом, танк остановился. Зато слева от него вспыхнуло второе ярко-фиолетовое облако. Чаг тут же поймал его в прицел и выпустил второй «Дюбель».

То, что надо! Штурмовая граната едва успела нырнуть в «пыльцу», как из ярко-фиолетового облака выскочила «Шельма». На лобовой броне чёрное пятно, «Дюбель» угодил точно под башню 30 миллиметровой пушки. Боевая машина рванулась вперёд, но, словно пьяная, с разворота врезалась в стену дома напротив.

Попал! Сто пудов попал! Чаг отпрыгнул в глубь комнаты. Вовремя! По стене забарабанили пули.

— Отделение, отступаем! — выкрикнул Шнык.

На улице ухнул выстрел. Над головой раздался взрыв. Чаг инстинктивно прижался к полу. Как хорошо, что не стали занимать второй этаж.

В двери с грохотом появилась большая дыра. Сквозь пролом в комнату заглянул «Муравей». Быстро, гады, сообразили. Чаг откатился в сторону.

Двойная очередь перечеркнула ближайшего бойца. Час перевернулся на живот и открыл огонь.

«Надежда» отличный автомат, но супротив РСПП слабоват. Пули, высекая искры, отлетают от брони роботизированной системы, однако «Муравей» предпочёл обратиться с линии огня. Ну ничего, есть средство и по мощнее. Чаг вытащил из разгрузки гранату.

— Граната! — Чаг кинул гранату в дыру в двери.

Граната пугает «Муравья» ещё больше. Ой зря! Взрыв сорвал хлипкую дверь с петель.

— Гранаты! — Шнык забросил в прихожу сразу две гранаты.

Между тем четвёрка солдат проскользнула мимо Чага в сторону кухни. Там, за сдвинутой в сторону плитой, вход в технический туннель, единственный путь к спасению.

Оглушающий грохот. Чаг прижался к полу. Серое облако пыли и град осколков накрыли с головой. В ушах звон, словно кузнец долбанул по шлему кувалдой.

В наружной стене появилась большая дыра. «Шельма» постаралась. Чаг приподнялся на руках. Будь «Тяпа» со своей 120 миллиметровой дурой, убил бы к чёртовой матери.

В дальнем углу комнаты разорвалась граната. Из прихожей вновь показался «Муравей». Десантники близко. Чаг, не целясь, пальнул по респу из подствольника.

— Непоседа! Уходи!

Шнык уже на кухне. Была не была! Чаг вскочил на ноги и рванул к спасительному выходу.

— А чёрт!!!

Едва переступив порог, Чаг поскользнулся и с разгону брякнулся на пол. По среди прохода убитый товарищ по отделению. 15 миллиметровые пули продырявили блок жизнеобеспечения насквозь. Свежая кровь огромной лужей растеклась по кафельным плиткам.

Размазывая чужую кровь, Чаг дополз до дыры в технический туннель. В кухню, через распахнутую дверь, с визгом залетают крупнокалиберные пули. Ещё одна граната закатилась под холодильник. Стальной ящик подпрыгнул на месте и врезался в потолок. Из последних сил, головой вниз, Чаг нырнул в технический туннель.

Бетонный пол ударил по плечам. Больно то как! Едва шею не свернул. С размаху Чаг задел кого-то ногами.

— Непоседа! Ранен?! — сверху склонился Шнык.

— Нет! Не моя кровь, — Чаг попытался встать на ноги.

В кухне над головой разорвалась ещё одна гранат. Десантники наступают на пятки.

— Идти можешь? — Шнык вытащил из разгрузки гранату.

— Вполне, — Чаг поднялся на ноги.

— Отлично! — Шнык выбросил гранату наружу. — Тогда бежим!

Остаётся надеяться, что космические пехотинцы не рискнуть сунуться в темноту технического туннеля.

О господи, хорошо то как! Бежать без тяжелых «Дюбелей» за спиной одно сплошное удовольствие. Пригнувшись, Чаг со всех ног следует за другом. Трубы и кабеля чиркают по боргу, но, слава Великому Создатели, не могут порвать прочную ткань.

Как бы то ни было, Народная армия самообороны Дайзен-2 одержала очередную победу. Как напутствовал витус Тонк, глава Независимого правительства, задача каждого бойца и Народной армии в целом постоянно, и днём и ночью, беспокоить противника. Не давать космическим пехотинцам возможности спокойно ни спать, ни есть. Постоянно тревожить противника — главная заповедь полноценной партизанской войны.

Пока всё идет по плану. Космические пехотинцы воюют так, как ожидалось. А значит Первый ударный точно так же уберётся домой не солоно хлебавши, как и Первый крейсерский четыре местных года тому назад.

Глава 17. Взять под контроль

— Идиоты!!! Козлы!!! Лузеры!!! — сержант Чолнар что есть дури пнул письменный стол.

Главный атрибут бюрократа аж подпрыгнул.

— Бараны!!! Дебилы!!! Что б вас!!!

В душе клокочет ярость. Ярость и злость на этот забытый богом Бацел, а также на высшее командование флота. Старый покрытый пылью письменный стол отчаянно скрепит, стучит дверцами, брякает выдвижными ящиками, но держится.

— Чтоб вам пусто было! — Чолнар с размаху двинул кулаком по столу.

Столешница прогнулась, красивая лакировка пошла трещинами, но выдержала. Чолнар перевёл дух. Сильные эмоции подобны пороху — ярко вспыхивают, но быстро сгорают. Не зря психологи советуют не держать гнев в себе, а дать ему возможность выйти наружу. Ох не зря. Чолнар, тяжело дыша, взгромоздился на покорёженный стол.

Подчиняться приказам сверху не сахар. Всякие бывали: и глупые, и откровенно идиотские, непонятные, смешные даже. Но приказ, который пришёл сегодня утром — побил все рекорды.

Выпускать пар — давняя и очень полезная привычка. Сержант Чолнар спустился в разгромленную аппаратную и дал волю чувствам. Старый письменный стол доблестно перенёс побои. Только помялся малость, да столешница из некогда ровной стала похожа на поверхность Свалка — сплошь в кратерах. Зато злость отпустила, а ярость поостыла. Чолнар поднялся на ноги.

Как бы то ни было, а приказ придётся выполнять. Чолнар вышел в коридор. «Эмма» и разгрузка с боеприпасами аккуратно сложены на полу возле стены. Нельзя же просто так оставлять, Чолнар подобрал оружие и амуницию, хоть специальный сейф заводи.

— Отделение! Внимание! — Чолнар включил общий канал связи. — Личному составу, свободному от нарядов и караула, собраться в кабинете мэра. Срочно!

Чолнар, едва произнеся последнее слово, вырубил связь. Отвечать на недоумённые вопросы подчинённых страсть как не хочется. А, впрочем, всё равно придётся.

Космические пехотинцы народ дисциплинированный. Не прошло и пяти минут, как в кабинете мэра за длинный столом расселось ровно десять человек. Ещё двое бойцов несут караул, то есть сидят в «Шельме» и контролируют Центральную площадь Бацела. Что творится на окраинах города — ведаёт один Великий Создатель.

Чолнар, даже не пытаясь выглядеть спокойным и сосредоточенным, окинул взглядом своё воинство. Вот уже третий день, как третье отделение двадцать пятого взвода сидит в Бацеле, однако пехотинцы по-прежнему ходят в брониках и не снимают их даже на ночь. Да чего уж там! Чолнар и сам предпочитает не расставаться с бронёй даже в пределах мэрии, которая, стараниями подчинённых, превращена в опорный пункт, в маленький форт на вражеской территории.

Господи! Как не хочется говорить. А придётся.

— Сегодня ночью, — едва не хрипя от натуги, заговорил Чолнар, — Командование Первого ударного флота приняло решение развернуть на Дайзен-2..., - Чолнар с трудом сглотнул, — Полномасштабную контрпартизанскую войну. Третьему отделению двадцать пятого взвода приказано остаться в Бацеле в качестве гарнизона. Меня лично назначили

комендантом Бацела.

Чолнар с тревогой окинул подчинённых взглядом. Первая реакция такая, как и следовало ожидать: удивление и непонимание.

— Наши задачи: взять под контроль местное население, то есть переписать его и выдать хоть какие-нибудь удостоверения личности; сформировать местную администрацию; раскрыть и ликвидировать движение сопротивления. Отдельно и особо от нас требуют не допускать контактов между местным населением и партизанами. Другая не менее важная задача — запустить в работу фосфорный рудник и завод по переработке руды.

Это бред какой-то! Чолнар тяжело опустился в кресло. Всего-то и делов: двенадцать человек против шести тысяч, или один космический пехотинец на пять сотен аборигенов.

Подчинённые встретили приказ командования гробовым молчанием. Только удивлённо поглядывают друг на друга и пожимают плечами.

— Командир? — рядовой Суран, словно школьник в классе, поднял руку. — Это что? Шутка такая?

— Ты видишь на мне клоунский колпак и намалёванную до ушей улыбку? — Чолнар печально глянул на подчинённого.

— Нет, — осторожно, словно ожидая подвоха, ответил Суслик.

— Вот и я не вижу ничего смешного.

Господи! Жалкое зрелище: подчинённые, космические пехотинцы, профессиональные солдаты, крутые мужики в конце концов, понурили головы.

— Шатун, — Чолнар перевёл взгляд на младшего сержанта, — Что там аборигены нам в наследство оставили?

— Ничего, — Шатун развёл руками. — Мэрия разграблена полностью. Аборигены унесли всё мало-мальски ценное, начиная с электронных рабочих столов и вплоть до туалетной бумаги.

— Информацию по населению, какие-нибудь бумаги, бланки, хоть что-нибудь осталось?

— Ничего. Никаких списков, архивов, абсолютно ничего. Я специально пытался найти хоть что-нибудь. Из принципа. Даже в мусоросборнике покопался — голяк полнейший. Как я понимаю, аборигены не просто разграбили мэрию, а целенаправленно уничтожили всё, что только может способствовать воссозданию местной администрации.

Чолнар печально вздохнул. Чего и следовало ожидать: аборигены очень хорошо подготовились к приходу Первого ударного. Сколько человек живёт в Бацеле, кто из них коренной житель, а кто пришлый — бог его знает. И как в таких условиях налаживать управление? Подчинённые смотрят на Чолнара с сочувствием и пониманием. Это радует.

— Всё не так плохо, — обрывая тягостное молчание, заговорил Чолнар. — Вместе с приказом о назначении, командование передало мне всю информацию о Бацеле, которая только была в архивах Министерства колоний. До бунта местная администрация старательно собирала информацию и регулярно отсылала её на Мирем. Понимаю: имеющиеся в нашем распоряжении данные устарели лет на пять, но это лучше, чем вообще ничего.

И так, — Чолнар стукнул кулаком по столу. — Ставлю боевую задачу. Во-первых: требуется раздобыть хоть какую-нибудь оргтехнику для ведения документации. Придётся пройтись по домам и изъять все электронные рабочие столы, компьютеры, краски, альбомы и прочее, что только сумеем найти. Во-вторых: нужно будет пройтись по известным адресам

и найти всех кого только сможем из местной администрации и руководства рудника и завода.

Для выполнения обоих задач приказываю разделиться на три команды по три человека в каждой. Десятый останется в здании мэрии в качестве постоянного дежурного. На себя я беру утуса Ковжана, который должен быть мэром Бацела. Вопросы?

Чолнар выразительно посмотрел на подчинённых.

— Командир... Это же... Грабёж получается, — неуверенно возразил Ключ, водитель БМП.

— Откровенный и неприкрытый, — легко согласился Чолнар. — Если кто забыл, или вообще не знал, напоминаю: Первая космическая десантная дивизия создана для уничтожения. Так что в трюмах нашего «Нутана» вряд ли найдётся хотя бы с десятков электронных столов и полевая типография с запасами красок и бумаги.

Пристыженный Ключ умолк. Новых вопросов или возражений не последовало. И слава богу! Подчинённые, гремя стульями, разошлись. Каким бы безумным не был бы приказ командования флота, но его всё равно придётся выполнить.

* * *

Чолнар, держа автомат на изготовку, настороженно посмотрел по сторонам. Бацел как был, так и остался вражеским городом лишь слегка покорённым. Смерть может поджидать за любым углом. Впору передвигаться по улицам перекатами, взаимно прикрывая друг друга и ожидая автоматную очередь в спину. Но это уже слишком! Не стоит показывать аборигенам собственный страх, но выходит на улицы без броника Чолнар и сам не решился и подчинённых не стал неволить. Утус Ковжан должен жить на Маниакеевской улице, что находится недалеко от Центральной площади Бацела.

Да-а-а... Маниакеевская улица не для простых смертных. Чолнар окинул взглядом фасады и двери. Пусть дома на ней одноэтажные, но, судя по позолоченным номерам и фигурным ручкам, живут здесь далеко не самые бедные аборигены. Возле каждого дома узкий палисадник, а на стенах ящики с цветами. Наверно это и есть роскошь и богатство по местным меркам.

На вежливый стук в дверь с номером 28 никто не отозвался. Чего и следовало ожидать. Чолнар грубо долбанул пару раз прикладом. Подействовало. Не прошло и минуты, как дверь открылась, а на пороге показался невысокий абориген с кругленьким брюшком и обвислыми щёчкам. Чолнар грубо отпихнул хозяина в сторону и вошёл в дом. Противно чувствовать себя оккупантом, но, что поделаешь: элементарной вежливости аборигены не понимают.

— Вы! Нилс Васанич Ковжан 7281-го года рождения? — Чолнар навис над аборигеном словно скала.

— Э-э-э... Да. Наверное.

Абориген нервно забегал глазками и побледнел.

— Вы мэр Бацела?

— Э-э-э... Никак нет, — утус Ковжан энергично затряс вторым подбородком.

— Вы были мэром Бацела в 7343 году?

— Да. Нет. Я давно не пенсии. К тому же...

— Не важно! — Чолнар грубо оборвал трусливый лепет утуса Ковжана. — Как

комендант города Бацел я назначаю вас мэром!

— Почему я! — в ужасе воскликнул утус Ковжан. — Я старый, больной человек.

— Не важно. Шнурок, Суслик, — Чолнар повернулся к подчинённым. — Обыскать помещение. А с вами, — Чолнар вновь глянул на утуса Ковжана, — мы пройдем в мэрию, где вы собственноручно составите список местной администрации, а так же руководства завода и рудника со всеми фамилиями и адресами.

— Я не могу!!! — утус Ковжан рухнул на колени. — Пощадите!!!

Абориген на грани истерики. Утус Ковжан мелко трясётся и обильно потеет.

— А иначе, — Чолнар демонстративно приставил автомат ко лбу утуса Ковжана, — я расстреляю вас здесь и сейчас за противодействие властям.

Утус Ковжан онемел от страха. В прихожую из большой комнаты напротив заглянула немолодая женщина в расшитом зелёном халате. В глазах хозяйки дома читается ничем не прикрытый ужас.

— Так вы будете сотрудничать? — миролюбиво спросил Чолнар.

— Н-н-н да-а-а... — обречённо ответил утус Ковжан.

— Вот и ладненько, — Чолнар поднял автомат стволом вверх. — Собирайтесь.

В доме новоявленного мэра удалось отыскать электронный стол во вполне приличном состоянии, древний ноутбук с поцарапанной крышкой, несколько альбомов и детские краски. Чолнар, прихватит утуса Ковжана, вернулся в мэрию.

За десять минут некогда бойкий и упитанный утус Ковжан постарел лет на двадцать. Зато быстро раскололся и убитым голосом назвал имена руководителей города, рудника и завода. Жалко, конечно, старика, ну а как иначе можно собрать местную администрацию?

На альбомном листе Чолнар лично нарисовал самый первый приказ комендатуры с требованием к местным жителям явиться в мэрию и встать на учёт. Но! Четыре часа пролетело в холостую, а на Центральной площади так никто и не появился. Пришлось вновь собрать всех местных руководителей в кабинете мэра.

Чолнар демонстративно положил на стол автомат и поклялся Великим Создателем, что если через полчаса регистрация не начнётся, то он лично отправится на станцию жизнеобеспечения и в прямом смысле перекроет кислород. Не на шутку напуганные администраторы разбежались по городу.

Жестоко. Но... Какой смысл обманывать самого себя. Сработало ведь. Через пятнадцать минут возле мэрии показался первый местный житель. На радостях Чолнар решил лично его зарегистрировать.

На первом этаже, в вестибюле мэрии, на скорую руку организовали место для приёма граждан. На почти новеньком столе, конфискованном из дома утуса Мессира, директора фосфорного рудника, Чолнар включил электронный стол и приготовился записывать.

— Имя, фамилия, отчество, — строгим голосом произнёс Чолнар.

— Наг Гетвакич Олбан, — охотно ответил абориген.

— Год и место рождения?

— 7277 год по официальному летоисчислению. Планета Мирем, Федерация Мирема.

Чолнар удивлённо поднял глаза. Высокий и тощий утус Олбан похож на крысу, на старую хитрую крысу, которая много чего повидала на своём веку и которую электронной мышеловкой с детектором писка не поймать. Маленькие невзрачные глазки так и бегают из стороны в сторону. Такое впечатление, будто утус Олбан в любой момент готов получить по щеке и тут же занять плаксивым голосом.

— Так вы что, не местный? — сообразил Чолнар.

— Так точно, витус начальник, — утус Олбан лъстиво улыбнулся. — Эмигрант третьей категории. Вот уже 35 лет как отбыл назначенное судом наказание и отправлен на постоянное место жительства в город Бацел.

На бывшем заключённом мешком висит старый застиранный до невозможности рабочий комбинезон бледно-синего цвета. Из-под распахнутого ворота выступает некогда белая рубашка далеко не первой свежести. Да... Нелегко пришлось бывшему жителю метрополии среди аборигенов.

— Витус начальник, — утус Олбан склонился над столом и перешёл на драматический шёпот. — Как сознательный гражданин Федерации Мирема я готов оказать вам полнейшее содействие по восстановлению конституционного порядка на Свалке.

Чолнар выпрямился на стуле. Местная крыса рвётся во власть.

— Мне не хватает начальника полиции. Возьмётся? — прямо в лоб предложил Чолнар.

— Да я! Да мы! — утус Олбан задохнулся от радости. — Да всё, что в моих силах!

— Ещё человек десять найдёте?

— Да что вы... Хоть двадцать! Если б вы только знали, сколько здесь наших.

Чолнар кивнул. Каких именно «наших» лучше не уточнять.

— Отлично, — Чолнар снова застучал пальцами по электронному столу. — Сейчас я вам выдам удостоверение о регистрации, а так же удостоверение начальника полиции. Вы будете подчиняться мне лично. Найдите ещё двадцать человек и займите здание полиции. Всё ясно?

— Как свет божий! — свежеиспечённый начальник полиции прослезился от радости. — А когда вы дадите мне автомат?

— Всему своё время, уважаемый, всему своё время, — неопределённо пообещал Чолнар.

На конфискованном принтере Чолнар распечатал пару листов и заверил их своей подписью. Филькины грамоты, если разобраться, но выбирать не приходится. Однако утус Олбан с превеликой радостью и религиозным благоговением принял цветные листочки, ещё только не расцеловал их.

Не удивительно, Чолнар мысленно плюнул через левое плечо. Сосланные на Свалку осуждённые редко добиваются хоть какого-то признания среди аборигенов. Оно и понятно: эмигранты третьей категории по жизни неудачники. Гораздо чаще они обречены до конца дней своих таскать навоз на свинофермах, махать кайлом на рудниках, чистить выгребные ямы и выполнять прочую особо грязную и особо мерзкую работу. А тут одному из них представилась великолепная возможность стать самой крутой лягушкой в здешнем болоте.

Ясно дело, хоть к гадалке не ходи: бывший зек не будет пользоваться среди аборигенов ни уважением, ни почётом, ни признанием. Вон как глаза горят. Больше всего новоявленному начальнику полиции хочется заполучить в свои руки автомат и поквитаться с многочисленными обидчиками. Впрочем, какая разница. Чолнар тяжело вздохнул. Эту войну, это сражение, Первый ударный всё равно проиграл. Когда именно высшее командование признает сей прискорбный факт — вопрос времени.

— Витус начальник, — утус Олбан свернул листочки и бережно спрятал их во внутренний карман задрипанного комбинезона. — Разрешите довести до вашего сведения важную разведывательную информацию.

Чолнар напрягся. Эта шавка ещё что-то знает?

— Да, слушаю вас, — вежливо произнёс Чолнар.

— Совершенно случайно, подслушав разговор Туманха и Афона возле выгребной ямы на ферме вышеуказанного Туманха, я узнал о существовании в восточной части Северного плоскогорья Партизанской базы № 4, которая является тайной базой вооружённого отряда аборигенов.

А это уже интересно. Чолнар быстро вывел на электронный рабочий стол карту Северного плоскогорья.

— Где именно находится партизанская база указать можете?

— К сожалению нет, — утус Олбан даже огорчился. — Из разговора вышеуказанных Туманха и Афона я узнал, что вышеуказанная база находится в 20 километрах в западном направлении от поселения Восточная труба, а так же в 8 километрах в северном направлении от Большого излома, — в глазах бывшего уголовника засверкало торжество.

Чолнар быстро записал сообщение утуса Олбана. Правда или нет — пусть разведка разбирается. Но, быстрее всего, правда. Чтобы так мастерски сыграть цыплячью месть нужно быть или великим артистом, или бывший зек действительно что-то слышал. Если так и дальше пойдёт, то аборигены будут не просто презирать местную полицию, а люто ненавидеть.

— Только прошу вас! — испуганно воскликнул утус Олбан.

— Не волнуйтесь. Ваше ценное сообщение останется строго между нами, — медовым голосом заверил Чолнар. — А теперь вам пора приступить к исполнению ваших непосредственных обязанностей. Как только сформируете штат полиции, немедленно обратитесь ко мне.

— Да. Да. Конечно, — утус Олбан поднялся из-за стола. — Разрешите откланяться, витус начальник.

— Всего доброго.

Едва за бывшим уголовником закрылась входная дверь, Чолнар облегчённо выдохнул. Мечты, мечты... Как было бы здорово взять эти филькины грамоты, да затолкать их в глотку этому самому начальнику полиции. С такими помощниками Первый ударный не имеет права не проиграть войну. И как же тяжело общаться с ничтожествами, которые мнут себя великими.

Худо-бедно, со скрипом и стонами, местная администрация начала работу. Пока Чолнар разбирался с начальником полиции, к зданию мэрии подтянулось сразу пять человек. Как выяснилось чуть позже, работники станции жизнеобеспечения и ветровой электростанции, которая снабжает Бацел энергией. Ну конечно: аборигены прекрасно понимают, что без электричества и воздуха космические пехотинцы ещё могут обойтись, а вот мирные жители — нет.

В вестибюль мэрии, пугливо приоткрыв дверь, вошёл второй по счёту местный житель. На аборигене всё тот же рабочий комбинезон, но на этот раз насыщенного синего цвета без грязных разводов и тщательно отутюженный.

— Прошу вас, присаживайтесь, — Чолнар показал на стул возле стола.

Чолнар вставил в принтер чистый лист. Впереди уйма работы, нужно зарегистрировать ещё шесть тысяч местных жителей, а бумаги на всех не хватит. Чолнар печально вздохнул. Опять придётся выкручиваться и грабить местных жителей. Да чтоб адмирала Крилла поразили язва желудка, импотенция и болезнь Паркинсона.

Глава 18. Засада

Маленький окопчик на пригорке не самая лучшая в мире защита, но копать что-то более основательное нет времени. Чаг Ратаг, лёжа в окопчике, напряжённо разглядывает в бинокль лежащую внизу дорогу. Пусть две едва заметные в красном песке колеи трудно назвать дорогой, но по ней всё же иногда проходят тяжёлые трактора, грузовики и самоходки. Пусть пути сообщения на поверхности планеты не в чести, но они всё же есть. Главное, этими самими дорогами пользуется противник. В очередной раз Чаг посмотрел на восток. Пока никого не видно, но это только пока.

Шесть дней над Северным плоскогорьем бушевал снежный шторм. Выходить в такую погоду на поверхность смерти подобно. Штормовой ветер тут же подхватит беспечного смельчака, протащит по камням и в конце концов размажет о скалу или сбросит в глубокое ущелье. Первой роте Народной армии выпала великолепная возможность предаться блаженному отдыху. На запрятанной в песках Северного плоскогорья партизанской базе Чаг вдоволь отоспался, отъелся и набрался сил. Но «отпуск» закончился, едва снежный шторм выдохнулся и ушёл дальше на юг.

Чаг, положив бинокль на песок, несколько раз энергично моргнул натруженными глазами. На дворе вторая половина осени. На небе ни облачка, даже привычный ветер и тот почти стих. Принесённый штормом снег забился по оврагам и трещинам. Пусть днём он ещё может слегка подтаять, но, быстрее всего, благополучно долежит до весны.

Чаг снова поднёс бинокль к глаза. Ну где же они?

Командование получило информацию о выходе отряда космических пехотинцев из поселения Восточная труба, что находится на восточной окраине Северного плоскогорья. Какой чёрт понёс десантников в глубь пустыни — бог его знает. Зато выпал отличный шанс побеспокоить врага, напасть на него из засады и нанести максимально возможный ущерб. В отличие от Народной армии самообороны, космическим пехотинцам восполнить потери негде.

Редко используемая дорога идёт на восток как раз в поселение Восточная труба. Чаг по удобней устроился в маленьком окопчике. А сердце нет, нет, да тревожно бьётся! Пойдут десантники по этой дороге или не пойдут? Дойдут до этой взгорочки или не дойдут? Бог его знает. И хочется, чтобы они выбрали именно эту дорогу и дошли именно до этой взгорочки, и страшно. А вдруг и в самом деле выберут? А вдруг и в самом деле дойдут?

Космические пехотинцы враг очень серьёзный. Страшно с ними воевать. Местность открытая. На их стороне воздух и, Чаг глянул в зелёную высь, космос. Но надо воевать. Нельзя победить врага сидя в тайной норе и глотая противную «похлёбку».

В восточном направлении что-то показалось. Чаг тяжело задышал. От волнения сначала бросило в жар, после окатило холодом. Как обычно система жизнеобеспечения борга сработала с небольшим опозданием. Господи! Не об этом нужно думать. Не об этом. Чаг приклеился к биноклю.

Точно они! В километрах пяти по разбитой дороге плетётся колонна бронетехники. Впереди трясётся «Тяпа», за ним тянутся три «Шельмы» — один взвод усиленный танком. Из-под гусениц и колёс красным облаком вылетает мелкий снег и тянется над пустыней, словно дым. А это что-то новенькое: космические пехотинцы сидят на броне. Обычно они прячутся внутри «Шельм», а здесь почему-то вылезли наружу.

— Болт! Как слышите? Приём, — Чаг вызвал на связь сержанта Нитана, командира засады.

— Непоседа, слышу тебя отлично. Что у тебя? — отозвался Болт.

— Противник на подходе. Расстояние примерно четыре километра. Идут колонной. Впереди один танк, за ним три БМП. Космические пехотинцы сидят на броне. Как поняли? Приём!

— Понял тебя отлично. Конец связи, — Болт отключился.

— Конец связи, — словно эхо повторил Чаг.

Противник обладает громадным научно-техническим превосходством, но в данном случае, Чаг улыбнулся, радиоперехват невозможен в принципе. Нет ничего проще и надёжней самого обычного двухжильного кабеля. Флот на орбите может сколько угодно пылесосить эфир и биться над расшифровкой помех, но ни один электронный шпион не сможет перехватить переговоры между головным наблюдателем и командиром засады.

Засадный отряд в количестве двадцати человек сидит в ложбине в паре сотнях метров. Совершенно незачем маячить всем скопом на виду у космоса. Вполне достаточно пары наблюдателей. Впрочем, Чаг бросил взгляд назад, отряд уже выходит на позиции.

Рядом прилёт Шнык. Чаг кивком поприветствовал друга. Как жаль, что говорить категорически нельзя — радиомолчание, чтоб его. Через пару герметичных шлемов много не наболтаешь, только голосовые связки сорвёшь.

Колонна вражеской бронетехники всё ближе и ближе. В бинокль отлично видно сидящих на броне космических пехотинцев и респов. Поумнели, видать. Теплу и комфорту подпружиненных сидений внутри «Шельмы» солдаты противника предпочли безопасность на броне боевой машины. Ну ничего... Скоро запрыгают, как караси на сковородке.

* * *

Рядовой Биал Ришат сидит на броне качающейся «Шельмы» и лениво поглядывает по сторонам. На каждой колдобине и выбоине боевую машину слегка подбрасывает. Рядом сидят товарищи по отделению и так же молча страдают от скуки и дурной дороги. Только респам всё по барабану. Боевые «Муравьи» лежат в специальных углублениях поджав лапы. Даже завидно. Немного.

Перед глазами всё та же надоевшая за полторы недели муть: каменистая пустыня всех оттенков красного. Биал печально вздохнул. Даже снег на этой чёртовой Свалке не ярко-белый, как дома, а красноватый, словно присыпанный толчёным кирпичом.

Эх. На хорошей дороге с твёрдым покрытием «Шельма» запросто могла бы выдать добрую сотню километров в час. Было бы очень здорово прокатиться с ветерком. Но... По цепочке ухабов и колдобин, которые здесь почему-то называют дорогой, «Шельма» едва тащится со скоростью двадцать — двадцать пять километров. В принципе, боевая машина может выдать и пятьдесят, но тогда космические пехотинцы посыплются с брони, словно перезрелые яблоки. От такой бешеной болтанки запротестовали бы даже респы.

Внутри «Шельмы» остались водитель и операторы РСПП, остальные предпочли залезть на броню. Оно, может быть, не так удобно, зато гораздо безопасней. Биал невольно поморщился. Пережить ещё один подрыв на mine, когда сидишь внутри бронированной коробки, как-то не хочется.

Адмирал Крилл решил развернуть на Свалке полноценную контрпартизанскую войну, она же малая война, она же конфликт низкой интенсивности. Биал подпрыгнул на очередной колдобине, бронированный зад глухо брякнул о броню. Чтоб адмирала Крилла запоры замучили.

Грандиозных ударов из космоса, налётов вражеской авиации и встречного боя по всем правилам военной науки не будет. Зато в изобилии будут засады и камни в спину. Первый десяток километров Биал старательно глазел по сторонам. Всё ждал и ждал, когда же колонна угодит в засаду. На втором десятке пугливо оглядываться надоело. А на третьем стало скучно.

* * *

Колонна вражеской бронетехники тянется по дороге. Впереди рычит «Тяпа» — серьёзный противник. Чаг нервно сглотнул. При виде 120 миллиметровой пушки по спине пробежал противный холодок, а руки вспотели. Ещё свежи воспоминания о том, как снаряды этой дуры разносили в клочья дома и стены.

За танком тянутся БМП. Космические пехотинцы сидят на броне и лениво поглядывают по сторонам. И на кой чёрт целый взвод отправили в глубину Северного плоскогорья? Впрочем, какая разница.

Колонна бронетехники всё ближе. До места засады совсем немного. Чаг вновь глубоко задышал. Кончики пальцев неприятно покалывает, а душа мечется между левой и правой пятками. Ничего... Впереди хваленных десантников поджидает сюрприз — минная засада.

СОМ «Тяпы», система обнаружения мин, обладает дьявольской чувствительностью, но её все равно можно обмануть. С момента закладки мин на дороге возле этой самой взгорочки прошёл целый местный год. Ещё до прихода Первого ударного Независимое правительство заранее наметило места возможных засад и заминировало их.

Сколько уставлено таких засад и где — рядовому бойцу знать не полагается. Говорят, много. Говорят, на некоторых из них десантники уже подрывались. Ветер и дождь, снег и мороз давно утрамбовали землю и надёжно спрятали мины. Почти надёжно. Если сегодня Великий Создатель подарит крупицу своего божественного внимания, то, может, и получится надуть систему обнаружения мин. Впрочем, противника поджидает ещё один сюрприз.

Дороги на поверхности планеты не могут похвастаться изяществом и прямоотой автострад. Оно и к лучшему. Остаётся надеяться, что водитель «Тяпы» не заподозрит именно этот ни чем не примечательный поворот. Чаг пододвинул ближе «Дюбель». Пальцы сами откинули прицельное приспособление. Сейчас начнётся.

Вот головной «Тяпа» въехал на поворот.... На лобовую броню упал лазерный луч, танк резко дёрнулся вперёд и окутался облаком серой взвеси. Автоматика «Тяпы» приняла луч обыкновенной указки за лазерную подсветку и тут же окутала танк непроницаемой аэрозолью. Водитель сделал то, что должен был сделать — рванул вперёд, чтобы уйти с линии огня. Танк резво соскочил с дороги прямо в кювет.

Сработало! Чаг едва не расхохотался. Мощный взрыв разметал серую аэрозоль. Танк подпрыгнул на пару метров. Это сигнал. Чаг закинул на плечо «Дюбель».

Как на учениях. Первыми ушли «Шурупы» с «пыльцой». Большие ярко-фиолетовые

облака окутали головной танк и последнюю «Шельму». Чаг тут же вдавил пусковую кнопку. С оглушительным хлопком тяжёлая штурмовая граната рванула к цели. Чаг отбросил пустой контейнер и подхватил второй «Дюбель».

Два десятка реактивных гранат ударили по бронетехнике. Но космические пехотинцы далеко не простаки. Едва головной «Тяпа» улетел в кювет, как десантники и «Муравьи» синхронно прыгнули с брони и залегли вдоль дороги.

— Свинки дрессированные, — тихо ругнулся Чаг.

Космические пехотинцы отскочили под прикрытие БМП, а «Муравьи» наоборот рванули вверх по склону.

Замыкающая «Шельма» вынырнула из ярко-фиолетового облака. На броне осталась пара чёрных отметин. Натужно ревя, БМП развернулась на месте и съехала с дороги. Водитель подбитой «Шельмы» освободил проезд. Две оставшиеся БМП тут же дали задний ход. Чаг прицелился в левую и нажал на «Пуск».

Проклятье! Чаг отбросил пустой контейнер. Второй залп не чета первому: больше половины реактивных гранат ИПРО «Шельм» разнесли ещё на подлёте. Оставшиеся БМП бойко пятятся назад и вот-вот выйдут из зоны поражения.

* * *

Скука и однообразие разом испарились, когда идущий впереди «Тяпа» с громким хлопком окутался защитой аэрозолью. Биал сам не заметил, как сиганул с брони, выхватил из-за спины автомат и упал на землю под прикрытием БМП. Рядом приземлился Шалфей.

Головной «Тяпа» напоролся на мину. Замыкающая «Шельма» утонула в ярко-фиолетовом облаке. Биал прижался к земле. Дымовые следы тут же воткнулись в цветную взвесь. Проклятье! Аборигены до ужаса насобачились палить из реактивных гранатомётов.

Накаркал. Накаркал, чёрт побери. Биал взял автомат на изготовку. Слева от дороги небольшая взгорочка. На вершине, Биал включил увеличение, расплываются серые облака. Ну да — противомасса. Получил разнообразие на собственную задницу.

Респы уже карабкаются по склону и поливают вершину пригорка из всех стволов.

— Ящер! Жив? — Шалфей толкнул в плечо.

— А что мне будет, — ответил Биал. — Ну сейчас я им!

Биал прицелился. На забрале тут же отразилась картинка с видеокамеры «Эммы». А Шевелятся! Биал нажал на спусковой крючок.

Вершина пригорка покрылась маленькими фонтанчиками из песка и снега.

— Берегись! — крикнул Шалфей.

Замыкающая «Шельма» с рёвом слетела с дороги. Две оставшиеся дали задний ход.

Правильно: пусть уходят. Биал отполз немного назад. Перед глазами, в каком-то полуметре, прокатилась вереница чёрных колёс. Первое потрясение уже прошло. На учениях ещё и не такое бывало. Лёжа на краю дороги, Биал целенаправленно, ну как на стрельбище, давит аборигенов огнём. Ни одна зараза не высунется.

Справа оглушительный грохот. Биал резко повернул голову. Ну живуч! «Тяпа» в самом жалком виде застрял в кювете, но приплюснутая башня ещё работает. 120 миллиметровая пушка долбит по аборигенам. На вершине взгорочки поднимаются огромные кусты взрывов.

А вот и «Шельмы» откатились метров на сто и открыли ответный огонь. Вершина

взгорочки вообще исчезла под кустами разрывов.

Биал от души расстрелял первый магазин.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Взвод! В атаку! В атаку! Выбить противника с занимаемых позиций, — долетел по связи приказ взводного.

Биал поднялся на ноги и на ходу заменил магазин. Это правильно. Лучшая защита — нападение. Сейчас местные крысы поймут, на кого батон крошат.

Респы убежали далеко вперёд. На вершине взгорочки по-прежнему кипит земля. Главное прыгать с камня на камень. Благо их здесь полно. Биал старательно смотрит под ноги и ещё более старательно избегает припорошенных снегом участков.

Слева взрыв. Биал резко повернул голову. Проклятье! Взрывная волна опрокинула космического пехотинца на спину. Мина! Что же ещё? Ой не дураки аборигены. Ой не дураки. Биал продолжил скакать с камня на камень.

Вот и вершина. В числе самых первых Биал забрался на взгорочку. Слева, возле маленького окопчика, пара пустых контейнеров. Зато справа оторванная рука в красном борге. Снаряд с «Тяпы» разнёс аборигена на куски. Но... Биал оглянулся. Противник? Где?

Респы успели сбежать по обратному склону. Но и перед ними никого нет. Биал присел на колено. Сквозь прицел местность впереди просматривается далеко вперёд, благо день чудесный.

Преследовать или нет? Биал поднялся на ноги.

— Прекратить преследование! Личному составу вернуться к боевым машинам, — пришёл приказ взводного.

Биал в бессилии опустил автомат. Впереди на местности столько расщелин и впадин — дивизию заныкать можно.

— Вот так всегда, — разочарованно протянул Биал. — Только во вкус войдёшь, а они уже удрали.

— Не переживай, Ящер, — рядом остановился Шалфей. — На этой свалке человеческих душ мы застряли надолго. Надоест ещё за местными бегать. Пошли! У нас, вообще-то, другое задание.

Глава 19. Партизанская база

После удачного нападения из засады и отхода Чага назначили в полевой караул по охране подступов к Партизанской базе № 4. В напарники дали молодого солдата по фамилии Мышрин. За что, за какие грехи или заслуги, его прозвали Девятым, история умалчивает.

День давно перевалил на вторую половину. Ветер несколько усилился и принялся гонять по земле сухой снег с красной пылью. Это даже к лучшему — надёжней следы заметёт.

Полевой караул похож на прогулку. Ходишь себе по местности, да по сторонам поглядываешь, но лучше не расслабляться. Пусть противника до сих пор не видно, но нападение на космических пехотинцев произошло в каких-то десяти километрах от тайного входа на базу. Чаг осторожно, стараясь не делать резких движений, выглянул из неглубокой расщелины и осмотрелся по сторонам. Вокруг, насколько хватает глаз, раскинулась каменистая пустыня Северного плоскогорья. Только на востоке в туманной дымке проступают горы кратера Финдос.

Это даже хорошо, что во время патрулирования предписано соблюдать радиомолчание. А то молодого напарника буквально распирает от эмоций. Нападение на колонну бронетехники четыре часа назад стало для Девятого боевым крещением. Во время боя парень держался молодцом, но после отхода заметно струхнул. Молодой напарник что-то там говорит, машет руками, пытается что-то там объяснить, но из-за герметичного шлема всё равно ничего не слышно. Но понять Девятого можно — у парня отходняк. Не ревёт в три горла, не просится к маме под юбку, и то ладно.

Стемнеет скоро. Чаг в очередной раз выглянул из расщелины. Тогда можно будет вернуться на базу и предаться блаженному отдыху. Но, Чаг глянул в бинокль, не судьба.

«Тихо!» — жестом приказал Чаг, Девятый тут же заткнулся.

Примерно в паре километров на небольшой бугорок заехала «Шельма». Слева от неё мелькнула голова космического пехотинца. Чаг посмотрел вправо. Точно! Среди нагромождений камней мельтешит ещё один десантник.

Чаг передал бинокль Девятому и жестами показал куда смотреть. Молодой быстро нашёл «Шельму» и несколько пехотинцев рядом с ней.

«На базу. Доложить», — жестами приказала Чаг.

Девятый кивнул и убежал по расщелине. Чаг осторожно залёг возле камня и продолжил наблюдение.

Судя по всему... космические пехотинцы наступают широким фронтом, но на атаку не похоже. «Шельма» на бугорке стоит без движения. Быстрее всего... противник прочёсывает местность.

Пехотинцы целенаправленно идут прямо в лоб. Неторопливо идут. Далеко слева, Чаг ужом извернулся возле камня, показалась ещё одна «Шельма». А где же третья? Численность взвода в космическом десанте как золотой стандарт, ни в коей мере нарушать нельзя. Неужели, Чаг прилип к биноклю, это тот самый взвод. Слишком, слишком много совпадений. К горлу подступил холодный комок страха.

Всё! Пора сматывать удочки. Чаг, пятясь задом, сполз обратно в расщелину. Никаких сомнений: космические пехотинцы движутся в этом направлении. До ближайшего от силы

километр. Чаг развернулся и торопливо побежал на базу. Но тут из-за поворота вынырнул Девятый.

«Доложил?» — спросил Чаг.

Девятый энергично кивнул.

«Уходим» — Чаг махнул рукой.

На снегу следы лучше не оставлять. По возможности Чаг перепрыгивает с камня на камень. Это хорошо, что зима толком ещё не началась, а то расщелина была бы доверху завалена снегом. А вот и вход на базу.

Перед входом в очередной неприметный туннель Чаг на миг остановился и осмотрелся. Ничто, ни один след или признак, не указывает на вход в Партизанскую базу № 4. До прихода Первого ударного довелось прожить и проучиться в ней несколько местных лет. Первый полк Народной армии Независимое правительство определило для ведения партизанской войны. Сражение за Финдос было первым и единственным, в котором полк всё же принял участие как пехотное подразделение.

Чаг с напарником залёг недалеко от входа в пещеру возле парочки специально приготовленных валунов. Толстые камни положены таким образом, чтобы можно было под их защитой простреливать вход. А если что, то и от 30 миллиметрового снаряда уберечь смогут. Хотя вряд ли космическим пехотинцам придёт в голову загнать «Шельму» в узкую расщелину.

Чаг скосил глаза на молодого. Нервничает напарник, страшно нервничает. Девятый ни как не может лежать на месте смиренно. То перевернётся с боку на бок, то передвинет пару мелких камешков с места на место.

За спиной раздался шорох, Чаг резко обернулся. Неужели обошли? Не-е-е, это Шнык.

Друг подполз ближе и жестом приказал молодому бойцу уходить на базу. На спине у Шныка болтается «Шуруп». Чаг улыбнулся, очень хорошо! С более опытным обстрелянным напарником чувствуешь себя гораздо уверенней. Шнык прилёг за укрытием. Как жаль, что радиомолчание никто не отменял. Невозможность перекинуться с другом хотя бы парой слов изматывает, словно марш-бросок с полной выкладкой.

Остаётся надеяться, что появление солдат противника в районе партизанской базы не более, чем случайность. Но... Не прошло и часа, как у входа в пещеру показалась металлическая морда «Муравья» с парой крупнокалиберных пулемётов вместо усиков.

«Муравей» ведёт себя крайне осторожно, нервно перебирает лапами и озабоченно крутит башкой. С другой стороны показался космический пехотинец, но и он не спешит заходить во внутрь.

Чаг неподвижно замер под защитой валуна. Заглянут во внутрь, или пройдут мимо? Очень серьёзный вопрос.

Наконец, перебирая стальными лапами, «Муравей» полез в пещеру. А вот космический пехотинец предпочёл остаться снаружи. Хреново. Придётся воевать.

Шнык выставил из-за валуна «Шуруп» и жажнул по респу реактивной гранатой. Одновременно Чаг пальнул из подствольника.

Двойной взрыв на миг ярко осветил пещеру. Взрывная волна ударила по ушам. Зато респа вышвырнуло из пещеры. В ответ пехотинец пальнул из подствольника. Граната стукнулась о валун, отскочила в сторону и взорвалась.

Ну вот — вход на базу обнаружен. Теперь космические пехотинцы из принципа не уйдут, пока не зачистят пещеру, да и базу заодно.

В пещеру забежал ещё один респ и открыл огонь из обоих стволов. Пули со свистом высекают из каменных стены искры. Чаг притаился за камнем и затолкал в подствольник новую гранату. Сейчас начнётся! Когда космические пехотинцы пойдут напролом, придётся резво уносить ноги. Жаль, конечно, оставлять базу. Почти четыре местных года она была словно дом родной. Ведь столько раз, возвращаясь из очередного выматывающего душу похода, доводилось проходить под этими сводами в предвкушении душа, ужина и мягкой постели.

Стрельба неожиданно смолкла. Чаг осторожно выглянул из-за валуна. Что за чёрт? Респа в пещере нет и в помине. Хуже того! Подбитого «Муравья», больше похожего на связку металлолома, тонкий стальной канат тащит прочь от входа в пещеру.

Даже сквозь герметичный шлем слышно, как Шнык грязно выругался. Командир отделения вскочил на ноги и взмахом руки приказал отступить. Точнее, Чаг поднялся следом, драпать со всех ног.

Пещера быстро осталась позади. Вот и шлюз. Чаг первым проскочил через стальную дверь с закругленными углами.

— Внимание!!! Внимание!!! — едва выскочив из шлюза, Шнык врубил связь. — Всем без исключения экстренно покинуть базу! Экстренно!!!

Оно и понятно. Чаг энергично крутанул стальной штурвал и запер шлюз. Ещё рычаг блокировки и ни одна зараза снаружи не сможет отпереть дверь. Если только взорвать её.

— Готово?!

— Да! — Чаг повернулся к командиру.

— Уходим!

Тусклые аварийные лампочки едва-едва освещают знакомые коридоры. Минуты вполне хватило, что вихрем промчатся через базу. Едва Чаг и Шнык проскочили через шлюз запасного выхода, как земля под ногами дрогнула. С потолка посыпались мелкие камешки. Ещё миг и по ушам ударил мощный взрыв. А потом ещё и ещё один.

— Хана базе, — Шнык перешёл на торопливый шаг.

— Жаль, не получилось, — согласился Чаг.

До прихода Первого ударного на Партизанской базе № 4 действительно располагалась первая рота Народной армии. Пусть командование строго настрого запретило солдатам рассказывать о базе родным и близким, но слишком много гражданских всё же узнали о ней. Как ни крути, а шило в пустом мешке утаить невозможно.

Был план, точнее надежда, что космические пехотинцы найдут базу и постараются взять её штурмом. И тогда под её развалинами осталось бы с десятков солдат метрополии. Но увы! Повторить успех подорванной мощными минами Глотки не получилось. Космические пехотинцы не стали штурмовать базу, а просто долбанули по ней высокоточными ракетами. Такая ловушка, и не сработала. Очень жаль.

Глава 20. Заткнуть дыры

Вокруг серые стены, впереди бегут серые респы, а рядом устало бредут серые пехотинцы. На полу в два ряда блестят серые рельсы. Что поделаешь: в подземельях Свалки царит тьма. Встроенная в броник система ночного видения показывает окружающий мир в чёрно-белых тонах. Биал Ришат, стараясь не споткнуться о бетонные шпалы, обследует с товарищами по отделению туннель самой главной подземной дороги под названием Большое кольцо.

Громада гор над головой давит на психику. Не дай бог вся эта масса рухнет. Пробираясь вперёд приходится очень осторожно. Опасность подстерегает на каждом шагу, за каждым поворотом, за каждой дверью. В любой момент можно напороться на мину или засаду. Опасно настолько, что подгибаются колени. Хуже напряжённого боя может быть только тьма и тишина глубокого подземелья.

Биал скользнул взглядом по своду большого туннеля. На сером бетоне прямоугольными полосками выделяются светильники, но ни один из них не работает. Как бы не было противно признавать, но здесь царство аборигенов. Здесь они полновластные хозяева. А космические десантники, при всех своих пушках и респях, не званые гости.

Пару дней назад кому-то из высоколобых начальников пришла в голову «гениальная» мысль прочесать Большое кольцо, широкий туннель, который проходит под горами кратера Финдос и действительно замыкается в исполинское кольцо. Биал осторожно переступил через брошенную у обочины шпалу. Вот взять бы этого умника, да самого отправить чесать по этому самому Кольцу.

Второе отделение под командование сержанта Зилуча вышло из поселения Восточная труба в южном направлении. Даже не верится, что прошло уже семь часов. Это насколько же велики подземелья Свалки!

Как на предварительном инструктаже объяснил лейтенант Божл, при всей своей дороговизне подземные дороги окупают себя на все сто. Сейчас на поверхности планеты творится чёрт знает что. То ли просто метель, то ли просто ураган, то ли просто конец света. Бешенная атмосфера Свалки выкинула очередной фортель. А здесь тишина, Биал оглянулся, даже слишком тихо. Словно призраки, космические пехотинцы передвигаются молча. Ни шуток, ни разговоров. По общему каналу связи доносится напряжённое дыхание, да изредка проскальзывают короткие восклицания, когда кто-нибудь из пехотинцев спотыкается о шпалу или рельс. Даже респы, кажется, семят на стальных лапах словно кошки.

Да-а-а... Накопали аборигены. Очень много накопили. Многочисленные отворотки не поддаются счёту. Добрая половина из них напрочь отсутствует на официальной карте.

Семящие впереди респы резко дёрнулись вперёд и открыли огонь. Пулемётные очереди разорвали могильную тишину.

— Отделение, к бою, — скомандовал сержант Зилуч.

Биал упал на землю и взял автомат на изготовку. Противник? Где противник? Дальше по туннелю запульсировали огненные круги и грохнут взрыв.

Ясно, Биал поднялся на ноги, встречный бой. Нужно двигаться вперёд, а то аборигены, по своему обыкновению, тут же удерут.

— Отделение! Перейти к преследованию противника! — скомандовал Зил.

Сержант словно мысли читает. Только всё не так просто.

В глубине туннеля загрохотал автоматический гранатомёт. Но вместо взрывов и визга разлетающихся осколков по стенам и полу запрыгали огненные шарики. На миг забрало перед глазами стало белым, яркий свет забил систему ночного виденья. К счастью, слепота почти сразу отступила. Широкий туннель ярко освещён. Окружающий мир наполнился цветами и красками. Респы, товарищи по отделению словно на ладони. Чёрт! Вперёд и только вперёд!

В глубине туннеля грохочут выстрелы аборигенов. Проклятье! Огненные круги на чёрном фоне сбивают ночное зрение. Биал снова упал на землю и открыл прицельный огонь.

Как в тире. Только вместо мелькающих мишеней с красными точками огненные круги. Всё же у пороха недостатков больше. Биал сориентировался и поднялся на ноги. Отделение уверенно продвигается вперёд. Вокруг свистят пули, но аборигены отстреливаются наугад. Биал с товарищами уверенно давит противника огнём.

Наступление отработано до автоматизма. Вот бегущий впереди Шалфей залёг и открыл прицельную стрельбу. Попасть под огонь напарника последнее дело. Биал продвинулся дальше метров на двадцать и тоже залёг. Теперь очередь Шалфея.

Сейчас аборигены получают по самое не балуй. Респы гонят их, слово волки стадо овец. Но опять не получилось.

Осветительные гранаты потускнели, покраснели и погасли. Новой порции химических фонарей не последовало.

— Прекратить огонь! — приказал Зил, Биал тут же отпустил спусковой крючок.

В тёмном туннеле вновь воцарилась тишина. Автоматика броники включила ночное виденье, окружающий мир вновь стал чёрно-белым.

— Респам выдвинуться вперёд. Отделение, приступить к зачистке.

Цокая лапами по бетонным шпалам, респы побежали вперёд.

— Опять удрали, — Шалфей поднялся на ноги.

— Ну и слава богу, — невольно признался Биал.

Громада туннеля уходит во мрак. Система ночного виденья при всех своих плюсах показать далёкую даль не может. Противника нет и в помине. Зато... Биал прошёлся немного вперёд, на рельсах валяется парочка убитых аборигенов. Крупнокалиберные пули расплосовали борги, словно гигантские ножики. Наверняка эти двое первыми попали под огонь респов, зато остальным удалось удрать.

— Ищите, ребята, ищите! — голос сержанта Зилуча звенит от напряжения. — Они не могли далеко уйти.

Зил готов разразиться грязной руганью, но пока держится. Респы убежали далеко вперёд, но всё равно никого не нашли.

— Ящер! Шалфей! Смотрите левую стену. Конь! Трактор! Правую. Остальным быть начеку, — приказал Зил.

— Есть смотреть левую стену! — автоматически отозвался Биал.

Вблизи стена туннеля выглядит ещё противней. Бетонные блоки покрыты многолетней грязью. Местами из стыков сочится чёрная густая слизь. Но... Никаких ответвлений или дверей. Вдоль стены на ржавых подпорках протянуты толстые кабели.

— Ну и гадость, — Шалей ненароком наступил на лужу чёрной слизи. — Могли бы хотя бы раз в сто лет чистить свои туннели.

— А ты представь, как эта гадость пахнет, — подколот Биал.

— Не издевайся над моим воображением, — принимая шутку, ответил Шалфей.

Шутки шутками, а разглядеть что-либо в переплетении кабелей решительно невозможно. Хотя... Биал остановился перед небольшой нишей.

Связки кабелей огибают нишу поверху, словно арка. В глубине на бетонной стенке висит электрический щиток. Самый обыкновенный щиток, далеко не первой свежести. Местами краска облупилась и выступила ржавчина. На передней крышке светлый предупреждающий треугольник с тёмной молнией.

— Ящер, чего застрял? — у входа в нишу остановился Шалфей.

— Что-то здесь не так, — Биал показал на электрический щиток. — Уж больно он большой.

— Ну и что?

— До ближайшей станции далеко, — словно не замечая переминаящегося с ноги на ногу напарника, задумчиво произнёс Биал. — Кроме светильников, здесь больше ничего нет. Ну-ка, а если так.

Биал подошёл к щитку вплотную и включил фонарик на лбу. Ниша и электрический щиток сразу стали цветными и ещё более противными.

Риск, конечно же, Биал пощупал край дверцы. Можно запросто нарваться на растяжку. Но..., вроде как, пронесло. Биал открыл щиток. Внутри два ряда массивных прямоугольных выключателей местного производства.

— Ящер, Шалфей, почему отстали? — спросил по связи сержант Зилуч.

— Зил, здесь очень подозрительный щиток, — ответил Биал.

Очень подозрительный. Через чёрные корпуса выключателей на правой стороне проходит едва заметная белая полоса. Такое впечатление, будто дверца щитка стучит по ним. Но... Биал закрыл и открыл дверцу, такое невозможно.

— Что у вас? — возле ниши появился Зил.

— Командир, — Биал показал на щиток. — Предполагаю, что это никакой не электрический щиток, а замаскированных вход.

— Ну так взорви его, — не долго думая, приказал Зил.

Биал засунул за выключатели кусок взрывчатки и активировал запал. Взрыв сорвал электрический щит со стены. Даже сквозь оседающую пыль видно, что за ним не бетонная или каменная стена, а проход.

— Отделение, приготовиться к штурму, — приказал Зил.

— Ну, Ящер, давай, — Шалфей закинул в проход гранату.

Едва грохнул взрыв, как Биал заскочил в проход, дёрнулся влево и по широкой дуге выпустил из «Эммы» длинную очередь.

Зря только. За липовым щитком, ни зал, ни комната, а уходящий вверх проход. К тому же довольно узкий.

— Проклятье! — Биал посмотрел вверх. — «Муравьи» не пройдут.

— Наверно специально сделали, — предположил Шалфей.

Биал вместе с напарником двинулись вперёд.

Биал внимательно смотрит под ноги. Не дай бог наступить на мину или растяжку. К счастью, под бронированными ботинками голый камень, даже ступенек нет. Зато по середине узкого прохода тянется кровавая полоска. На стенах то и дело попадают красные мазки.

Впереди показалась герметичная дверь.

— Сейчас я её, — произнёс Шалфей.

Одной длинной очередью из «Эммы» напарник проделал в двери большую дыру, Биал тут же пальнул в неё из подствольника. Едва внутри грохнул взрыв, как Биал двинулся вперёд, но второй взрыв швырнул дверь навстречу. Биал, на пару с Шалфеем, откатился назад.

Товарищи по отделению тут же открыли огонь. Рой пуль улетел в темноту, но ответа так и не последовало.

— Отставить огонь! — приказал сержант. — Как вы?

— Нормально, — Биал спихнул в сторону коварную дверь.

— Если бы не броники, то все косточки переломали бы, — Шалфей поднялся на ноги.

Злосчастную дверь вытащили в большой туннель. Биал с напарником вновь пошли вперёд. Узкий проход привёл в просторную комнату. По стенам трёхэтажные нары, по середине длинный стол. У дальней стены валяется несколько стальных ящиков. И снова никого нет, хотя не со всем. На левой нижней полке лежит абориген. Биал ткнул его стволом в плечо. Дохлый. На полу под трупом большая лужа крови. Стараясь ничего не трогать, упаси бог нарваться на растяжку, Биал с напарником обследовали помещение.

Как не сложно догадаться, тайная партизанская база. Пусть небольшая, максимум на отделение, но хорошо оборудованная и автономная. В маленьком закутке туалет. В другом аппарат для регенерации воздуха. Возле стола валяется большой ящик из красного пластика. Биал осторожно поднял крышку.

На дне ящика пара цинков с пороховыми патронами и реактивная граната. Понятно: аборигены ушли и унесли с собой всё, что только смогли унести. Биал опустил крышку. Хорошо, что не успели заминировать.

— Ящер, давай сюда, — позвал Шалфей. — Прикрой меня.

Напарник нашёл ещё одну герметичную дверь с закруглёнными углами, но на этот раз приоткрытую. За ней ещё один уходящий вверх в темноту узкий туннель.

Сколько бы верёвочке не виться, а конца не миновать. Узкий туннель привёл к маленькой площадке с герметичной дверью. Можно было бы крутануть штурвал и отпереть её, но...

— Зил, перед нами запертая герметичная дверь. Вроде всё чисто, но лучше не рисковать, — доложил Шалфей.

— Хорошо, взорвите её, — разрешил сержант.

Взрыв сорвал дверь с петель, контрвзрыва не последовало. Биал, стараясь не отставать от напарника, идёт следом за Шалфеем. Небольшая пещерка и... вот она поверхность Свалки.

Вокруг всё та же каменистая пустыня. Над головой звёздное небо. Подфартило гадам, ураган снаружи стих. Цепочка следов на красном песке тянется из пещерки и пропадает через несколько десятков метров. Ветер, зараза, занёс все следы. Куда побежали аборигены — бог его знает.

Секретного прохода, партизанской базы и выхода на поверхность на официальной карте нет. Было бы удивительно, если бы они там оказались. Биал посмотрел на убегающую вдаль пустыню. В одном штабные стратеги оказались правы: второе отделение двадцать первого взвода нашло незарегистрированный выход на поверхность. Партизанам чуток сложнее будет.

— Отделение, внимание, — заговорил сержант Зилуч. — Ротному я доложил обстановку. Сюда будет направлена бригада сапёров для ликвидации незарегистрированного

выхода на поверхность. Нам приказано продолжить рейд.

Ну вот, Биал тяжело вздохнул. Опять лезть в эти чёртовы катакомбы.

Глава 21. Приманка и сачок

«Дюбель» штука, конечно, мощная, но уж больно тяжёлая. Особенно, когда за спиной осталось десять километров, а впереди ещё столько же, а то и в два раза больше. «Шуруп», правда, с пройденными метрами легче не становится, но тащить его, право слово, легче.

Чаг не просто шагает с «Шурупом» на плече, а несёт реактивную гранату в полной боевой готовности. Прицельное приспособление откинуто, указательный палец нервно елозит по кнопке «Пуск». Не пальнуть бы ненароком.

Говорят, вдвоём не так страшно. Чаг скосил глаза. Слева с «Шурупом» на плече шагает молодой боец по прозвищу Девятый. Шнык, как командир отделения, в метрах двадцати позади с основной группой. Чаг нервно сглотнул. Вроде не один идёшь, а всё равно страшно.

Партизанский отряд огибает очередной холм. По левую руку уходящая за горизонт каменистая пустыня Северного плоскогорья, по правую возвышаются горы кратера Финдос. Из-за валуна в каких-то сорока метрах показался «Муравей».

— Контакт! — крикнул Чаг и тут же пустил «Шуруп».

Молодой напарник сделал то же самое. Респ заметил их, повернулся было в их сторону, но поздно: яркие вспышки ИПРО не уберегли «Муравья». Первая граната напоролась на лазерные лучи, зато вторая отбросила респ за валуны.

Впереди показался ещё один «Муравей». Слева и справа от него вынырнули ещё парочка. Спаренные пулемёты открыли огонь.

— Мы под огнём! — Чаг рухнул на землю и откатился за ближайший камень.

— Не бзди, Непоседа, мы рядом, — ответил Шнык. — Отходите.

За спиной загрохотали автоматные очереди и заухал автоматический гранатомёт. Вокруг респов поднялись фонтанчики взрывов. Чаг улыбнулся, это их задержит.

Космические пехотинцы, нужно отдать им должное, быстро учатся. Так после двух успешных засад на дорогах, они отказались от патрулей на бронетехнике. Если раньше их можно было засечь издали по рёву движков и столбам пыли, то теперь партизанские отряды всё чаще и чаще натываются на пешие патрули буквально нос к носу. Пора преподать десантникам урок, чтобы жизнь мёдом не казалась.

Дружный огонь отделения заставил респов прилечь. Ни одна зараза не рискнёт высунуться. Чаг развернулся и пополз назад. На спине болтает ещё три «Шурупа», неудобно дюже, но они ещё понадобятся. Через десяток метров Чаг приподнялся и, не разгибая спины, побежал.

За камнем мелькнул тёмно-красный борг товарища по отделению. А потом ещё и ещё один. Метров через пятьдесят Чаг остановился и вытащил из-за спины «Шуруп».

— Шнык, я на позиции, — Чаг откинул прицельное приспособление.

— Отлично. Прикрывай нас.

Стрельба всё ближе. Мимо пробежал товарищ по отделению. Чуть дальше между камней показался «Муравей», Чаг вдавил кнопку «Пуск».

ИПРО респ сбила реактивную гранату. То, что нужно! «Муравей» окутался ярко-фиолетовым облаком, в которое тут же воткнулось несколько дымных следов.

— Отделение... В отрыв! В отрыв! — выкрикнул Шнык.

Пора делать ноги. На прощанье Чаг запустил в сторону респ гранату из подствольника.

Тем же путём, огибая холм, третье отделение торопливо отступает. Какой смысл врать?

Чаг рывком оглянулся — драпает со всех ног. У того, кто убегает всё же есть небольшое преимущество перед тем, кто догоняет. На него вся надежда.

— Непоседа! Дуплетом. «Шурупами» — приказал Шнык.

— Есть дуплетом! — Чаг завернул за ближайший валун и вытащил из-за спины предпоследний «Шуруп».

— Готов? — рядом остановился Шуруп.

— Да, — Чаг закинул реактивную гранату на плечо.

А вот и цель. Метрах в сорока на ровный пятачок между камнями выскочил «Муравей».

— Давай!

Гранаты разом ушли в респа.

А чёрт! Чаг отбросил пустой контейнер. Не получилось: одна граната напоролась на ИПРО «Муравья», вторая ткнулась в камень неподалёку.

— Бежим! — выкрикнул Шнык.

Вокруг свист пуль. За спиной тяжело топает Шнык. Чаг, словно заяц, петляет между камнями. Можно бы поднажать, но бросать друга нельзя. На войне друзья, напарники — самое главное. Прямо на ходу Чаг затолкал в подствольник гранату. «Шуруп» на спине болтается из стороны в сторону и так громко колотит по блоку жизнеобеспечения, что даже забивает тяжёлое дыхание.

— Держись, Шнык. Мы почти того! — выкрикнул Чаг.

Спасение рядом. Впереди широкий проход в небольшое ущелье. Ну же! Ещё немного!

Крупнокалиберные пули всё чаще и чаще с визгом отскакивают от камней в опасной близости. Враг рядом. Механическим «Муравьям» неведома усталость. А вот и свои. Чаг пробежал мимо притаившихся за камнями фигур в тёмно-красных боргах.

За спиной с утроенной силой загрохотали взрывы.

— Попались, идиоты, — Чаг остановился.

Сердце бешено колотится. Как всегда после резкой остановки окатило холодом. Тяжело дыша, Чаг опёрся о валун. Не-е-е... Бегать со смертью наперегонки занятие ни разу не благородное.

— Третье отделение, ко мне! — рядом притормозил Шнык.

Всё правильно: не смотря на изнурительный забег, Шнык собирает вокруг себя подчинённых.

Чувствовать себя приманкой не очень-то приятно, да и хлопотно. Но! Чаг улыбнулся, сработало! Чёрт побери. Патруль космических пехотинцев среагировал точно так, как следовало: тут же бросился в погоню и угодил в ловушку. На патруль навалился целый взвод. А это сорок человек с ручными и реактивными гранатами, а так же автоматическими гранатомётами. Недалеко от входа в ущелье земля встала дыбом.

— Проклятье, — тихо ругнулся Чаг.

Третье отделение собралось вокруг Шныка, но двоих солдат не хватает. Ещё у пятерых на руках и ногах наспех накинута тёмно-красная повязка, из-под которых сочится кровь. Даже вполне ожидаемая встреча с патрулём щедро оплачена кровью.

— Внимание, — заговорил Шнык.

Над головой раздался громкий хлопок. Ущелье тут же накрыл огненный вал. Взрывная волна опрокинула на землю. Чаг едва успел перевернуться на живот и вжаться в снег, как последовал новый хлопок и новый огненный вал взметнул тучи красной земли и снега.

Секунда.

Ещё один огненный вал прогрохотал дальше по ущелью. И тишина... Грохот и стрельба тут же смолкли.

Чаг оторвал голову от земли. Снег с песком посыпались с борга. Рядом зашевелился Шнык.

— Дружище, ты как? — Чаг попытался стереть с забрала красноватый снег.

— Хвала Создателю, — Шнык отряхнулся, — даже не ранен. Третье отделение, кто живой?

В любой ситуации Шнык остаётся командиром, почему его и произвели в ефрейторы.

— Жив, командир, — рядом из-под слоя земли и снега показался Девятый.

— Живее всех живых, — чуть в стороне отозвался Киянка.

Всего набралось пять человек. Последним, хромя на левую ногу, подошёл Зелёнка. Чаг бросил взгляд в сторону входа в ущелье. Что случилось с первым взводом и патрулём космических пехотинец непонятно.

Загрохотали выстрелы. Чаг инстинктивно упал на землю. Пулемётная очередь прошла Зелёнку навывлет. Солдат рухнул на снег как подкошенный.

Левее, метрах в шестидесяти, на камне стоит «Муравей» и во всю шпарит из обоих стволов. Чаг пальнул в него из подствольника. Рядом грохнул ещё один выстрел. Обе гранаты пролетели мимо, но всё же заставили «Муравья» убраться с глаз долой.

— Уходим! — Шнык вскочил на ноги. — Кому дорога жизнь — бегите!!!

Прямо из положения лёжа Чаг рванул что было сил. Какая может быть оборона? Сматываться надо!

Вот где пригодилось доскональное знание местности. Уж сколько здесь за четыре местных года похажено. До прихода Первого ударного пришлось чуть ли не на пузе проползти всё Северное плоскогорье и прилегающие к нему горы кратера Финдос.

Несмотря ни на какие уловки, противник не отстаёт. «Муравьи» упорно преследуют остатки третьего отделения. Время от времени за спиной грохочут выстрелы, а рядом в опасной близости свистят пули. Да и погода, Чаг мельком глянул вверх, как на грех великолепная. На зелёном небосклоне ярко сияет Дайзен. Даже ветер стих. Редкие тучки и те быстро тают. Не иначе за разбитым отрядом следят со спутника.

Словно стадо баранов, солдаты бегут за командиром. Но, Чаг едва не задел очередной валун, Шнык не просто драпает со всех ног, а уверенно ведёт маленький отряд вперёд и только вперёд. Что он задумал — бог его знает. На первом же привале Шнык жестами приказал соблюдать радиомолчание.

Наверно Шнык знает, что делает. Чаг сел прямо на землю и прислонился к камню. По крайней мере, им удалось опять оторваться. Уходить в горы опасно. Там их точно накроют в каком-нибудь ущелье. Нужно спрятаться под землю. Чаг оторвал затылок от камня. Но где?

За очередным поворотом показалась небольшая гора. На её склоне чёрный провал очень хорошо знакомый пещеры с условным номером пять дробь два. А! Чаг улыбнулся. Вот оно что. Ведь это наши горы. Они помогут нам.

Остатки третьего отделения с ходу заскочили в низкую пещерку.

— Непоседа, Девятый! Заминировать вход! — быстро, сквозь герметичный шлем, приказал Шнык. — Киянка — восток! Я беру запад.

— Есть заминировать! — отозвался Чаг.

Пещера знакомая, с запасами. Метрах в десяти от входа Чаг сдвинул с места малоприметный камень. В небольшом углублении шесть круглых мин. Ты смотри! Чаг

вытащил чёрный блинчик. Пригодились. Не зря, значит, за месяц до начала войны нычки делали. Всё пригодилось.

Киянка уже очистил от песка и снега заранее выдолбленные ямки у входа. Установить мины пара пустяков. Но прежде, Чаг кинул мелкий камешек в Шныка и ещё один в залегшего недалеко Киянку, боевое охранение лишним не бывает. И только когда товарищи по отделению спрятались в пещере, Чаг активировал мины и осторожно засыпал их песком со снегом.

Чаг с другом залеги недалеко от входа. Вовремя! Не прошло и пяти минут, как в пещеру заглянула стальная морда. Респ настороженно крутит головой, но, хвала Великому Создателю, не стреляет. Но вот «Муравей» осторожно шагнул во внутрь... От волнения вспотели руки, Чаг сжал последний «Шуруп». Неужели не сработает? «Муравей» замер в метре от первой мины. Или сработает? А дальше что?

Ох как хочется всадить в стальную башку последний «Шуруп». До респ считанные метры. Не успеет ни увернуться, ни сбить штурмовую гранату. Но не нужно. Главная задача на войне — выжить, а не принести себя в жертву.

— Великий Создатель, помоги. Подари творению твоему крупицу своего божественного внимания, — невольно зашептал Чаг.

Пронесло! Пятясь задом, «Муравей» убрался из пещеры. Чаг закрыл глаза и безвольно стукнулся лбом о землю. Силы враз оставили брэнное тело. Неужели сработало? Очень хочется верить и... очень страшно ошибиться.

Минуты текут мучительно медленно. Вход в пещеру мерцает яркой точкой где-то там, на той стороне жизни. До наступления темноты и думать нечего о возможности выбраться наружу. Неужели космические пехотинцы просто так взяли и ушли? Быть не может. «Муравей» заметил мины. Сто пудов заметил.

Прошло пять минут. Пятнадцать. Двадцать. Ничего.

Нервное ожидание потихоньку отпустило. Враг не проявляет никакой активности и слава богу. Чаг опустил «Шуруп» на землю. Невозможно всё время быть натянутым до предела, словно гитарная струна. Мышцы невольно расслабились. Натруженные безумной беготнёй ноги загудели. Усталость словно расплавленный воск стекает по коленкам на землю. Зато в голову полезли чёрные мысли.

Это что же получается? Чаг нахмурился. Да, они заманили патруль в ловушку, но на деле угодили в неё сами. Это же азы партизанской войны: пока борцы за свободу активно перемещаются по поверхности планеты, стрелять по ним бесполезно. Но! Стоит маломальски крупному отряду встать хотя бы на пару минут и обнаружить своё присутствие, как по нему тут же нанесут удар.

Вот оно что! Чаг сжал зубы. Ошибка! Отцы-командиры облажались по полной программе. Якобы угодивший в ловушку патруль стал тем самым якорем, который удержал вокруг себя целый взвод на целую минуту. Наказание последовало незамедлительно: какой-нибудь патрулирующий на огромной высоте АКИ тут же запустил высокоточные ракеты с кассетными боеголовками. Огненный вал оградил космических пехотинцев, а заодно накрыл первый взвод.

Из третьего отделения уцелело всего четверо, что стало с остальным взводом — неизвестно. Быстрее всего... Чаг напряг память, огненный вал ударил по засадной партии. Поэтому в третьем отделении, которое выполнило свою задачу и отошло с передовой, уцелело аж четверо. А патруль, чтоб ему пусто было, не пострадал. Высокоточное оружием

потому и называется высокоточным, что боеголовки падают в назначенное место с точностью до миллиметра.

Быстрее всего, первого взвода больше нет. От обиды и огорчения Чаг стукнулся шлемом о каменный пол. Народная армия и раньше несла большие потери, но... Если так и дальше пойдёт, то... Космические пехотинцы взялись за ум и на полноценную партизанскую войну ответили полноценной контрпартизанской войной. Чёрт побери! У них это здорово получается.

Так нужна ли эта самая независимость? Худо-бедно триста с лишним лет Дайзен-2 жил и развивался под пятой метрополии. И, нужно признать, отлично развивался бы дальше. Никакой войны! Никаких жертв! И так после каждой боевой операции состав третьего отделения обновляется почти полностью.

Если бы не война, если бы не эта чёртова независимость, то те парни, что остались сегодня навсегда в том проклятом ущелье, были бы живы. Чаг окинул взором маленькую пещеру. Да и сам сидел бы сейчас дома, или, ещё лучше, отплясывал бы со Шныком в какой-нибудь кабачке. А так лежишь в тёмной пещере в томительном ожидании, когда космические пехотинцы соизволят прикончить четверых загнанных в угол партизан. Проклятье!

От входа в пещеру долетело громкое протяжное скрежетание. От неожиданности Чаг едва не пальнул из штурмовой гранаты. Что это? Похоже на рёв реактивных двигателей. Не иначе к десантникам прибыло подкрепление. Тогда точно каюк. Может... Чаг неуверенно покосился на Шныка. Бежать, пока не поздно?

Чаг уже было повернулся к Шныку... Поздно рыпаться. Поздно бежать. Раньше нужно было. Теперь и респов и космических пехотинцев наверняка стало больше, точно не уйти. Чаг обречённо вздохнул. Наверно и в самом деле придётся пасть смертью храбрых в этой пещерке с условным названием «Пять дробь два». Печально.

К протяжному скрежетанию добавился дробящий звук. Чаг снова что есть сил вцепился в «Шуруп». Если уж придётся расстаться с жизнью, то по максимально возможной цене.

Но нет, это не штурм. Вход в пещеру по-прежнему сияет ярким пятном. Ни один респ или пехотинец не загораживает проход. Это... Это... Чаг с удивлением завертел головой. Это бур! Точнее, два, а то и три бура. Кажется, будто дробящий звук льётся со всех сторон. С потолка сыплются мелкие камешки. На каменном своде проступили мелкие трещинки. Шнык резко вскочил на ноги и энергичным жестом приказал бежать в глубь пещеры.

Перед приходом Первого ударного эту пещеру расшили и углубили метров на триста, не более. Чаг со Шныком отбежали от входа метров на сто и завернул за угол. Опасно, конечно же, но...

Дробящий звук разом прекратился. Шнык жестом приказал подчинённым залечь за камни и сам лёг недалеко от поворота. Остатки третьего отделения заняли оборону. Только зачем?

Минута. Вторая.

Не обращая внимания на энергичные жесты Шныка, Чаг осторожно выглянул из-за угла. В пещере по-прежнему пусто. Ни одни бур так и не пробил каменный свод. Они что, Чаг удивлённо покрутил головой, таким образом решили напугать их до смерти?

Мощный взрыв долбанул по ушам. Чаг выронил штурмовую гранату и попытался заткнуть уши. Куда там! Ладони упёрлись в шлем. Дрожь земли опрокинула на спину. Голова гулко ударилась о камень.

И сразу же наступила звенящая тишина. Чаг поднял голову. Слава Великому Создателю — жив! Но... Не видно ни черта. Слабое пятно света, вход в пещеру, начисто пропало. И, Чаг поскреб пальцами по каменному полу, не слышно. Неужели?

Яркий луч света пронзил пыльную тьму. Это Шнык включил фонарик на шлеме. Действуя на автопилоте, Чаг включил свой. В пещере сразу стало светлей. Шнык как ни в чём не бывало встал в полный рост и направился к выходу из пещеры.

— Непоседа. Иди сюда.

Голос Шныка доносится как будто из далека. Чаг потрянул головой. Слух, слава богу, испуганно и робко, но всё же возвращается. Герметичный шлем чудная вещь. Без него взрывная волна выбила бы к чёртовой матери барабанные перепонки.

Чаг поднялся на ноги и, волоча за собой реактивную гранату, подошёл к другу. Два фонаря высветили груды камней на месте входа. Космические пехотинцы не рискнули лезть в пещеру, а просто запечатали дыру.

— Умно, чёрт побери, — Чаг пнул мелкий камешек.

— Очень умно, — согласился Шнык.

Подземелья уравнивают солдат Народной армии и космических пехотинцев. Если бы не роботизированные системы поддержки пехоты, то хвалёные солдаты метрополии на каждом повороте харкали бы кровью.

— Командир! Что делать? — к завалу подошёл Девятый, за его спиной маячит Киянка.

Молодой на взводе. Ещё немного и сорвётся на крик.

— Как что? Отдыхать, — как ни в чём не бывало ответил Шнык.

— Но... — Девятый растерянно показал пальцем на груды камней.

— Да, отличная защита, — согласился Шнык. — Противник оставил нас в покое и вежливо закрыл дверь. Как стемнеет, уйдём. А пока отдыхать, я сказал.

Впервые с момента встречи с патрулём Чаг расслабленно улыбнулся. Шнык не просто привёл их в первую попавшуюся пещеру, а в заранее подготовленное укрытие как раз на подобный случай. Любое убежище с одним входом автоматически превращается в ловушку. Накануне войны пещеру не только углубили, но и сделали пару запасных выходов. Конечно, придётся поработать сапёрными лопатками и руками, но очистить пятиметровую нору от песка гораздо легче и быстрее, чем разобрать завал или пробиться через скалистый грунт.

— А! Ну да, — сообразил молодой. — Разрешите расположиться на отдых?

— Ложитесь всё, — разрешил Шнык, — я пока подежурю.

На всякий случай Чаг отошёл подальше от заваленного выхода и прилёг прямо на камни. Сон в борге не ахти какой, но то дело привычки. Главное найти относительно ровную площадку и хотя бы час времени.

Когда снаружи стемнеет, то им придётся выбираться из пещеры и ещё бог знает сколько километров добираться до своих. Да поможет Великий Создатель, да испортит погоду. Тогда они точно дойдут. В дождь, снегопад или метель заметить из космоса горстку людей практически невозможно. Главное, чтобы ветер был не слишком сильный.

Глава 22. Глубокий рейд

Тёмная зимняя ночь. Разведгруппа из пяти бойцов торопливо пробирается на север по среди огромной пустыни с выразительным названием Верхняя чисть. Чаг механически шагает следом за Шныком. За спиной тихо жужжит «Ползун», небольшой робот на широких гусеницах. На его грузовой платформе два центнера жизни: энергоблок, прибор для очистки и разложения воды, запас «похлёбки», боеприпасы и ещё куча крайне необходимых для выживания мелочей.

В очередной раз Чаг настороженно оглянулся по сторонам. Причин для волнений предостаточно. Как ни как, а впервые в жизни довелось оказаться за пределами кратера Финдос. Вроде и песок тот же, и разбросанные в изобилии валуны те же, и присыпанный красной пылью снег точно такой же и... совершенно другая, будто чужая, пустыня.

Говорят, в стародавние времена на старичке Миреме «чистью» называли непроходимые болота. На Дайзен-2 болот нет в принципе. Остаётся надеяться, что у первых поселенцев не было особых причин назвать огромную пустыню на севере от кратера Финдос Верхней чистью.

В этой пустыне полностью отсутствую какие-либо поселения, рудники и заводы. Только редкие метеорологические станции разбросаны на огромном расстоянии друг от друга, да ещё более редкие базы учёных. В двадцати километрах от кратера Финдос мало естественных укрытий. Если что, то не получится убежать в спасительные подземелья, куда космические пехотинцы так не любят соваться. Туннелей здесь просто нет. Верхняя чисть, как и полторы тысячи местных лет тому назад, дикий, не обжитой край.

Отряд быстро углубляется в пустыню. Лёгкий ветерок замечает следы. Нужно уйти как можно дальше от кратера Финдос. Ибо чем дальше на север, тем меньше вероятность наткнуться на патруль. Скоро рассвет, а значит долгожданный отдых.

Полтора месяца Первый ударный висит над Дайзен-2. Первая неделя вторжения была наполнена активными боевыми действиями. Авиация противника разнесла в пух и прах кучу ложных фортов, а отряды космических пехотинцев захватили все поселения на юге кратера Финдос. Целый батальон попытался было взять столицу, но только сгинул в её глубинах. В ту же ночь партизаны пошумели возле Главных ворот и всё. Началось то, что на языке военных называется «вооруженный конфликт низкой интенсивности». Иначе говоря, Чаг поправил на плече ремень «Надежды», изматывающая физически и духовно война на истощение.

Последние четыре недели промелькнули как один день. Бесконечные рейды, засады, мины, липовые радиостанции и прочие способы побеспокоить противника и нанести ему максимально возможный ущерб. Или, если честно, нагадить на пороге, позвонить в дверь и убежать. Шуму много, толку мало. Былая уверенность в скорой победе над метрополией поблекла, накренилась и покрылась толстым слоем ржавчины. И вот новое на этот раз самое опасное задание.

Три дня назад Чага вместе со Шныком вызвали в Зону № 1. В аскетичном кабинете с бетонными стенами и стальным столом с ними лично беседовал полковник Курдан, командующий Первым полком Народной армии. Очень понравилась огромная карта кратера Финдос на стене за спиной полковника, а вот то, что он сказал— не очень.

Повезло, так сказать. Оказывается они со Шныком самая что ни на есть фортовая

парочка: с самого что ни на есть первого дня в Народной армии, прошли через множество боевых операций и даже ни разу не зацепило. По этой причине полковник Курдан решил доверить им очень важную и ответственную миссию. Чаг печально вздохнул. Нужно разыскать главный лагерь космического десанта. Во как!

Полковник Курда, стоя возле огромной карты на стене своего кабинета, ткнул тонкой указкой в маленький кратер в сорока километрах на север от кратера Финдос. Там, по предположению разведки, находится этот самый главный базовый лагерь. Как показали многочисленные наблюдения, именно с этого направления приходят «Торнадо» с космическими пехотинцами. Да и место очень удобное. Логично предположить, что именно там, в Изумрудной долине, находится главный базовый лагерь.

Шныка назначили командиром разведгруппы и дали в подчинение ещё троих таких же проверенных временем и удачей ветеранов. Самым большим и крайне полезным подарком стал «Ползун». Всё же приятно идти практически налегке, а не вьючным ослом с неподъёмным рюкзаком на плечах.

Небо на востоке светлеет всё больше и больше. Скоро рассвет, пора искать убежище. К счастью, рядовой Сергун по кличке Барсук очень вовремя заметил наполовину засыпанную снегом пещерку. Пришлось поработать сапёрными лопатками, зато получилось отличное убежище. Что ни говори, а зима имеет свои плюсы.

Когда окончательно рассвело, Шнык выбрался наружу и сориентировался на местности. До Изумрудной долины осталось всего 15 километров, вполне реально дойти за ночь. В этой же пещерке решили заложить базу и спрятать «Ползуна». Ну а пока спать, спать, спать. Чаг соорудил из снега «прямоугольную кровать» и с превеликим удовольствием бухнулся в её мягкое нутро.

На следующую ночь, едва стемнело, разведгруппа покинула гостеприимную пещеру. Чаг довольно потянулся. Отоспался просто прелесть. Жаль, то же самое нельзя сказать об ужине. «Похлёбка» как всегда отвратна на вкус. Чаг сделал несколько глотков и привычно поморщился. Так оно и было задумано, чтобы в долгом походе солдат не съел и лишнего грамма ценного продовольствия сверх необходимого минимума. Иначе говоря, никакого удовольствия, только наполнение организма необходимым запасом белков, жиров, углеводов и витаминов.

Скорым шагом разведгруппа двинулась на север, но, едва пройдя с пяток километров, Шнык резко остановился.

— Ни хрена себе! — воскликнул Шнык.

— Противник? — Чаг крепче сжал автомат и настороженно заоглядывался по сторонам.

— Хуже! Вон там, у большого валуна, — Шнык показал в сторону.

Разведгруппа подошла ближе.

— Ни хрена себе! — невольно воскликнул Чаг.

Возле большого валуна, прислонившись к нему спиной, сидит наполовину занесённый снегом солдат Народной армии. Борг цел, но, Чаг присел рядом и взглянул на индикатор на левой руке. Так и есть: кислород на нуле.

— Повреждений нет, — Чаг поднялся на ноги. — Он задохнулся.

— Похоже, мы не первые, кого полковник отправил в Изумрудную долину, — задумчиво произнёс Шнык.

Чаг недовольно поморщился. Неприятно чувствовать себя расходным материалом. Но такова логика войны. Раз уж ввязался в драку за независимость, то терпи и пытайся выжить.

— И почему он не предупредил нас? — обиженно пискнул Барсук.

— И тебе стало бы от этого легче? — вопросом на вопрос ответил Чаг.

— Ну... Не знаю, — Барсук смущённо замялся.

— Отставить разговоры, — Шнык вовремя оборвал никчёмную дискуссию. — Значит так: хороним бойца и поворачиваем обратно к «Ползуну».

— Неужели возвращаемся? — удивлённо воскликнул Барсук.

— Я те дам возвращаемся! — Шнык поднёс к забралу рядового Сергуна сжатый кулак. — Брать Изумрудную долину в лоб слишком опасно. Пойдём в обход.

Чаг печально кивнул. Топать лишние десятки километров крайне неохота, но Шнык прав: на войне кратчайший путь далеко не всегда самый близкий.

До конца ночи разведгруппа заложила новую базу в километрах десяти восточней Изумрудной долины. И только на третью ночь, сделав изрядный крюк, они подошли к северному краю небольшого кратера.

Если припомнить школьный курс истории и географии, то в Изумрудной долине не нашли ни одного изумруда. Долина представляет из себя очень древний метеоритный кратер диаметром около десяти километров. За миллионы лет эрозия разрушила стенки кратера настолько, что от бывшего кольца осталось всего несколько невысоких холмиков. Самый крупный из них получил название гора Каснара, хотя высоты в этой так называемой горе не больше 150 метров.

Разведгруппа, выстроившись в цепочку, поднимается по северному склону Каснары. Эх! Ледоруб, с которым альпинисты ползают по горам, сейчас был бы очень кстати. Но, приходится обходиться без него. Чаг то и дело касается склона руками. Сейчас выяснится: стоило ли тащиться лишние 30 километров, или нет?

Вот и гребень горы.

— Аккуратней. Не высовывайтесь, — Шнык вытащил из кармана разгрузки портативную видеокамеру.

— Есть не высовываться, — привычно отозвался Чаг.

Как бы не было унижительно, но последние десять метров придётся проползти на четвереньках. Осторожно, стараясь не делать резких движений, Чаг выглянул из-за гребня горы.

Да-а-а... Чаг устало лёг на живот и вытащил бинокль. Нашли. Он действительно здесь. С гребня Каснары Изумрудная долина как на ладони. На южной оконечности, под прикрытием Центрального холма, находится Главный лагерь космического десанта. Логово врага, так сказать.

— Превеликий Создатель, насколько же он большой, — тихо прошептал Барсук.

С расстояния в десять километров отлично видны многочисленные закопанные в землю мобильные модули, боевые установки и бог знает что ещё. В центре ровная площадка с десятью реактивными вертолётами «Дрозд». Чаг невольно поёжился: на что способен такой вертолёт отлично помнится ещё со времён победы над Первым крейсерским флотом. Будь у десантника не десять, а десять сотен подобных машин, то партизанам пришлось бы ходить по Северному плоскогорью на цыпочках.

— И зачем мы только в это ввязались...

Чаг скосил глаза в сторону друга. Шнык, как будто ничего и не говорил, прилежно водит видеокамерой из стороны в сторону. Проболтался. Ненароком.

Одновременно приятно и противно осознавать, что не только на Шныка произвели

впечатление мощь и размах далёкой метрополии. Ведь все эти универсальные модули, вертолёты, танки, БМП и пехоту привезли аж за 19 световых лет. А ведь ещё на орбите висит самая большая дубинка метрополии — Первый ударный флот. Это же... Это же... Такая сила! Не дай бог адмирал Крилл пустит в ход ядерное оружие. Тогда кратер Финдос вновь превратится в безжизненную пустыню.

— Наше задание выполнено, пошли отсюда, — Шнык затолкал обратно в карман портативную видеокамеру.

Чаг бросил последний взгляд на Главный базовый лагерь. И действительно — зачем только ввязались? Пятясь задом, Чаг осторожно отполз от гребня горы.

Приближаться к лагерю опасно, мало ли каких систем охраны понатыкано вокруг него. И так почти рассвело.

— Там, ниже по склону, небольшая пещера. Укроемся на день, — решил Шнык. — Чайник, оставайся снаружи. Наблюдай за окрестностями.

— Есть наблюдать за окрестностями, — отозвался рядовой Эмчанин.

Маленькая запрятанная на северном склоне Каснары пещерка далеко не номер люкс, но она всё же даёт хоть какое-то укрытие и комфорт. Чаг поискал место для сна. Не исключено, что через час придётся ползти на гребень горы и менять Чайника. Пока есть возможность, нужно спать. Следующая ночь будет длинной.

Но... Что это? Чаг присел возле подозрительного камушка. И как только обратил на него внимание? Плоский такой камешек, слишком плоский, а, главное, чёрный. Чаг осторожно отгрёб от подозрительной находки песок. Да ещё круглый к тому же.

— Что у тебя там, Непоседа? — за спиной остановился Шнык.

— Не знаю, но мне это не нравится, — ответил Чаг.

Та-а-ак... Осторожно орудуя руками, Чаг подкопал подозрительный камень. Странная находка перевернулась и шлёпнулась в маленькую ямку.

— Чёрт побери! — удивлённо воскликнул Чаг.

В центре чёрного камешка чуть заметно пульсирует красный огонёк.

— Уходим! Срочно! — что есть сил гаркнул Шнык.

Чаг подхватил автомат и рванул на выход. Разведгруппа, словно спасаясь от диких медведей, вылетела из пещеры.

— Командир! — по слону в страшной спешке съезжает Чайник. — Из Лагеря в нашу сторону направляются два «Дрозда».

— Прячемся!

Из-за гребня горы вылетел вой реактивных двигателей. Поздняк метаться. Чаг вжался в первую попавшуюся щель и накинул на себя маскировочную накидку.

Вовремя. Из-за горы с оглушительным воем вынырнули «Дрозды». Реактивные вертолёты зависли точно над входом в пещеру и открыли пулемётный огонь.

Ливень крупнокалиберных пуль наполнил пещеру. Чаг едва не задохнулся от страха. Будь они там, то непременно обзавелись бы парой сотен лишних дырок каждый. Под таким углом пещера простреливается насквозь.

Чаг едва не взвыл от обиды. Это на до же — едва не попались, как дети малые. Космические пехотинцы превратили эту пещеру в ловушку. Всего то и делов положить датчик движения или детектор радиосигналов. Надо уходить, пока «Дрозды» заняты.

Струи реактивных выхлопов подняли вокруг пещеры тучи песка и снега. Маскировочную накидку едва не унесло. Чаг пополз вниз по склону, но Шнык усиленно

показывает на вершину горы. Туда! Туда! И только туда!

Не раздумывая, Чаг развернулся на 180 градусов. Только зачем? Следом поползли Барсук, Гур и Чайник. Последним, как и полагается командиру, Шнык.

Бегать на перегонки со смертью приходилось, и не раз, а вот ползать — это впервые. Чаг, энергично работая руками и ногами, изо всех сил ползёт по склону горы. Вот и гребень. Последнее усилие... Чаг перевалился на южный склон. Вой реактивных движков и треск пулёмётных очередей сразу стал тише.

Но зачем? Чаг оглянулся. Через гребень перевалили товарищи по отряду. Последним, едва не скатившись кубарем, показался Шнык. Чаг сердито сжал кулаки. Надо бы уходить на север, поглубже в пустыню. Здесь же, под носом у врага...

К завыванию «Дроздов» добавился ещё более оглушительный рёв. Со стороны Главного лагеря быстро приближается парочка «Торнадо».

Ну правильно! Чаг скатился ниже по склону и накрылся маскировочной накидкой. Шнык в очередной раз проявил чудеса прозорливости. В помощь к «Дроздам» выслали не меньше двух отделений пехотинцев. В первую очередь десантники займутся прочёсыванием северного склона Каснары.

«Торнадо» над головой, Чаг глубже вжался в склон. Выход один — идти на юг и попытаться проскользнуть под самым носом у противника. Остается надеяться, что такой наглости десантники не ожидают.

Внутри Изумрудная долина заполнена песком и мелкими камушками. Как хорошо, что сейчас разгар зимы. Под ногами чуть слышно хрустит утрамбованный ветром и морозами снег. Следов практически никаких. Да и те, что остаются, быстро стирает лёгкий ветерок. Но погода, чёрт побери, опять хоть детишек на прогулку выводи.

Чаг с опаской глянул на Лагерь. Дайзен ярко освещает Изумрудную долину. Редкие серые облака время от времени лишь слегка прикрывают огненное светило. Раздолье для «Дроздов». Хорошо, что почти полдень. Тени на плотном снегу не очень длинные. А то было бы вообще крышка.

Легкой трусцой, построившись в длинную шеренгу, разведгруппа торопливо убегает от Каснары по краю Изумрудной долины. Нужно во что бы то ни стало добраться до пролома на восточном склоне. С наступлением весны талая вода стекает со склонов в долину. А когда озеро переполняется, то излишки воды уходят в пустыню через промытое русло. Только бы добраться до него. Только бы. Но для этого придётся пройти в каких-то двух километрах от Главного лагеря.

Еще никогда в жизни какие-то жалкие семь километров не казались такими длинными. Да ещё яркий день пугает до дрожи в коленках. Кажется, будто Дайзен не просто светит на зелёном небосводе, а орёт во всё горло и указывает на несчастных партизан многочисленными стрелками. А, между тем, логово врага всё ближе и ближе.

О том, что творится на северном склоне Каснары — лучше не думать. Прямо на ходу Чаг торопливо обернулся. Вслед за двумя «Торнадо» в ту же сторону летит ещё парочка десантных челноков. Ох, не к добру.

Из-под снега показались обточенные водой валуны. Наконец-то сухое русло. От радости Чаг побежал ещё быстрее. Разведчики увеличили скорость. Хоть какое-то укрытие. Идти по камням труднее, чем по ровному насту, зато партизан больше не видно из Лагеря. Превеликий Создатель, неужели пронесёт?

До спасительного спуска в пустыню каких-то полкилометра. Но тут в шлеме тревожно

запиликал детектор радиоизлучения. Чаг рухнул на снег. Следом упали товарищи по отряду.

Но сигнал не унимается. Ну конечно же — десантники не оставили, не могли оставить без присмотра такой удобный вход в Изумрудную долину. По-пластунски, перебирая руками и ногами, Чаг пополз дальше. Где-то здесь спрятан радар. Пусть солдаты Народной армии носят боевые модели боргов, а поверх ещё маскировочные накидки, но в амуниции достаточно металла, чтобы радар засёк солдат с близкого расстояния. Лежать ещё опасней, драпать надо.

Шнык словно читает мысли. Командир разведгруппы поднялся в полный рост и, энергично махнув рукой, побежал. Чаг резво вскочил на ноги. Сейчас сама жизнь зависит от скорости ног.

От тревожного писка детектора раскалывается голова. Чаг заметно обогнал друга. К чёрту маскировку! К чёрту следы! Бежать, бежать и ещё раз бежать. Едва не спотыкаясь о камни, Чаг выскочил из прохода между холмами. Осталось преодолеть пологий спуск. А там... Это наша земля! Она поможет нам!

Чаг поднажал что было сил и с разгону плюхнулся на живот. По инерции, да ещё под горочку, понесло вниз. Как в детстве на саночках. Но тут над головой раздался свист, а земля впереди встала дыбом.

Взрывная волна приподняла над землёй и отбросила назад. Шейные позвонки отозвались хрустом и болью. Чаг вновь вскочил на ноги. Где Шнык? Неужели накрыло? Некогда! Некогда искать! Скорей! Скорей выйти из-под огня!

Над головой снова свист и снова земля встала дыбом. То ли от бессилия, то ли от безделья, десантники шпарят по убегающим из «Млад», самоходных артиллерийских установок. Писк детектора сверлит уши. Не иначе, гады, по радару наводят. Чаг припустил зигзагом. А толку! Если рядом рванёт 210 миллиметровый снаряд всё равно не поможет.

Свист и взрывы. Свист и взрывы. «Млады» во всю обрабатывают спуск в пустыню. Все мысли из головы вон. Чаг затравленным зайцем бежит напролом. Кажется, будто огромные кусты взрывов окружают со всех сторон и сжимают, сжимают кольцо. Ещё немного и капец.

Спуск закончил, Чаг выбежал из сухого русла. Под ногами заскрежетали маленькие камешки. Талая вода выносит из древнего кратера не только песок.

Ещё немного! Ещё чуть-чуть! Вот она — Верхняя чисть. Рукой подать!

За спиной в опасной близости рванул очередной снаряд. Взрывная волна толкнула в спину, сбила с ног и протащила по земле. Сверху нахлынула волна песка и камней. Неужели конец?

Вроде нет. Чаг слегка повертел головой. Такая встряска из кого хочешь дух вышибет. Но, видать, Великий Создатель всё же скосил в его сторону левый глаз. Чаг слабо пошевелил руками и ногами. Точнее, попытался пошевелить. На спину давят песок и камни. Голова гудит, в висках стучит, а по коже гуляет мороз. Но — жив! Жив! Все чертям назло жив.

Чаг ещё разок пошевелился. Вроде цел. Вокруг по-прежнему ухают взрывы. Каждый раз будто молотом по ушам. Сверху опять посыпались камешки, а сердце испуганно дёрнулось.

Бежать! Спасаться! В последний момент Чаг до хруста в зубах сжал челюсти. В короткой яростной схватке разум взял вверх на эмоциями. Чаг так и остался лежать под слоем песка и камней.

Великий Создатель есть, и он помогает творениям своим. Пусть не всегда, пусть подчас самым невероятным образом, но помогает. Выскочить из-под завала смерти подобно. Пока по спуску в пустыню и прилегающему пяточку стреляют «Млады». После обязательно

прилетят «Дрозды», а там и пехотинцы с респями подтянутся. День в разгаре, погода супер — враз найдут. Тогда как под грудой камней и песка тяжело и страшно, зато хоть какой-то шанс отлежаться.

Вокруг ухают мощные взрывы. Голова гудит как колокол, того и гляди треснет от напряжения. Так и оглохнуть недолго. Очередной снаряд разорвался почти рядом. Тело испуганно дёрнулось. Но Чаг уже взял себя в руки. Медленный вдох и выдох... Медленный вдох и выдох... Вдох... Выдох... Обстрел, наконец-то, прекратился.

Земля давит на спину и живот. Трудно дышать. Борг, при всей своей прочности, не обладает жёсткой конструкцией. Руки и ноги затекли, но шевелиться ни в коем случае нельзя. Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Дыхательная гимнастика помогла, сердце перестало бешено колотиться. Сверху долетел рёв реактивных двигателей. Ну вот и «Дрозды» пожаловали. Вдох... Выдох... Ни к чему шевелиться. Кисти и ступни потеплели. Кровь быстрее побежала по расслабленному телу. Не нужно шевелиться, не нужно. Усталость и нервная перегрузка после бешеной гонки нашли выход, Чаг окончательно расслабился и впал полуобморочное состояние.

Как хорошо дома. Лежишь себе на животе под тёплым одеялом и балдеешь... После трудного экзамена и сытного ужина за одним столом с родителями, братиком и сестрой так приятно расслабиться. Удобно, тепло. Ещё бы на спину перевернуться.

Чаг открыл глаза. Обстрел давно прекратился, а «Дрозды» улетели. Тишина такая, что слышно, как шелестят песчинки над головой. На спину по-прежнему давит слой песка и камней. Что же делать? Сколько прошло часов? Что сейчас? День? Или уже ночь? Вопросов много, но лучше перестраховаться. Чаг вновь попытался расслабиться и принялся считать.

— Тысяча двести восемьдесят один. Тысяча двести восемьдесят два, — медленно, балансируя на грани между сном и явью, бормочет Чаг. — Тысяча двести восемьдесят три. Тысяча двести...

Что это? Чаг насторожился. Над головой снова что-то воет. Неужели «Дрозды» вернулись? Но нет. Это ветер. Конечно же ветер. Великий Создатель укрыл песком от глаз врага, а теперь послал непогоду. Завывание метели трудно с чем-либо спутать, ибо сколько их пришлось переждать во время бесконечных учебно-боевых рейдов. Можно выбирать.

— А чёрт, — тихо ругнулся Чаг.

Не смотря на расслабленное состояние, руки и ноги изрядно затекли. Стоит слегка пошевелить рукой, как миллионы острых иголок без малейшей жалости впились в ладонь. С ногами не лучше. Такое впечатление, будто стоишь на битом стекле.

Чаг, не обращая внимания на боль, подтянул под себя колени и поджал руки. Господи! Больно то как! Наконец Чаг приподнялся на четвереньки. Песок и камни ручьями потекли с борга. Зато противная тяжесть, что так долго давила на спину и грудь, быстро отпустила. Дышать стало легко и свободно. А главное — молчит детектор радиоизлучения. Значит, удалось таки выбраться из зоны действия радара.

Как прекрасен мир! Стряхнув с плеч остатки песка, Чаг выбрался на поверхность. Снаружи уже стемнело. Не видно ни «Дроздов», ни космических пехотинцев, вокруг усеянное большими воронками поле.

Подниматься в полный рост всё же не стоит. Чаг снова лёг на землю. Но... куда двигаться? Чаг, действуя на ощупь, подтянул к забралу правую руку и откинул клапан со встроенного в борг компаса. В потёмках ни черта не видно, но на магнитной стрелке и делениях на круглой шкале нанесены фосфорицирующие метки.

Та-а-ак... Север там. Значит восток вон там. Не поднимаясь, Чаг пополз прочь от Изумрудной долины. Позёмка укрывает завесой из сухого снега и быстро заметает следы.

Вот уж никогда не думал, что ползти в ночь, в метель, натыкаясь в темноте на камни и воронки от снарядов, превеликое удовольствие. Но так оно и есть. Лежать под грудой песка и камней, боясь шевельнуть хотя бы пальчиком, гораздо хуже. Чаг активно перебирает руками и ногами.

Как приятно быть живым, двигаться, шевелиться. Наконец Чаг рискнул подняться на ноги. Датчик радиоизлучения молчит, значат радара можно не бояться — отличная новость. А теперь вперёд и только вперёд.

Ориентируясь по компасу, Чаг прошагал всю ночь. Ближе к рассвету метель стихла. А, когда окончательно рассвело, удалось сориентироваться на местности и найти запрятанный в укромной пещерке «Ползун».

За ночь метель намела большой сугроб. Если бы не приметный камень в виде сдвоенного треугольника, то можно было бы легко пройти мимо и ничего не заметить. Пришлось поработать сапёрной лопаткой. Зато, трясушимися от волнения руками, Чаг заменил кислородные баллоны. Ещё бы пара часов и запросто можно было бы разделить участь задохнувшегося солдата. Закусив «похлёбкой», Чаг завалился спать.

Но... после стольких тяжких испытаний и потрясений сон не идёт. Чаг только понапрасну ворочается с боку на бок. На тренировках и то легче было. В пещере темно. Рядом, только руку протяни, стоит «Ползун» с двумя центнерами жизни. Главное — жив и невредим. Но... Один. Совершенно один.

Только ради того, чтобы командование Народной армии убедилось в наличии в Изумрудной долине Главного лагеря космического десанта, погибло четверо отличных парней, в том числе и Шнык, единственный и незаменимый друг. Ещё в детском садике рядом на горшках сидели. Сердце сжалось от невозполнимой утраты. А сколько ещё разведгрупп так и не дошло до Изумрудной долины, или не смогло вернуться? Полковник Курдан ни за что не скажет. Так стоило ли оно того?

Чаг в озлобленном бессилии перевернулся на спину. Вот что ему лично, рядовому Чагу... К чёрту! Гражданину Чагу Ратагу принесёт независимость? Если разобраться... ничего. Как был рядовым по жизни, так и остался бы им.

Под «эксплуататорской пятой Федерации Мирема» работал бы себе инженером по очистным сооружениям широкого профиля и в ус бы не дул. Между прочим, инженер по очистным сооружениям очень популярная и уважаемая на Дайзен-2 профессия. А так самозванное Независимое правительство превратило его в рядового солдата, чья жизнь стоит недорого и которого вполне можно послать на безнадежное задание. Насмерть, можно сказать.

Чаг тяжело вздохнул и снова перевернулся на левый бок. Как ни кинь, всюду клин. Зато под «эксплуататорской пятой» не пришлось бы убегать от 210 миллиметровых снарядов, лежать несколько часов подряд под грудой песка, а потом, словно зверь загнанный, всю ночь уходить на восток. Работал бы себе на очистных сооружениях, зарабатывал бы на жизнь не хуже большинства жителей Дайзен-2. А по выходным играл бы себе в войнушку в пэйнтбольном клубе и отмечал бы очередные «победы» вместе со Шныком в «Зелёной горошине», в маленьком уютном ресторанчике, которым владеют родители друга.

— Или уже не владеют, — вслух сам себя поправил Чаг.

С приходом Первого ударного столица колонии, некогда многолюдный и шумный

город, превратилась в поле боя. Из распахнутых дверей «Зелёной горошины» уже более не доносится обалденный запах жаренной говядины по особому рецепту матушки Шныка. А по самой Гороховой улице уже невозможно пройти без борга. Незаметно Чаг всё же уснул, словно погрузился в небытие.

Шорох и громкое сопение прозвучали словно раскат грома. Чаг моментально проснулся и схватил автомат. Указательный палец упёрся в спусковой крючок. В пещеру кто-то ломится. Прежде, чем лечь спать, Чаг засыпал вход, но теперь в маленькую пещерку вновь пробиваются полоски света.

Чаг перевернулся на живот. Неужели выследили? Гады! Тогда... Почему не пустили вперёд «Муравья»? На всякий случай Чаг всё же убрал палец со спускового крючка.

Между тем неизвестный залез в пещеру, но вдруг резко дёрнулся назад.

— Кто здесь?

Выразительно щёлкнул затвор.

— Шнык! Дружище! Живой! — вне себя от радости Чаг попытался вскочить на ноги, но только гулко припечатался шлемом о свод пещеры.

— Непоседа? — удивлённо воскликнул Шнык. — Ну ни хрена тебя не берёт! Я же сам видел, как тебя «Млада» накрыла.

— А вот и хрена! — Чаг выбрался из пещеры и сжал в объятиях старого друга.

Это надо же: тот, кого успел похоронить, жив! Цел! И даже невредим!

— Шнык, Шнык. Да как же так! Я ж тебя похоронил, — едва не плача от радости, признался Чаг.

— Так ведь и я тебя, дружище, тоже, того, успел, — чуть не всхлипывая, объяснил Шнык. — Сам же видел, того, взрыв.

— Рассказывай! Рассказывай! Как тебе удалось выбраться?

— А вот так и удалось, — Шнык отпустил Чага. — Я из зоны обстрела выбрался. Почти. Оглянулся... А и нет никого. Дальше рванул. В щель какую-то забился. Тут, к счастью, меня землей засыпало. Так и просидел, пока «Млады» нас утюжили, а потом «Дрозды» сверху поливали. Насилу ночи дождался и ушёл. Но отклонился сильно, часа три «Ползуна» искал. А как ты сумел выбраться?

— Да также, как и ты.

Чаг самым подробным образом рассказал, как тот самый взрыв не убил, а только сбил с ног и засыпал землёй. Как лежал в полузабытьи и считал в ожидании ночи. Как потом выбрался и сумел дойти до «Ползуна».

Как бы не была велика радость от встречи, но они оба сильно устали. Шнык заменил кислородные баллоны, хлебнул «похлёбки» и завалился спать. В пустыне снова установилась отличная погода. Ни к чему маячить на поверхности.

Друзья великолепно отоспались, ещё раз перекусили, но... к наступлению ночи никто более так и не вернулся.

— Фартовые мы с тобой, — печально заметил Шнык. — Пошли давай. Если кто из ребят и выжил под снарядами «Млад», то у них всё равно закончился кислород.

— Пошли, — нехотя согласился Чаг. — Только давай, на всякий случай, оставим кислород и «похлёбку».

— Давай, — не стал возражать Шнык.

Едва окончательно стемнело, как друзья отправились в обратный путь. Всего через пару переходов они доберутся до Зоны № 2 и будут в безопасности. Цена десятиминутной записи

на портативной видеокамере в кармане разгрузки Шныка — ровно три человеческие жизни.

Глава 23. Обед в кают-компании

— Приятного аппетита, уважаемый, — стюард, с отточенным до совершенства поклоном, поставил на стол перед Рекоу тарелку с зелёным салатом.

— Благодарю вас, — ответил Рекоу.

Лёгкая закуска перед основным блюдом в виде слегка спрессованного цилиндрика. Сверху зелёная веточка укропа. Рекоу вилкой разворошил цилиндрик. Вроде салат как салат: кусочки мяса, картофеля, огурца, морковки и чего-то там ещё. Рекоу подцепил аппетитные кубики на вилку и отправил их в рот. Укроп, быстрее всего, натуральный. А вот всё остальное, Рекоу прожевал и проглотил, стопроцентная синтетика.

Впрочем, на борту боевого корабля глупо ожидать чего-то большего. Радоваться нужно, что команду линкора кормят пусть и синтетической, но почти настоящей едой. Солдатам на поверхности Свалки вообще приходится довольствоваться противной «похлёбкой». Рекоу заработал вилкой.

Каким бы огромным не был бы линкор «Ингар», каким бы просторным не был бы его вращающийся модуль, но жилое пространство с почти нормальной гравитацией всё равно в большом дефиците. В кают-компании, она же столовая, собрались офицеры линкора.

Рекоу отправил в рот очередную порцию салата и блаженно улыбнулся. Если не обращать внимания на едва уловимый привкус синтетики, то в столовой линкора кормят почти как в самом настоящем ресторане. Главное, здесь можно перекусить по-человечески: сидя на стуле за круглым столом с белой скатертью, а не болтаясь в невесомости с тубиков в зубах всё той же мерзкой «похлёбки».

— Разрешите присесть. Надеюсь, я вам не помешаю.

Рекоу поднял глаза. Возле столика стоит контр-адмирал Нинчан, капитан линкора «Ингар». В таблице о рангах Первого ударного он занимает второе место после адмирала Крилла.

— Да, да. Прошу вас, присаживайтесь, — вежливо разрешил Рекоу.

Отодвинув стул, контр-адмирал присел рядом. Тут же появился стюард и разложил перед капитаном столовые приборы. Последним на белоснежной скатерти появилась тарелочка с салатом, столовая линкора всё же не ресторан, меню и винной карты здесь нет.

Внешне контр-адмирал Нинчан образец старого космического волка. Среднего роста, подтянутый и ухоженный. Офицерская форма блестит безукоризненной чистотой и выправкой. Пусть контр-адмирал тщательно следит за собой, но возраст всё равно берёт своё: коротко стриженные волосы Нинчана давно поседели.

В принципе, контр-адмирал человек неплохой, можно даже сказать порядочный. Не отъявленный карьерист, место капитана линкора заслужил долгой и честной службой. Говорят, это его должны были назначить командующим Первым ударный флотом, когда адмирал Шнобир ушёл в отставку. Впрочем, Рекоу насторожился, контр-адмирал не зря присел за этот столик. Офицеры «Ингара» предпочитают собственную компанию. За два месяца Рекоу привык обедать в одиночестве.

— Утус Рекоу, — заговорил контр-адмирал, — Не желаете спуститься на поверхность? Размять, так сказать, ноги. Не надоело ли вам сидеть взаперти?

— О нет. Что вы, — Рекоу отреагировал как полагается: в меру бурно, в меру сдержанно. — Вы же прекрасно знаете, что, согласно пункту 15 моего контракта, никто,

даже адмирал Крилл, не имеет права приказать мне покинуть борт линкора. К тому же, я читал сводку погоды: на кратер Финдос надвигается сильный шторм. Боюсь, мою вязанную шапочку унесёт ветром.

— Конечно знаю, уважаемый, — примирительно произнёс контр-адмирал Нинчан. — Мы вот тут гадаем: неужели вы и в самом деле боитесь пресловутого проклятия Свалки?

Рекоу отодвинул в сторону пустую тарелку. Ловкий стюард тут же её унёс.

— Да, боюсь. И совершенно не стыжусь в этом признаться, — ответил Рекоу.

— Но это же... суеверие.

— Может быть и суеверие, — легко согласился Рекоу. — Но я не хочу проверять его на себе. Я и так прожил на этой планете больше двадцати лет. Поверьте мне: это были далеко не лучшие годы. Тюрьма, рудники, крошечные островки зелени под куполами, простоватые аборигены и злые на весь мир заключённые. Один раз Свалка отпустила меня. Испытывать судьбу повторно я не желаю.

Стюард принёс первое блюдо, наваристый суп с теми же веточками укропа и тарелочку с аккуратно порезанными кусочками хлеба.

— Признаюсь, — контр-адмирал Нинчан отломил кусочек хлеба, — Среди офицеров давно ходят самые невероятные байки о том, как вы увезли на Мирем вашу старшую дочь. А вот спросить у вас подробности никто не решается. Ведь... какой бы убогой не была Свалка, она её родина.

— Да-а-а, было дело, — Рекоу улыбнулся. — Запихать Апилию в анабиозную капсулу и вывести со Свалки было легко. А вот как она отреагировала на переезд... Как адаптировалась в совершенно чужом мире... Вот где было по настоящему трудно и смешно.

Первые две недели она наотрез отказалась выходить из своей комнаты. Только мать пускала, а в меня кидала всё, что только под руку попадёт. Один раз ножиком запустила. К счастью, рукояткой задело. Потом решила засудить меня и побежала за помощью к легионерам (обобщающее название борцов за права человека).

Как она потом сама рассказала, в первой же конторе её встретили с распростёртыми объятиями и даже обрадовались редкой возможности засудить жестокого родителя. Но! Когда она начала излагать обстоятельства, лицо самого главного легионера сначала вытянулось от удивления, потом окаменело от напряжения, а потом самый главный легионер заржал во всё горло. Следом загототала вся контора. Мою дорогую дочурку подняли на смех самым похабным образом. Апилия, оскорблённая в лучших чувствах, вылетела на улицу с гордо задранной носиком.

Точно такая же история повторилась во второй конторе, а потом в третьей, четвёртой и так далее. Куда бы Апилия не обращалась, везде её встречали радушно, а потом долго и упорно ржали.

— Как же так? — от удивления контр-адмирал Нинчан едва не опрокинул полную ложку на скатерть. — Ведь, легионеры... Им, ведь, только повод дай. Такую шумиху раздуют, грязью обольют, с ног на голову перевернут.

— А вот так, — Рекоу добродушно улыбнулся. — Ну вы сами посудите: какой житель Мирема, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, будет рваться покинуть благодатную метрополию ради свалки человеческих душ?

— Действительно. Если в здравом уме и твёрдой памяти, то никакой, — согласился контр-адмирал Нинчан.

Повара на «Ингаре» заслуживают звезду героя. Сварить столь замечательный суп из

синтетики — это дорого стоит. Рекоу с превеликим удовольствием заработал ложкой. Жаль, только, кусочки синтетического мяса через чур правильной кубической формы.

— И чем же закончилась история с вашей дочерью? — контр-адмирал Нинчан опустил ложку в пустую тарелку.

— Метрополия есть метрополия, — ответил Рекоу. — Перебесилась, проплакалась и пошла в институт. А однажды за ужином Апилия сама назвала Дайзен-2 Свалкой.

— Ну и что же здесь такого? Её все так называют.

— Э-э-э нет, не все, — возразил Рекоу. — Аборигены упорно называют свой мир Дайзен-2. Назвать его Свалкой, значит нанести местному жителю глубокое личное оскорбление. За это, знаете ли, могут и по морде дать. И на погоны не посмотрят.

Обед продолжается в лёгкой непринуждённой обстановке. Нужно отдать должное: контр-адмирал Нинчан приятный собеседник. Но, Рекоу взялся за тушёную капусту с подкопчёнными сосисками, капитан линкора подсел не для светской беседы. Что-то гложет его, но, Рекоу искоса глянул на контр-адмирала Нинчана, всё ни как не решается сказать.

Официант принёс кофе в большом серебрянном кофейнике с двумя чашками и маленькую вазочку с круглым печеньем.

— Утус Рекоу, — контр-адмирал Нинчан опустил в чашку ложку сливок, — Каковы, по вашему мнению, шансы Первого ударного победить в этой войне?

Вот оно! Рекоу сделал маленький глоток душистого обжигающего напитка.

— Утус Нинчан, — Рекоу поставил горячую чашку на блюдце, — я ничего не имеют ни против Первого ударного флота, ни против Первой десантной дивизии. Я ни чуть не сомневаюсь в способностях космических пехотинцев вести боевые действия, а так же не оспариваю их негибаемую волю к победе. Но я не верю, что вам удастся подавить бунт на Дайзен-2.

Рекоу снова взял чашечку с кофе. Как говорится, ни в лоб, а в глаз. Можно долго и упорно разговаривать тонкими намёками, но иногда лучше сразу выложить всю правду.

— Но-о-о... Почему? — контр-адмирал Нинчан со звоном опустил чашку на блюдце.

Рекоу улыбнулся.

— Причин много. Перечислять их все не имеет смысла. С вашего позволения, назову самые главные, на мой взгляд, разумеется.

До чего же кофе хорош! Рекоу налил ещё чашечку.

— Как у правительственного консультанта, у меня нет прямых обязанностей на борту вашего великолепного линкора, — начал Рекоу. — Поэтому у меня масса свободного времени для чтения книг по истории. И вот что я откопал.

В далёком прошлом на Миреме различным правительствам и режимам ни раз приходилось воевать с партизанами. И вот что интересно: наиболее эффективно действовала против них не армия, а полиция. Не мне судить о причинах, но факты вещь упрямая. Первый ударный может уничтожить Свалку, стереть колонию в порошок и превратить кратер Финдос в радиоактивную свалку. Космические пехотинцы могут зачистить захваченные поселения до последнего человека, свести население Дайзен-2 с двух миллионов до двух тысяч. После чего колония вымрет сама. Но! Привести население к спокойствию, заставить его вновь признать власть Мирема, это, знаете ли, несколько иное.

Ещё контр-адмирал Виман мог уничтожить Свалку, но он не стал этого делать. Командующий Первым крейсерским флотом не захотел становиться военным преступником, и я его прекрасно понимаю. Вы тоже можете уничтожить Дайзен-2, но до сих пор так и не

сделали этого. Как я понимаю, получить клеймо военных преступников пожизненно и посмертно вам тоже не улыбается.

И вторая важная причина — стратегическая.

Рекоу взял драматическую паузу. Контр-адмирал Нинчан весь во внимании, тактично молчит, но любопытство раздирает его изнутри.

— Правительство Федерации заплатило мне баснословную сумму в качестве гонорара, но начисто проигнорировало мои советы. Я чуть ли не умолял витуса Букнира послать на Дайзен-2 как можно больше геологов и буровых установок. Ещё тогда, на Миреме, предупреждал президента, что война на Свалке будет партизанской. Вместо дремучих лесов космических пехотинцев ждут тёмные туннели. Но...

Как сейчас вам не хватает этих самых геологов и этих самых буровых установок. Можно придумать тысячи красивых слов и замысловатых формулировок, однако голая правда к тому же ещё и горькая: десантники и флот контролируют поверхность планеты, тогда как партизаны её подземелья. Любые попытки выкурить их оттуда оборачиваются либо провалом, либо большими потерями среди личного состава. По мне так это одно и то же. Вам до сих пор так и не удалось хотя бы выяснить, где прячется так называемое Независимое правительство Дайзен-2, не говоря уже о том, чтобы арестовать его или хотя бы уничтожить.

И последнее: вам так и не удалось взять под контроль местное население. На это раз уже адмирал Крилл начисто пренебрёг моими советами. Да и о каком контроле может быть речь, если во всех без исключения поселениях местная полиция набрана из пресловутых эмигрантов третьей категории, отмотавших свой срок уголовников.

Моя должность позволяет мне знакомиться со всеми отчётами. Большинство так называемых комендантов худо-бедно держится, но один из них, сержант Руднев из поселения Йоспан уже прямо признался в неспособности контролировать вверенный ему город и слёзно просил перевести его в действующую армию. Он прямо так и выразился: «в действующую армию». А на данный момент он где находится? В армии бездействующей?

Рекоу блаженно улыбнулся. Вообще-то радоваться нечему, но... так долго пришлось носить в себе эту тяжкую ношу молчания. Да и ладно, бог с ней.

— Я вам вот что скажу, уважаемый, — Рекоу доверительно наклонился к контр-адмиралу Нинчану. — Всё дело в адмирале Крилле. Когда у него хватит мужества признать собственное поражение, тогда и только тогда закончится эта бесполезная и бестолковая война, а Первый ударный сможет вернуться домой.

— Исключено... — задумчиво протянул контр-адмирал Нинчан. — Адмирал Крилл никогда не пойдёт на политическое самоубийство. С его то амбициями...

Рекоу едва не опрокинул на себя чашку с кофе. Ни хрена себе! Вот оно что! Но капитан линкора уже сообразил, что сболтнул лишнее и замолчал.

Кофейник быстро опустел, обед закончился.

— Благодарю вас за приятную беседу, — контр-адмирал Нинчан поднялся из-за стола. — Всего вам наилучшего.

— Это вам спасибо, — Рекоу поднялся следом. — Я великолепно провёл время.

Рекоу вернулся в свою каюту и уселся прямо на заправленную койку. Не спроста контр-адмирал Нинчан присел за столик и невзначай поинтересовался перспективами победы. Ой не спроста. Как заместитель командующего флотом, он тоже имеет доступ ко всем документам и отчётам. Так что об успехах космических пехотинцев, весьма скромных, нужно признать, знает не хуже самого адмирала Крилла.

Глава 24. Ночной налёт

Крякающий сигнал боевой тревоги моментально разбудил сержанта Чолнара.

— Боевая тревога! Боевая тревога! — вслед за кряколкой надрывается дежурный. — Нас атакуют! Боевая тревога! Боевая тревога!

Голова спросонья ни черта не соображает, но тренированное тело действует само. Чолнар вскочил с койки и принялся торопливо натягивать броник. Ноги сами нырнули в штаны, руки накинута на голову шлем и застегнули застёжку. Разгрузку с боеприпасами на плечи и последнее — схватить со стены «Эмму». За пару минут сержант Чолнар полностью оделся и выскочил из спальни.

Коридор наполнен звуками боя. Снаружи трещат пулемёты «Муравьёв» и грохочет 30 миллиметровая пушка «Шельмы». Её уж ни с чем не спутать. Ноги сами несут к боевому посту у внешней стены мэрии. Вот что значит профессионализм и регулярные тренировки.

Угловая комната превращена в огневую точку. Бог его знает, что тут было до войны. Едва Чолнар захлопнул за собой дверь, как внешняя стена вспухла и с громким хлопком ввалилась во внутрь. Чолнара окатило волной колотого бетона.

Жив. Кажется. Броник поцарапан, но цел. Вот что значит научно-техническое превосходство метрополии. Чолнар, раскидывая куски бетона, поднялся на ноги.

Через пролом в стене отлично видна Центральная площадь и выход на Тирную улицу. У крайнего дома абориген в красном борге с реактивной гранатой на плече присел на колено. Серьёзная штука. Чолнар вскинул автомат и открыл огонь.

Длинная очередь перечеркнула аборигена по груди и снесла половину головы. Вражеский солдат повалился на спину и выронил гранатомёт. Но тут из-за угла высунулись руки и уволокли убитого вместе с реактивной гранатой.

А-а-а! Получили! Гады! Пусть только попробуют высунуться! Чолнар залёг возле пролома с автоматом наизготовку. Зелёный квадратик прицела скачет по площади, крайним домам и туннелям, но... нет никого.

— Дежурный! Говорит сержант Чолнар, доложить обстановку!

— Командир! Говорит Кабан. Аборигены неожиданно обстреляли здание мэрии, респов и «Шельму» из реактивных гранатомётов и автоматов. Я в «Шельме» нарезаю круги по площади.

Действительно. Чолнар перевёл прицел. С Центральной площади доносится рёв двигателя БМП, возле выхода на Тирную улицу показалась «Шельма». Кабан дежурил в боевой машине. Когда начался бой, он вывел её из укрытия, чтобы не стать лёгкой мишенью для реактивных гранат.

Из глубины Тирной улицы протянулся дымный след. «Шельма» окуталась лазерными импульсами, ИПРО сбilo реактивную гранату. Тот час башня боевой машины развернулась, в глубину Тирной улицы со страшным грохотом улетели 30 миллиметровые снаряды.

— Отделение! Внимание! Приготовиться к контрнаступлению, — скомандовал Чолнар. — «Шельме» встать по среди Чёрного проспекта. Шатун, Тайфун, Шнурок и Хрум — взять под контроль Левую улицу. Суслик, Ключ и Шпат вместе со мной — взять под контроль Тирную улицу. Сбор у выхода из мэрии. Пошли! Пошли!

Чолнар вскочил на ноги и побежал на первый этаж. Это... Это. Это так здорово! Чолнар с огромным воодушевлением перескакивает сразу через несколько ступенек. Ради боя, ради

кровоавой заварушки его учили, тренировали почти двадцать лет. Чолнар выскочил в вестибюль. Ух-х-х! Как надоели хмурые морды аборигенов и льстивые улыбки так называемых полицейский. Впереди ждёт бой. Самый настоящий, честны бой.

— Внимание! — Чолнар подбежал к солдатам возле выхода их мэрии. — Пошли!

Чолнар первым выскочил на Центральную площадь и тут же побежал в сторону Тирной улицы. Притормозив возле крайнего дома, Чолнар выставил за угол автомат. На том конце улицы фигура в красном борге юркнула в сторону и пропала.

Какая досада!

— Пошли! — Чолнар первым выскочил на Тирную улицу.

Четверо космических пехотинцев уверенно продвигаются вдоль Тирной улицы по всем правилам военного искусства. Чолнар перебегает от дома к дому, то прикрывает товарищей по отделению, то сам стремится вперёд. Душа поёт! Вот он — честный бой! Давно так не оттягивался. Но... от нападавших и след простыл.

— Да что б вас! — Чолнар остановился в конце Тирной улицы.

Жилой туннель закончился. Улица вливается в очередной туннель. Но куда бежать? В каком направлении наступать?

Какое разочарование. Это уже не честный бой, а рутинная зачистка получается.

— Отделение! Хоть у кого-нибудь есть огневой контакт? — с надеждой спросил Чолнар.

— Левая улица чиста, — доложил младший сержант Шатун.

— Чёрный проспект пуст, — отозвался рядовой Хрунов.

Чолнар с трудом подавил дикое желание расстрелять целый магазин в закрытую дверь крайнего дома, чтобы до смерти перепугать аборигенов. Едва космические пехотинцы перешли в контратаку, как партизаны тут же сделали ноги. Не остаётся ничего другого, как вернуться на Центральную площадь.

— Отделение. Отбой. Отбой, — произнёс Чолнар.

Каким бы мимолётным и скоротечным не был бы бой, но пора разбираться, какого хрена произошло? Тем более наметились кое-какие крайне неприятные вопросы.

— Кабан, — Чолнар остановился возле БМП. — Где полиция?

— Не могу знать, — ответил сидящий за джойстиком Кабан.

— Хоть кто-нибудь из этих идиотов показался на Центральной площади?

— Никак нет.

Здание Управления полиции находится рядом с мэрией. Входная дверь нараспашку. Возле тумбочки, где должен стоять дежурный, никого. Чолнар зашёл во внутрь.

В большой комнате, превращённой в казарму, полный бардак и пустота. Койки не заправлены, одеяла сброшены на пол. Там же валяются пороховые автоматы и патроны. Командование флота не решилось доверить новоявленным полицейским электромагнитные автоматы и вооружило их трофейными пороховыми.

Чолнар, кипя от злости, пнул койку. Серая подушка подскочила на месте и шлёпнулась на пол. Ничего удивительного. Даже вполне естественно: так называемые полицейские в количестве десяти штук при первых же выстрелах разбежались самым постыдным образом.

В отдалении грохнуло. Лампочки над головой на миг погасли и вновь загорелись ровным светом.

— Что случилось? — Чолнар выбежал на Центральную площадь.

— Не здесь, — Шатун выразительно махнул рукой в сторону. — Это на ветровой

электростанции.

Для работы рудника и обогатительной фабрики нужно много энергии. По этой причине ветровую электростанцию как особо важный объект охраняют два пехотинца, четверо полицейских и «Муравей».

— Щелкун, Репей, доложите обстановку! — Чолнар вызвал на связь караул электростанции.

В ответ тишина. Сердце тревожно сжалось в чёрном предчувствии.

— Щелкун, Репей, отзовитесь!

Чолнар с трудом подавил в собственном голосе нотки паники.

— Командир! Телеметрия рядовых Алила и Тинкуна..., - Кабан нервно сглотнул, — отсутствует.

Чолнар, тяжело дыша, замер на месте. Телеметрия от броников космических пехотинцев отсутствует. Такое бывает. Причин может быть множество. Не стоит. Не стоит терять надежду.

— Суслик, Ключ, Шпат — со мной. Остальным занять оборону, — скомандовал Чолнар.

Ветровая электростанция находится недалеко от Центральной площади. Не удивительно: её построили самой первой, даже ещё раньше самого Бацела. Чолнар, громко топая, едва не срываясь на бег, спешит ко входу на ветровую электростанцию.

Сбываются самые худшие опасения. Полицейский пост на Ветровой улице, который должен прикрывать отворотку к ветровой станции, пуст. На наружной стене несколько дорожек от автоматных очередей. Внутри, Чолнар с треском распахнул дверь, на полу валяются четыре пороховых автомата и ни одной стрелянной гильзы. И здесь так называемые полицейские дали дёру при первых же признаках опасности.

Вход на электростанцию, стальные ворота с тягучей калиткой, снесены взрывом. В административном помещении буквально на каждом шагу следы упорного боя. На полу валяются пустые контейнеры из-под штурмовых гранат. По углам россыпи стреляных гильз и присыпанные серой противомассой лужи крови. Караулка, где должны были находиться пехотинцы, разворочена взрывами. На полу в коридоре, где должен был стоять респ, пара воронок, а стены покрыты чёрной копотью. В отличие от так называемых полицейских, рядовые Тинкун и Алил дрались до последнего.

Но... Чолнар напрасно метался по коридорам и кабинетам административного здания в поисках Щелкуна и Репея. Двух космических пехотинцев и респана нигде не видно. Даже трупов нет.

— Сволочи!!! Негодяи!!! Подонки!!!

В гневе Чолнар принялся палить из автомата. Длинная очередь разнесла вдребезги стол начальника электростанции, кресло, пару стульев и высокий шкаф с папками. По кабинету, словно хлопья снега, разлетелись клочки рваной бумаги.

Ясно как божий день: аборигены убили пехотинцев, уничтожили респана, а потом унесли ценные трофеи. Мощным пинком Чолнар отправил покорёженный стол в дальний угол. Теперь даже не получится передать родным тела погибших. Хуже того! Невозможно доказать сам факт их гибели. В официальном извещении вместо «Пал смертью храбрых» будет стоять убийственная фраза: «Пропал без вести».

На индикаторе зарядов мигает ноль. На всякий случай Чолнар отбросил автомат в сторону.

— Это война. Война. Будь она проклята, — Чолнар опёрся руками о расстрелянный

стол начальника электростанции. — Ничего не поделаешь. Остаётся только смириться.

Гнев испарился, остались злость и жгучая ненависть. Через распахнутую дверь подчинённые пугливо заглядывают в кабинет. Всему своё время, а пока нужно думать о живых.

— Суслик, Шпинат, — Чолнар поднял с пола автомат и с щелчком вогнал полный магазин. — Осмотрите электростанцию. Только осторожней!

— Есть осмотреть! — дружно отозвались Суслик и Шпинат.

Рядовые, даже не пытаясь скрыть облегчение, убежали выполнять приказ. Ни для кого не секрет, чем время от времени Чолнар любит заниматься в «Аппаратной».

— Ключ, — Чолнар вышел в коридор, — Пойдёшь со мной.

Вместе с рядовым Кемаром Чолнар отправился осматривать электростанцию. Очень быстро выяснилось, что аборигены не тронули ни ветровые генераторы, ни накопители энергии, ни распределительные щиты. Всё, что они сделали — подорвали кабельный туннель, который связывает подземную часть электростанции с установленными на поверхности ветровыми генераторами.

— Умно, чёрт побери, очень умно, — Чолнар посветил фонариком на груду камней на месте кабельного туннеля.

Аборигены поступили очень хитро. Они вполне могли бы подорвать накопители энергии, распределительные щиты или, что ещё лучше, ветровые генераторы. Тогда электростанция вообще не подлежала бы восстановлению. Но нет: они специально ограничились кабельным туннелем, чтобы, не дай бог, не повредить ценное оборудование, а заодно не дать новоявленной колониальной администрации запустить в работу рудник и фабрику. Не иначе, бунтовщики уверены в собственной победе.

— Бес, смотри! — Ключ показала на приоткрытую в кабельный туннель дверь.

— Что здесь? — Чолнар подошёл ближе.

— Я специально обратил внимание: на электростанции ни одной снесённой двери и ни одного взломанного замка. А, ведь, вчера вечером я лично запер этот самый туннель и эту самую дверь. Ключей у работников станции нет. Точнее, не должно быть.

— Не удивительно, — Чолнар зло пнул стальную дверь. — У них были свои ключи. Аборигены не любят, чёрт побери, зря портить собственное имущество.

Никому. Совершенно никому нельзя доверять. Тем более так называемым полицейским.

Глава 25. Восточный блокпост

Может быть на штабных картах название «Восточный блокпост» звучит красиво, но на деле дыра дырой. Биал с напарником, сержантом Зилучем и ещё двумя товарищами по отделению караулит Северный туннель, что уходит на север в глубину Большого излома. Снаружи, говорят, во всю бесится снежный шторм. Но здесь, в подземельях Свалки, как обычно тишь, да гладь, да божья благодать.

Широкий туннель Большого кольца словно забор перегораживают бетонные блоки. В отдельном ограждении стоит «Шельма». Над самой верхней бетонной шпалой торчит башня с 30 миллиметровым орудием. Пехотинцы расположились за массивными блоками. Снаружи, за небольшими укрытиями, лежат респы. Механическим «Муравьям» отдых не нужен. Биал слегка приподнялся над бетонным блоком. В тусклом освещении чуть заметно блестит спина ближайшего «Муравья». Вот уж никогда не думал, что использовать респов в качестве сторожевых собак самое то. Ещё только лаять их научить, да на цепь посадить.

Ещё дальше, за минным полем, начинается царство аборигенов. Без хорошего сопровождения и полного боекомплекта туда лучше не соваться.

Двадцать первый взвод в качестве гарнизона разместили в Восточной трубе, в небольшом посёлке горняков и фермеров, что находится на краю Большого излома в том месте, где туннель Большого кольца спускается с Северного плоскогорья.

— Ну а тут появляюсь я при полном параде и приглашаю её прогуляться по парку. А дело к вечеру. Дневная жара только-только спадать начала...

Биал слушает напарника в половину уха. Как обычно от нечего делать Шалфей пустился в повествования о своих амурных похождениях. Где правда, а где ложь — лучше не выяснять. Пусть упивается собственной неотразимостью. Всё лучше, чем гнетущая тишина. Биал печально вздохнул.

Проводить первую половину времени сидя за бетонными блоками, а вторую половину в нервном сне в мэрии Восточной трубы надоело до смерти. Но... Биал глянул в темноту Северного туннеля, всё лучше, чем шататься по поверхности Свалки в бесплодных поисках партизан. Хотя нет. Ещё хуже гоняться за этими же партизанами в глубинах Свалки. А так... Сиди себе спокойно, слушай очередную байку напарника и жди, пока караул закончится и можно будет снова завалиться спать. Главное, не заснуть в наглую на боевом посту.

В туннеле раздался взрыв, Шалфей умолк на полуслове. Биал лениво выставил автомат из-за укрытия. Темнота и нет никого. Возле бетонного блока, за которым укрылся респ, взорвалась граната. Наверно из подствольника. Биал зевнул и опустил автомат. А может и не из подствольника. Тогда бы выстрел был. Сначала. По ночам спать надо. Ну как же. Поспишь с этими.

Шалют аборигены. Почти каждую смену шалют. То реактивной гранатой пальнут, то дыму напустят, то стальную бочку на мины толкнут. Беспокоят, значит. Только всё равно скучно. Репертуар местных жителей не отличается разнообразием. Вот если бы на позицию отряд голых баб напустили, Биал улыбнулся, Шалей бы им первый в плен сдался. А так... Темы для разговоров давно закончились, а после десятой гранаты нехотя начинаешь не обращать внимания на мелкие проказы. Шалют? Ну и пусть шалют. Главное, чтобы без глупостей.

Тишину туннеля нарушил свит рассекаемого воздуха и взрыв. Перед укрытой за

бетонными блоками «Шельмой» появилось огромное ярко-фиолетовое облако. Опять шалят. Биал печально глянул на расплзающуюся «пыльцу». Понаделали гранат, примитивных, развлекаются, сволочи. Грустно даже. Охотничий азарт первых дней давно погас. Этих аборигенов хрен переловишь: окопались глубоко и основательно. Можно лет сто бродить по этой свалке человеческих душ, но так ничего и не добиться. Во истину: армия создана для уничтожения, а не для умиротворения.

Ярко-фиолетовое облако расплзлось и перекрыло туннель от края до края. Теперь так и будет висеть минуточку другую, пока еле заметный ток воздуха не вытащит её на станцию. Там, возле высокой платформы на бетонных сваях, оно окончательно развеется и оседет.

Биал опустил автомат и прислонился к шершавому блоку. Скучно.

По ту сторону ограждения разом загрохотали респы. Следом по бетонному укреплению словно гигант долбанул мощным кулаком. Два огненных шара разом ткнулись в ограждение БМП. Биала осыпало градом осколков.

Во дают! Биал развернулся на месте и поднял автомат.

— Внимание! — загрохотал голос сержанта Зилуча. — Боевая тревога! Боевая тревога! Нас атакуют!

Как пить дать атакуют. Биал выставил наружу автомат. Через видеокамеру на «Эмме» отлично видно, как в темноте Северного туннеля вспыхнули огненные круги. Гром выстрела ударил по ушам. Биал пригнулся. По спине вновь заскакали обломки бетона. Аборигены шпартят по «Шельме», но защитное ограждение пока держится.

Снова грохот выстрела и снова огненные круги. Биал обернулся. Бетонные блоки перед БМП пошли трещинами, местами обнажилась стальная арматура. Это не реактивные гранаты. Это... Быть не может... Пушки!

Ну дают! Биал повернулся лицом к противнику. Пороховые пушки — примитивная хрень, но накоротке хрень жуткая. Биал нажал на спусковой крючок. Караул возле Северного туннеля открыл ответный огонь.

Аборигены не дураки. В темноте запульсировали огненные круги, по бетонному ограждению тут же защёлкали тяжёлые пули — крупнокалиберные пулемёты. Такие броник на раз берут. Из глубины вылетели огненные шары. И вновь забивающие всё и всех грохот и вспышки пушечных выстрелов.

Биал ловит огненные круги в прицел и жмёт на пусковой крючок. «Эмма» грызет короткими очередями. Ну сейчас им «Шельма» покажет. Враз разнесёт к чёртовой матери. В глубине Северного туннеля по-прежнему грохочут выстрелы, а в ответ... ничего? Биал обернулся.

Бетонное ограждение перед «Шельмой» осыпалось широкой выемкой. Виден нос боевой машины и... чёрный оплавленный круг прямо на приплюснутой башне. Грозный 30-мм ствол смотрит в сторону. БМП молчит.

— Отделение! Внимание!

Это снова Зил. Хоть в чём-то повезло: командир отделения здесь. Рядом. А не где-то там отдыхает.

— Восточный блокпост атакован со всех сторон, — сержант Зилуч шумно перевёл дух. — Бои идут в Южном туннеле, у выхода из рудника и в самом посёлке. Отдыхающая смена заблокирована в здании мэрии. В ближайшее время подмоги не будет. Нам приказано держать Северный туннель.

Последняя фраза командира отделения потонула в раскате пушечного выстрела. От

досады Биал ткнулся лбом в бетонный блок. Аборигены крайне удачно выбрали время. Снаружи бушует шторм, подмоги из Главного базового лагеря не будет. Двадцать первый взвод остался один на один с кучей бешенных аборигенов. Биал вставил полный магазин и снова выставил автомат наружу. Ну что ж — аборигены надолго запомнят эту ночь.

Стрельба в туннеле смолкла. От неожиданности Биал отпустил спусковой крючок. Отделение разом прекратило огонь. После грохота боя тишина кажется звенящей.

Что? Что случилось? Биал заводил автоматом из сторону в сторону. Пусть встроенная в «Эмму» видеокамера не обладает полноценным ночным зрением, но то, что видно, пугает до дрожи в коленках. Пространство перед укреплениями усеяно воронками от взрывов. Оба респа разбиты в клочья. В бетонном ограждении зияют большие бреши. Пороховые пушки, покончив с «Шельмой», переключились на пехотинцев.

Громкий щелчок. Через минное поле перелета пара толстых кабелей. А чёрт! Биал спрятал автомат за укрытием.

— Сосредоточенные заряды! Огонь! Огонь! — выкрикнул Зил.

Поздно.

Бабахнуло так, что внешние динамики броника вырубались от перегрузки. Но и то, что успело проскочить... Биал судорожно попытался заткнуть уши, но ладони беспомощно упёрлись в шлем.

Биал несколько раз энергично тряхнул головой. К счастью, звенящая тишина постепенно наполняется звуками внешнего мира. Это хорошо, что в динамики встроены предохранители, а то и без ушей остаться недолго. Но расслабляться некогда. Аборигены вновь открыли огонь. Биал снова поднял «Эмму» над укрытием.

В глубине туннеля ухнула пушка. Бетонный блок перед Биалом вспух и разлетелся на куски. Взрывная волна отбросила на пару метров. На забрале тревожно замигала жёлтая надпись: «Повреждение!»

Укрытие только что было, а теперь его нет. Биал перевернулся на живот.

— Отделение! Внимание! Отступаем! Отходим к станции, — скомандовал Зил.

Зачем? Биал оглянулся по сторонам. Ну правильно: «Муравьи» в клочья, БМП молчит, а в бетонном ограждении зияют огромные прорехи. Аборигены безнаказанно расстреливают караул из пушек.

Подбитая «Шельма» стоит по среди туннеля. Как прикрытие вполне сгодится. Биал отполз за боевую машину и поднялся на ноги. Рядом показались Шалфей, Зил, ещё двое товарищей по отделению и... Коня не хватает.

— Что ж ты, родимая, подвела, — Биал с досады хлопнул ладонью по корме боевой машины.

— Все? — Зил окинул взглядом подчинённых. — Рывком, дружно, пошли!

«Шельма» дрогнула всем корпусом. Снаряд из пороховой пушки угодил в лобовую броню и с визгом срикошетил в свод туннеля. Но Биал с товарищами по отделению уже со всех ног бежит прочь от боевой машины.

Станция рядом совсем. Небольшая пробежка и вот Биал с товарищами по отделению выскочил из Северного туннеля. В развилке между железнодорожными путями Большого кольца и отвороткой в цех погрузки оборудована запасная огневая позиция. Биал с разгону перепрыгнул через бетонные блоки и залёг перед амбразурой. Отсюда их просто так аборигены не выкурят. Хрен им, а не прямая наводка. Биал улыбнулся, но тут же вновь погрузился. Вот уж никак не думал, что доведётся убежать от местных недомерков.

Рядом залегли товарищи по отделению. У Трактора и сержанта Зилуча поверх броников выступают пыльные подтёки. Да они ранены! Медсистема остановила кровь, вспрыснула обезболивающие, но им всё равно требуется помощь.

Противника пока не видно. Аборигены не спешат высунуться из туннеля и угодить под фланговый огонь.

— Командир! — неожиданно сообразил Биал. — Какого хрена «Шельма» третьего отделения не пришла нам на помощь? Неужели она до сих пор торчит возле выхода?

Сержант Зилу печально наклонил голову.

— Какой-то идиот решил открыть выход наружу. Что из этого вышло, вон — сам посмотри, — ответил Зил.

Биал повернул голову. Недалеко от железнодорожной развилки небольшой туннель ведёт наружу. Но... Из прохода выливается тёмно-красный поток грязи. Сквозь грохот боя прорывается истошное завывания ветра.

— «Шельма» третьего отделения утонула в этой грязюке, — пояснил Зил.

Биал разочарованно хмыкнул. У кого-то из космических пехотинцев не выдержали нервы, вот и попытался выбраться на оперативный простор. А, между тем, аборигены по-прежнему не спешат на убой. Из туннеля, из которого Биал с товарищами только что выскочили, так никто и не показался. Но тут знакомый грохот долбанул по ушам. Из Северного туннеля вылетел снап пламени.

Пороховая пушка? Но... Куда? Биал чуть не взвыл от досады.

Аборигены смогли прорваться только по Северному туннелю. Тогда как товарищи по взводу до сих пор успешно держат Южный. Впрочем... Снова грохот и снова снап пламени. Это ненадолго. Пороховые пушки бьют прямо в спину товарищам в Южном туннеле. Снаряды со свистом пролетают через подземную станцию. Биал от досады стукнул кулаком. И никакой надежды помещать аборигенам. Насколько запасная позиция удобна для обороны, ровно настолько же она не годится как исходный рубеж для атаки.

— Противник на четыре часа! — крикнул Трактор.

Биал посмотрел через плечо. Проклятье! Аборигены появились на перроне подземной станции. Враг ударил во фланг. Несколько фигур в красных боргах упали на перрон. Биал тут же открыл огонь.

Жесть! Из-за угла высунулся реактивный гранатомёт. «Дюбель» — двойная жесть! Биал вдавил спусковой крючок до отказа. Поздно. Реактивная граната огненным шаром пролетела над головой и разорвалась о стену. Но тут перед бетонным укрытием шмякнулись две гранаты из подствольника.

Пыль от взрывов не успела осесть, как с перрона спикировал ещё один огненный шар и разбился о бетонный блок рядом с Зилом. Сержанта засыпало обломками.

Тройная жесть! Биал выпустил гранату из подствольника. На перроне грохнул взрыв. Если так и дальше пойдёт, то аборигены банально забросают их гранатами. Во истину: бой под землёй накоротке сводит на нет научно-техническое превосходство метрополии. На поверхности аборигены до такой степени не борзеют.

Биал глянул на командира отделения. Жив. И это самое главное. Но... Броник повреждён на 67 процентов. Ещё немного и Зилу хана.

— Внимание! Отходим в цех погрузки! — скомандовал Зил.

Из Северного туннеля высунулся абориген, но дружный залп из четырёх стволов заставил его обратиться обратно. Зато с перрона прилетела ещё одна граната.

— Внимание... Пошли! — скомандовал Зил.

Биал с товарищами дружно выскочил из запасной огневой позиции и, проскочив через короткую отворотку, оказался в цехе погрузки. Куда дальше? Биал рванул за сержантом. Зил завёл подчинённых за брошенную платформу, низкий вагон с железными бортиками. В таких руду и пустую породу перевозят. Биал притаился за массивным стальным колесом.

Странно? Биал включил увеличение, туннель со станции стал ближе. Вслед за ними никто не спешит. Проход пуст. Очень, очень странно и... настораживает.

Биал оглянулся по сторонам. Цех погрузки представляет из себя огромное помещение с железнодорожными путями на бетонном полу. На специальный пандус заезжают тележки, которые потом опрокидывают в нависающий над путями транспортёр. Под потолком у дальней стены мостовой кран.

— Друзья мои, я должен сообщить вам печальные новости.

Биал с удивлением уставился на командира отделения. Обращение «друзья» из ряда вон. Сердце тревожно сжалось.

— Аборигены прорвались через Южный туннель. Заблокированным в мэрии стало ещё хуже: аборигены подтащили пушки и расстреливают здание прямой наводкой. Пост у входа в рудник не выходит на связь, — обречённо произнёс Зил.

Совсем хреново. Биал повернулся ко входу в погрузочных цех. Что ещё можно сказать? Разгром!

Биал крепче сжал верный автомат. Первый же абориген, который только сунется в погрузочный цех, получит пулю в лоб.

— Внимание! — из туннеля долетел усиленный динамиком голос. — Космические пехотинцы. Сдавайтесь!

Что-о-о! От столь неслыханной наглости Биал едва не поперхнулся. Это кому сдаваться? Фермерам и землекопам? Потомкам уголовников? Охренели в конец!

— Вы окружены. Соппротивление бесполезно. В случае добровольной сдачи мы гарантируем вам жизнь и гуманное обращение. Раненым будет оказана медицинская помощь. На раздумье у вас три минуты. Время пошло.

— Ну это вообще! Ни в какие ворота не лезет! Что они там о себе возомнили? Этс же... — Биал оглянулся.

Гневные слова тут же застряли в горле. Пусть за тёмными забралами лиц не видно, но... Товарищи по отделению сидят за вагоном понутив головы. По расслабленным и унылым позам легко догадаться, что они почти приняли предложение аборигенов.

— Вы что? — удивлённо воскликнул Биал. — Нельзя сдаваться! Уходить нужно! Момент ловить! Пока аборигены не очухались.

— Куда уходить? — чуть слышно произнёс Шалфей. — На поверхности шторм. Он, может быть, только через неделю кончится. К этому времени нас всех кончат.

— Так это... в рудник, — сообразил Биал. — К нему примыкает огромный лабиринт естественных пещер. Там сам чёрт ногу сломит. Аборигены нас в жизнь не същут. А когда стихнет шторм, мы выберемся на поверхность. Нас найдут и помогут. Ну что вы?

Дельное предложение осталось без ответа. Трактор вообще смотрит в другую сторону.

— Лис... Погиб, — убитым голосом произнёс Зил.

Старший сержант Лигас, командир взвода, погиб. Совсем хреново. В столь жалком и растерянном состоянии столь строго и сурового сержанта Зилуча видеть не приходилось. Ни разу. Зил сломался, морально сломался. А вместе с ним и остальные. Двое ранены,

боеприпасы на три четверти израсходованы, помощи ждать неоткуда. Взвод расчленён на несколько частей. Аборигены уверенно давят последние очаги сопротивления. Куда дальше?

— Осталось две минуты! — напомнил усиленный динамиком голос.

— А что тут думать, — заговорил Шалфей. — Аборигенов всё равно скоро усмирят. Нас обязательно освободят.

Как утопающий хватается за соломинку, так и морально сломленные товарищи по отделению ухватились за первую попавшуюся надежду. Но... так ли это? Биал словно взглянул на войну на Свалке с большой высоты. Перед глазами прошла вереница изматывающих маршей по поверхности планеты, а особенно глубокие рейды в её подземельях.

Об этом было не принято говорить, но, если судить по многочисленным намёкам и недомолвкам, до сегодняшнего вечера никто из них не верил в победу над аборигенами. Ни на грамм. То же Шалфей говорил не «Когда мы победим», а «Когда мы вернёмся домой». Контрпартизанская война может растянуться на годы. Сейчас товарищами по отделению руководит страх и отчаянье загнанных в угол. Как ни крути, в каких богов не верь, а жизнь то одна.

— Осталась минута!

Сейчас, или никогда!

— Ну что ж: это ваш выбор. А у меня свой, — Биал закинул «Эмму» в захват на спине. — Прощайте. И пусть вам повезёт.

Прячась за вагонами, Биал устремился вдоль стены к темнеющей на том конце цеха железной лестнице. Куда бежать, как пробираться — бог его знает. Но путь наверх вселяет уверенность.

Стальные ступеньки грохочут словно барабаны. Стараясь шуметь как можно меньше, Биал забрался на площадку над мостовым краном. Бинго! Под потолком погрузочного цеха протянуты толстые кабели. И вся эта груда меди в пластиковой оболочке сворачивает в кабельный туннель.

Опыт бесчисленных зачисток не прошёл даром. Закономерность железная: аборигены предпочитают не закапывать коммуникации под землю, они и так живут под землёй. Если рядом есть трубы или кабели, то обязательно должен быть туннель, по которому может пройти как минимум один человек. А вот и он! Но прежде, чем нырнуть в спасительную темноту, Биал остановился и глянул вниз.

Какой позор! Глаза бы не видели. Сержант Зилуч, грозный, но справедливый командир отделения, подняв руки, направляется к туннелю на железнодорожную станцию. Вот Зил остановился и демонстративно отбросил «Эмму» в сторону. Ещё шаг, и сержант завернул за угол. За ним, словно в очереди в столовой, из-за железнодорожной платформы поднялась ещё одна фигура в бронике.

Биал закрипел зубами. Злость раскалённой иглой кольнула прямо в сердце. За позор космического десанта, за надёжную защиту человечества, аборигены ещё заплатят. Биал развернулся и нырнул в туннель.

Последние слабые проблески света пропали за первым же поворотом. Тьма приблизилась вплотную и словно обхватила чёрными руками. Автоматически включилась система ночного видения с активной подсветкой. Рискованно, конечно, но брести на ощупь ещё хуже.

Словно вор в чужой квартире, Биал настороженно и неторопливо бредёт неведанными

переходами. Куда ведёт этот технический туннель — бог его знает. На редких перекрёстках приходится наугад выбирать направление. Но вот проход перегородила стальная дверь. Сквозь щели пробиваются полоски света. Биал придвинулся вплотную и заглянул в узкую щёлку.

Хрен его знает, что там. Может раздевалка, может кладовка. Безликие стальные шкафчики выстроились вдоль серых стен. Но... Возле одного из них стоит абориген в боевом борге. Что делать? Может повернуть назад и попытаться счастья на первом же перекрёстке?

С тихим скрипом распахнулась тонкая стальная дверка. Прямо из шкафчика вышел ещё один абориген в боевом борге, а за ним ещё и ещё один.

От волнения Биал тяжело задышал. От радости сердце забилося ещё сильнее. На фокус не похоже. Это же... Секретный туннель! Накопали. Сволочи. Точно такие же проходы ни раз и не два лично находил в Финдосе. Вот таким незамысловатым образом куча аборигенов оказалась прямо перед мэрией Восточной трубы и надёжно заблокировала отдыхающую смену.

Между тем возле шкафчика остался всего один абориген, остальные ушли. В голову стрельнула шальная мысль. А почему бы и нет? Наверняка секретный ход ведёт в рудник, а то и сразу в систему естественных пещер. Во удача! Осталось самая малость — прорваться.

Биал присмотрелся к стальной двери, что перегораживает технический туннель: обычный массивный засов с ручкой. Никаких замков и замочных скважин. Достаточно нажать на ручку, дверь и откроется. Так, ведь, скрипеть будет. Так оно и нужно!

Биал присел на колени возле двери и переключил «Эмму» в режим бесшумной стрельбы. А теперь осторожно потянуть ручку вниз...

Засов тихо заскрипел. Абориген тут же дёрнулся, но Биал уже приоткрыл дверь на десяток сантиметров.

Прицел в голову. С тихими щелчками целый десяток пуль вылетел из автомата. Абориген повалился на пол. Пусть на дозвуковой скорости убойная сила пуль не та, но при стрельбе в упор более чем достаточно. Быка завалить можно, не то что аборигена.

Биал выскочил из технического туннеля и нырнул в секретный проход. Внутри темно, зато нет никого. Быстрей! Быстрей! И только вперёд!

Ну и длинный же, метров двести, не меньше. На противоположной стороне серый овал выхода заслонила массивная фигура — кто-то идёт на встречу. Биал перешёл на шаг. Главное сдерживать собственное нетерпение. Наглость, она залог удачи.

Абориген впереди остановился и замахал руками. Поздно. Биал замер на месте и, вскинув автомат, тихо всадил в лицевой щиток десяток пуль. Абориген завалился на спину, но за ним ещё один.

Второй противник потянул из-за спины автомат. Получай! Биал врубил на полную катушку оба фонаря на плечах и третий на лбу. Абориген инстинктивно прикрыл лицо руками.

Не поможет! Биал хладнокровно пристрелил аборигена и переступил через упавшие тела. Но впереди в туннель заглянул ещё один. Биал рванул вперёд.

К чёрту тишину! Биал на ходу переключил «Эмму» на автоматическую стрельбу. Сейчас потребуется вся огневая мощь. Абориген, во зараза, отпрыгнул в сторону. Не поможет! Биал вытащил из разгрузки пару гранат и, выдернув чеки, швырнул их далеко вперёд.

Сдвоенный взрыв переполошил аборигенов, зато расчистил путь. Биал выскочил из туннеля. Слева двое, справа один. С разворотом на месте Биал полоснул длинной очередью

сначала двоих, а потом одного. Автомат грохочет на полную мощность.

Убил? Не убил? Какая разница! Бежать! Бежать! И ещё раз бежать! Биал оглянулся по сторонам. Слава Создателю! Секретный ход вывел в естественную пещеру.

Проклятье! Впереди пяток аборигенов. Биал на ходу пальнул из подствольника. Граната разворотила грудную клетку одного из аборигенов, остальные брызнули в стороны. Биал резко свернул в первый же попавшийся проход.

Понеслась. Автомат за спину и бежать!

Не разбирая дороги, Биал несётся вперёд и только вперёд. Сзади грохочут выстрелы, но в темноте одинокий беглец плохая цель. Поворот. Ещё поворот. А теперь налево и ещё разок направо. Биал бежит так, как никогда не бегал даже на самых ответственных зачётах по физподготовке. Ещё бы! На кону не оценка, не благодарность толстомордого полковника, а сама жизнь.

Пещеры. Пещеры. Ещё раз пещеры. Развилки. Перекрёстки и ни одного тупика. За пять минут Биал запыхался как безжалостно загнанная лошадь. Говорят, будто космического пехотинца нельзя загнать. Можно, да ещё как.

На очередном повороте Биал резко развернулся и упал на землю. Ещё инфракрасную подсветку вырубить, чтоб не выдала. Непроглядная тьма тут же обступила со всех сторон.

Биал, лёжа на животе, старается унять учащённое дыхание. Вот уж никак не думал, что за каких-то пять минут можно так устать. Это ж с какой скоростью бежать нужно? Господи! Биал прижался боком к каменной стене. Не о том думать надо. Не о том. Биал прислушался к темноте.

Ничего. Совершенно ничего. Только где-то, в темноте ни черта не понять, капает вода.

Кап. Минута. Другая. И снова — кап. Где-то рядом крошечные капельки разбиваются о каменный пол. А так звенящая тишина и никого. Преследователи, если такие и были, непременно отстали.

Господи! Биал ткнулся лицом в каменный пол. Ушёл! Ушёл! Оторвался! Прорвался! Ускользнул! В общем, затерялся в глубинах Свалки. Зато не в плену, а на свободе.

На свободе.

Биал словно в первый раз попробовал на вкус привычное, давно знакомое слово. А что значит «быть на свободе»? А что представляет из себя эта самая свобода? А был ли он вообще когда-нибудь свободен? Биал присел на каменный пол и прислонился спиной к стене.

Вокруг по-прежнему непроглядная тьма, хоть глаза выколи. Здесь, в глубинах Свалки, без внешней подсветки система ночного зрения не работает. Биал повертел головой. Перед глазами одна и та же чернота, в какую сторону не посмотри.

Что же получается? Он здесь один. Бог знает где. Без товарищей, командиров и связи с внешним миром. Радиосигналы от бреника не способны пробиться через горы кратера над головой. Да и опасно указывать аборигенам собственное место расположения. И, между тем, действительно свободен. Свободен так, как никогда не был прежде в своей жизни. Биал улыбнулся.

Вот что значит быть свободным. Это поставить на кон самую большую ставку, которую только может сделать человек — собственную жизнь, и выиграть. Не сломаться, не струсить, не задрать лапки перед аборигенами, а рискнуть всем, что только есть, и выиграть.

На душе стало легко и весело, Биал улыбнулся ещё шире. Никогда бы не подумал, что в минуту смертельной опасности самый подневольный из всех подневольных, то есть

профессиональный солдат, может быть самым что ни на есть свободным. Но так оно и есть, чёрт побери!

Великий Создатель существует. Биал устроился по удобней. Не зря господь направил его в Адаунское пехотное училище шесть лет тому назад. И не просто направил, а провёл через дебри, через адские джунгли, жесточайшего отбора. Ох не зря. Река судьбы, в которой до этого самого момента приходилось плыть отдаваясь воле волн, всё же занесла его в нужную бухту. Быть профессиональным солдатом — это хорошо! Биал в возбуждении вскочил на ноги.

Но... Куда идти? Бог его знает. В абсолютной темноте, как в аду, дорог нет. Удастся ли выбраться наружу? Бог его знает. Биал прилёг обратно на землю. Нужно отдохнуть, поспать хотя бы пару часов. Бой в Северном туннеле, прорыв, безудержное бегство сожрали почти все силы. Да и куда спешить? Как говаривал старший сержант Лигас, прими Создатель его душу, на тот свет всегда успеем. Нервное возбуждение улеглось. Будь, что будет, а там видно будет. Биал уснул крепким, здоровым сном.

* * *

Биал проснулся и сразу же поднялся на ноги. Вокруг по-прежнему непроглядная тьма. Встроенные часы показали час ночи — ничего себе! Продрых не меньше шести часов. Как обычно бывает после долгого сна в бронике руки и ноги немного затекли, но это не проблема. Несколько энергичных движений, Биал широко взмахнул руками и сделал пару приседаний, и кровь вновь весело бежит по венам. Теперь можно идти, только куда?

Биал посмотрел по сторонам, темнота никуда не делась. Ни малейшего отблеска или просвета. Ночное виденье броника работает в пассивном режиме. Биал включил подсветку. Из мрака тут же выступили чёрно-белые своды пещеры и россыпь мелких камешков под ногами.

Биал дотронулся рукой до стены: естественная пещера, мать природа постаралась. Всё приятней, чем искусственные туннели аборигенов с их ржавыми стропилами и архаичными рельсами. Внимательно поглядывая по сторонам, Биал пошёл куда глаза глядят.

Лабиринт пещер без плана, без смысла разбегается во все стороны. Час за часом Биал старательно обследует проходы, повороты и развилки — ничего. Как жаль, что нельзя обшлянуть указательный палец и постараться заметить ток воздуха. Если верить приключенческим романам, помогает. Иногда.

Очередной поворот и очередная ничем не примечательная пещера. Только, вот... Биал подошёл к стене и присел на корточки. Как хорошо, что во время многочисленных зачисток постоянно приходилось искать тайные проходы аборигенов — глаз намётан замечать всё необычное. По стене тянется широкая царапина. Камень ободран аж на метр. Биал присмотрелся по внимательней. Такое впечатление, будто машина, небольшая такая, ну или электрический кар, царапнул стену бампером. А почему бы и нет?

Биал глянул под ноги. Относительно ровный каменный пол. В качестве дороги вполне сойдёт. Для того, чтобы проехать через эту пещеру, навороченный вездеход не нужен, вполне хватит обычного электрокара. Зато... Биал посмотрел вдаль, водитель наверняка знал, куда едет.

Внимательно осматривая стены, пол и даже потолок, по едва заметным царапинам и

вмятинам, Биал нашёл самую настоящую дорогу. Ещё через пару часов на очередной стене Биал нащупал гладкий металл и разглядел искусно замаскированные ворота. Да-а-а... Самые настоящие ворота. Если провести пальцами, то можно наметить прямоугольный контур. Слишком правильный прямоугольный контур для творения матушки природы. А это что?

Справа от контура ворот, на кусочке относительно ровной стены, красной краской от руки выведено: «Зона № 3. Ворота № 8».

— Во дают! — невольно воскликнул Биал. — А чёрт!

Быстрыми шагами Биал поспешил убраться подальше от тайных ворот. Мало ли каких датчиков понаставили аборигены.

У дальнего конца пещеры Биал присел на землю и призадумался. Надпись краской на стене? Ну да, не все гражданские догоняют важность маскировки. Но... Что же делать?

Если разобраться, то вариантов всего три: либо и дальше блуждать в поисках выхода наобум; либо попробовать проследить «дорогу» до другого конца; либо подождать, пока аборигены соизволят выйти из этих самых ворот и пойти за ними следом. Впрочем, Биал прислушался к ворчащему желудку, пока можно остановиться на компромиссном варианте: подождать час, другой, а заодно перекусить и отдохнуть.

«Похлёбка» всегда под рукой. На вкус гадость редкостная, но, нужно признать, первые два глотка показались божественным нектаром.

А что? Биал сделал пятый по счёту глоток и скривился от отвращения. Зона № 3... Похоже, аборигены и в самом деле построили пресловутый подземный комплекс Арфан. Именно о нём болтали многие гражданские и пленные. Ведь, аборигены целенаправленно прорубили в скале проход, а не просто перегородили пещеру.

Господи! Не зря решился идти на прорыв. Ведь... Взвод, даже рота, ни за что не сможет взять штурмом эти ворота. В этом чёртовом лабиринте не то что рота, дивизия целиком поляжет. За тягостными раздумьями Биал не заметил, как задремал.

Тихий шорох упал на натянутые нервы ядерной бомбой. Биал аж вздрогнул от неожиданности.

Свет. Точно свет. Систему ночного виденья на всякий случай заранее перевёл в пассивный режим. Но и без подсветки не только можно отлично разглядеть своды пещеры, а даже рассмотреть её цвета. Из раскрытых ворот вышло шестеро аборигенов. Яркие лампы светят им в спину и заливают пещеру потоками света. На всякий случай Биал сполз на землю. Отлично! Вот и проводники. Остаётся надеяться, что идут они к выходу на поверхность.

Незаметно следовать за аборигенами на удивление легко и даже весело. Биал притаился за поворотом. Они во всю пользуются яркими фонарями. Свет на десятки метров расползается по окружающим пещерам. Биал осторожно свернул за угол. Аборигены уже прошли здесь, но зарево на стенах лучше всякой рекламы указывает путь.

Через пару километров аборигены остановились. Биал прилёг на землю и осторожно выглянул из-за угла.

Один абориген, наверно самый главный, колотит кулаком прямо по каменной стене. Не иначе ещё одни замаскированные ворота. Точно! В стене появилась яркая щель, от неожиданности Биал прикрыл глаза. Аборигены зашли в тайный проход и закрыли за собой прямоугольную дверь. Свет погас, пещера вновь погрузилась во тьму.

А дальше что? За этой дверью может быть всё, что угодно. Начиная с вождя абригенов по малой

нужде. Вот и забежал по дороге.

Но! Не прошло и пяти минут, как тайная дверь вновь растворилась. Наружу вышли шесть аборигенов.

— А чёрт, — Биал отполз назад.

Не исключено, что аборигены той же дорогой пойдут назад. Так и есть. Биал едва успел спрятаться, как шестеро аборигенов прошли в опасной близости, но, хвала Великому Создателю, не заметили.

Биал посмотрел вслед уходящим в глубь Свалки аборигенам. А те ли это люди, которое вышли из ворот № 8? Их тоже шестеро, но...

— Боже мой, — очумело прошептал Биал. — Это же караул! Смена караула!

Надо действовать! Ловить момент! Биал подскочил к тайной двери и забарабанил по ней кулаками.

Этой древней уловкой до сих пор пользуются грабители. Сколько обывателей не предупреждай, а всё равно клюют, как век не кормленные рыбёшки. Биал выхватил из-за спины «Эмму» и переключил автомат в режим бесшумной стрельбы.

Сработало! Со скрежетом и щелчками замок раскрылся, Биал отступил в сторону. Едва в приоткрытой двери показался абориген, как Биал тут же всадил в него десяток пуль.

Сдох. С гарантией. Биал оттолкнул убитого и пролез во внутрь. Осталось ещё пятеро.

Ох не зря на «тишину» поставил. За дверью десятиметровый туннель. Будь «Эмма» на полной мощности, грохотала бы так, что мёртвые под землёй проснулись бы. Биал на ходу вытащил из разгрузки гранату и выдернул чеку. Как на зачистке: бросить, взрыв, войти.

С трудом сдерживая дикое нетерпение, Биал приоткрыл дверь на том конце туннеля и кинул гранату. Взрыв. Дверь нараспашку. Биал ворвался во внутрь.

В небольшой круглой комнате обломки стола, стульев и пятеро оглушённых аборигенов. Ещё шевелятся, гады! Биал хладнокровно пристрелил всех. Мёртвые не кусаются. Зато... На противоположной стене ещё одна герметичная дверь с закруглёнными углами.

Биал закинул автомат за спину и что есть сил крутанул небольшой штурвал. Дверь тут же распахнулась. Мощный поток воздуха с капельками воды едва не сбил с ног.

Биал с трудом, отчаянно цепляясь за дверной косяк и стены, протиснулся через распахнутую дверь. Зато! Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Яркая вспышка на миг осветила небольшую пещерку. Следом грянул оглушительный гром.

Свобода! Биал, дико хохоча от радости, выбрался наружу.

Дошёл! Добрался! Биал, словно стараясь обнять весь мир, широко раскинул руки. Долгожданная, возжеленная поверхность!

Снаружи бушует шторм. Многочисленные молнии рвут тёмное небо на куски. Яркие вспышки озаряют горы и уходящую за горизонт пустыню. Справа исполинской громадой возвышается Большой излом. То тут, то там мутные потоки воды низвергаются с огромной высоты.

— Я по-о-обе-е-еди-и-илл!!! — заорал Биал и шагнул прочь от мрачных подземелий проклятой Свалки.

Порыв ветра тут же сбил с ног. Биала потащило по мокрой земле вниз по склону.

— Я сумел! Я дошёл! Я свобо-о-оде-е-енн!!!

Яркая вспышка и оглушительный треск подхватили восторженный рёв. Мокрый снег с дождём обрушились тугими струями. Биал едва сумел перевернуться на живот. Нужно уцепиться хоть за что-нибудь. Пальца сами нащупали мелкие выступы, но поздно.

Маленький камешек так и остался в руках, когда бешенный ветер и жидкая грязь сбросили Биала в бурный поток.

Широко раскинув руки и ноги, Биал упал с большой высоты. Перед глазами потемнело. Биал сгруппировался, перевернулся и, оттолкнувшись ногами от дна, мощным гребком вынырнул на поверхность бурного потока.

— Свалка! — Биал погрозил кулаком пылающему небу. — Ты не убьёшь меня! Не сможешь! Я будут жить!!!

Грязевой поток несёт по глубокому оврагу. Над головой с треском и грохотом небо раскалывается на части. Забрало шлема то и дело заливают грязь, но потоки небесной воды тут же смывают её. словно на ринге, Биал отчаянно бьётся за собственную жизнь. Руки и ноги едва успевают отталкиваться от стенок и встречных камней.

А душа ликует. Чёрные волны жидкой грязи вызывают приступы необузданного хохота. Он не сдался. Завалил кучу аборигенов, но таки выбрался из подземелий Свалки! И чтобы слепая ярость стихии добила его? Ни за что!!!

Овраг закончился. Бурное течение вынесло Биала в озеро. Берегов не видно, но напор грязевого потока заметно ослаб. Опасные водовороты не грозят более утащить на дно.

Яркая вспышка на миг осветило озеро. Там! Слева! Пологий берег. Биал развернулся и со всех сил зажёб руками. Грязная вода не отпускает, упорно тащит дальше, в очередной овраг. Не выйдет! Не на того напали! Биал вырвался из стремнины в более спокойную воду.

Бронескафандр тяжёл, но, хвала Великому Создателю, конструкторы заложили в него нулевую плавучесть. Пусть плыть не помогает, но и на дно не тащит.

А вот и берег. Коленки чиркнули по каменному дну. Биал попытался ухватиться хоть за что-нибудь. Куда там! Жидкая грязь словно смазка. Пальцы соскальзывают, а ноги проскальзывают. Но! Прилагая титанические усилия, Биал рывком выбросился на берег и намертво вцепился в едва заметные выступы. Течение тут же развернуло его и попыталось втащить обратно в грязную воду.

Что? Опять унесёт? Но нет! Подтягиваясь на руках, сантиметр за сантиметром, Биал вырвался из объятий грязевого потока.

Вода мутной плёнкой стекает по изъеденному граниту. Ветер так и норовит оторвать от спасительного берега. Широко раскинув руки и ноги, цепляясь за малейшие выступы, Биал упрямо ползёт прочь от берега.

Наконец руки нащупали достаточно глубокую щель, а ноги упёрлись в надёжную опору. словно паук на стекле, Биал всё же сумел надёжно закрепиться на берегу. Над головой бесится шторм. Потоки воды со снегом заливают забрало. О том, чтобы найти убежище по суше, не может быть и речи. Остаётся только одно — ждать.

После тяжелейшего боя под землёй, позорной капитуляции товарищей и бегства сквозь бесконечный лабиринт пещер борьба со стихией кажется детской забавой. Попеременно расслабляя то одну руку, то другую, Биал счастливо улыбается. При всей своей мощи и ярости снежный шторм не стреляет из архаичной пороховой пушки, не пуляет реактивными гранатами и не обстреливает из крупнокалиберного пулемёта. Чего его бояться?

Времени нет. Невозможно ни оглянуться по сторонам, ни посмотреть на часы. Грозовой фронт над головой во сто крат надёжней самых совершенных глушилок блокирует связь с командованием. Да и не нужно считать секунды. Времени нет. Минута может показаться часом, а час — минутой.

Наконец молнии перестали рвать небо на части, а гром стих. Пусть окружающий мир

окончательно погрузился во тьму, а вода со снегом по прежнему льёт, как из ведра, стихия подрастеряла былую ярость и слегка поутихла. Биал осторожно поднялся на четвереньки. Худо-бедно, но передвигаться можно.

В первую очередь нужно как можно дальше убраться от кромки воды. Кто её знает? Вдруг уровень повысится? Возле большого валуна Биал остановился и прислонился к огромную камню спиной. Былое перенапряжение глухой болью пульсирует в мышцах, зато руки и ноги наконец-то блаженно отдыхают.

Шторм явно идёт на спад. Красный Дайзен всё чаще и чаще просвечивает сквозь тучи на восточном горизонте. Счастливый как никогда прежде, Биал блаженно наблюдает за местным восходом.

— Рядовой Ришат! Отзовитесь! Что с вами?

Ожила связь. От неожиданности Биал аж вздрогнул.

— Рядовой Ришат! Доложите обстановку!

Ба-а-а! Да это же сам генерал-лейтенант Солмар, командующий десантом. О как начальство переполошилось.

— Генера-а-алл! Вы меня похоронили! Закопали! А вот и хрен вам!!! Я жив! Я свободен!!! — впервые в жизни Биал с превеликим удовольствием плюнул на устав.

В иной ситуации его бы ждал трибунал и неизбежное увольнение с позором, но только не сейчас.

— Рядовой Ришат, — в голосе генерала чувствуется огромное облегчение. — Оставайтесь на месте. Вас немедленно эвакуируют. Ждите! Конец связи.

— Есть ждать на месте, — по инерции ответил Биал.

Сквозь вой ветра пробился могучий рёв реактивных турбин. Биал задрал голову. С севера подлетает аж целое звено аэрокосмических истребителей. А за ними, похожий на крошечную коробочку с крыльшками, летит «Торнадо».

Глава 26. Ядерный шантаж

«Из всего гарнизона Восточного блокпоста уцелел один рядовой».

— И наверняка его произведут в сержанты, — произнёс Рекоу вслух и, щёлкнув ногтём по иконке, закрыл доклад генерал-лейтенанта Солмара.

Как правительственный консультант, Рекоу имеет доступ ко всем документам Первого ударного. Если бы не прямое предписание президента Федерации, то адмирал Крилл сделал бы всё, чтобы оградить навязанного консультанта от докладов подчинённых. К счастью, уровень доступа Рекоу такой же, как у самого адмирала.

Как обычно по вечерам Рекоу заперся у себя в каюте и погрузился в чтение текущих сообщений. Пусть на небольшом электронном столе читать не очень удобно, зато можно наслаждаться одиночеством. Ни один даже самый захватывающий роман не может сравниться по накалу страстей с реальной жизнью. Да и быть в курсе текущих событий не помещает.

Да-а-а... Несладко пришлось генералу. Рекоу откинулся на спинку вращающегося стульчика. Сначала батальон по глупости засадили, а теперь ещё и взвод профукали. Подобные эпизоды не красят руководство адмирала Крилла. Ой как не красят. Быстрее, пачкают чем-то липким и очень вонючим.

Как доложил генерал-лейтенант Солмар, прошедшей ночью, под прикрытием сильного шторма, аборигены провели несколько налётов на гарнизоны и блокпосты космических пехотинцев по всему кратеру Финдос. Нужно признать: чертовски хорошо провели. Если Западный блокпост с горем пополам и большими потерями отбил, то Восточный уничтожен полностью. Ну, кроме того счастливого.

Это надо было видеть, Рекоу невесело улыбнулся. Когда вчера утром командующему флотом доложили о потери связи с Восточным блокпостом, то адмирал Крилл не испугался, не расплакался, даже не расстроился. Вместо этого он рассердился тихо и зло, как опытный игрок в покер, чью убойную комбинацию из четырёх королей противник побил ещё более убойной комбинацией из четырёх тузов. Очень плохая реакция. Быть беде.

Рекоу бросил взгляд на электронный стол. Беленький прямоугольничек доклада Солмара по-прежнему выделен синим цветом. Чудесное спасение одного единственного рядового можно было бы расписать в красках, но генерал не стал этого делать, ибо никакая цветастая салфеточка не может скрыть позорного поражения. Так что нечего и пытаться.

А вот как поведёт себя адмирал Крилл? Пусть он отъявленный карьерист, но далеко не дурак. Впрочем, Рекоу посмотрел на часы в правом нижнем углу электронного стола, это скоро выяснится. Ровно в 17:00 по местному времени командующий флотом собирает совещание.

Рекоу печально глянул на сваленные возле койки ботинки-липучки. Опять придётся одевать это и тащиться через весь линкор. Только находясь внутри корабля, теряясь в его бесконечных коридорах и колодцах, понимаешь, насколько же велик «Ингар».

Словно собираясь на казнь, Рекоу пересел на койку и принялся натягивать на ноги ненавистные липучки. Ну что мешает адмиралу провести совещание в кают-компани линкора?

В штабе флота Рекоу остановился возле тактического стола недалеко от адмирала Крилла. Как обычно «присутствуют» командующий космическим десантом генерал-

лейтенант Солмар, контр-адмирал Нинчан и прочие капитаны космических кораблей флота. Адмирал Крилл поглядывает на изображения высших офицеров словно Великий Создатель на копошащихся возле его стоп простых смертных.

Рекою, скрывая раздражение, переступил с ноги на ногу. Уж сколько довелось простоять на этом самом месте на всех этих собраниях и совещаниях, а командующий флотом так и не соизволил предоставить хотя бы простенький стульчик. И, ведь, прекрасно знает, зараза, как «хорошо» Рекою переносит невесомость. Во истину: самые большие люди самые мелочные.

Адмирал Рекою с торжественным видом заседает во главе тактического стола. Точно в 17:00 адмирал театрально поднял руку и заявил:

— Уважаемые офицеры, нам необходимо признать: контрпартизанская война против бунтовщиков на Дайзен-2 оказалась неэффективной.

От удивления Рекою выпучил глаза. Чтобы «будущий президент Федерации Мирема» пошёл на политическое самоубийство? Быстрее адмирал Крилл согласится выпрыгнуть в открытый космос без скафандра.

На лицах остальных участников совещания отражается полный спектр эмоций. Командующий фрегатом «Вемис» капитан первого ранга Эричонг удивлён неимоверно и одновременно хмурится от неверия. А вот командующий авиацией флота капитан третьего ранга Ниртан едва скрывает страх. Вот, только, генерал-лейтенант Солмар выглядит грустным, как будто его только что разжаловали в рядовые и аннулировали выслугу лет.

Накаркал! Рекою попытался встать по удобней. Но что может означать «удобней», если приходится болтаться в невесомости, словно тонкая ниточка водоросли в стоячей воде. Адмирал Крилл не из тех, кто просто так сдаётся. Ох, что-то будет.

— Генерал-лейтенант Солмар, — адмирал Крилл передвинул изображение командующего десантом в центр тактического стола и увеличил картинку. — Ваши солдаты сражаются великолепно. Во всех боевых столкновениях аборигены неизменно убегали. Даже победа над Восточным фортом далась им огромной ценой. Но, к сожалению, контрпартизанская война может растянуться на годы, а у Первого ударного флота не хватит ресурсов на столь длительный срок.

Признание адмирала Крилла воспринимается с превеликим трудом. Рекою не удержался и протёр глаза кулаками. Присутствующие на собрании офицеры не проронили ни слова. Ну и какой смысл напоминать командующему флотом о предупреждении, которое произнёс генерал-лейтенант Солмар в этом же штабе три месяца назад? Правильно — никакого. Главное: адмирал Крилл всё же признал провал контрпартизанской войны.

— Я предлагаю прибегнуть к ядерному шантажу, — адмирал Крилл буквально излучает уверенность в собственной правоте. — Нужно припугнуть аборигенов как следует. В конце концов, над Свалкой висит огромный флот, пора пустить его в дело.

Адмирал Крилл посмотрел на Рекою.

— Утас Рекою, как по-вашему, сработает? — неожиданно спросил командующий флотом.

— Нет, — не задумываясь, ответил Рекою.

— Почему? — адмирал Крилл сама любезность.

— Аборигены не поверят в реальность угрозы. Краеугольный камень всей их стратегии заключается в том, что у флота Федерации не хватит решимости пустить в ход ядерное оружие. А пугать их пытался ещё контр-адмирал Виман, бывший командующий Первым

крейсерским флотом. Попробовать напугать аборигенов ещё раз — бесполезная трата времени.

— Правильно! — воскликнул адмирал Крилл.

Рекоу испугался. Командующий флотом ожидал именно такой ответ. Ой не к добру.

— Я предвидел подобную сложность, — адмирал Крилл самодовольно улыбается. — Генерал-лейтенант Солмар, вы выполнили мой приказ?

— Да, — командующий десантом мрачнее тучи.

— Отлично! Вызовите на связь Независимое правительство Дайзен-2, — потребовал адмирал Крилл.

Штабной офицер принялся монотонно бубнить в микрофон одно и то же послание:

— Первый ударный флот вызывает на связь Независимое правительство Дайзен-2. Ответьте. Первый ударный флот вызывает...

Так что же приготовил адмирал Крилл? Рекоу нахмурился. Командующий флотом вовсе не собирается сдаваться, как показалось по началу. Хуже. Он что-то задумал. Что-то ужасное, раз оно в кратчайший срок должно заставить аборигенов прекратить сопротивление.

Связи не было минут десять. Рекоу извёлся от неизвестности. Сложней всего сохранить на лице деловое выражение. Адмирал Крилл и так смотрит чуть прищуренным насмешливым взглядом. Наконец над тактическим столом возник голографический экран, а на нём изображение главы Независимого правительства.

За три месяца витус Тонк изменился не в лучшую сторону. Откровенно говоря, выглядит он не важно. Лицо бывшего зама по энергетике осунулось, щёки впали, а под глазами от регулярного недосыпания набрякли чёрные мешки. Зато глаза главы Независимого правительства сверкают нескрываемым торжеством. Ну конечно: кто первый в кровавой драке начал переговоры, тот, считай, почти признал себя побеждённым.

— Добрый вечер, уважаемый, — вежливо поздоровался адмирал Крилл.

— И вам добрый вечер, — не менее вежливо ответил витус Тонк.

— Витус Тонк, я в последний раз предлагаю вам прекратить напрасное кровопролитие и страдания мирного населения колонии. В случае добровольной капитуляции всех участников вооружённого мятежа ожидает амнистия. Вы лично и члены вашего Независимого правительства получите возможность уйти в отставку с сохранением всех причитающихся выплат и пособий.

Рекоу не поверил собственным ушам. После вчерашнего разгрома Восточного блокпоста, говорить о почётной капитуляции глупо. Очень глупо. Но, похоже, адмирал Крилл знает, что делает. Как опытный игрок в покер, командующий флотом умеет сохранять хорошую мину при плохой игре. Или у него в рукаве лишний туз? Одно адмирал добился несомненно: витус Тонк нахмурился, от восторженного блеска глазах не осталось и следа.

— Мы не для того страдали и проливали свою кровь, чтобы вот так просто взять и капитулировать. Мы отказываемся признать поражение. Мы будем вести благородную войну за независимость до победного конца, — несколько смущенно и сумасбродно, но твёрдо и уверенно, ответил витус Тонк.

Адмирал Крилл еле заметно улыбнулся.

— Тогда, уважаемый, вы не оставляете мне выбора: я вынужден прибегнуть к решительным мерам и нанести по Дайзен-2 массивный ядерный удар, после которого колония прекратит своё существование. Спрашиваю последний раз: вы готовы

капитулировать?

Что? Быть не может! Рекоу схватился за сердце. Неужели адмирал Крилл всё же решился на ядерный удар? Или нет? Глава Независимого правительства заметно расслабился. Витус Тонк гордо выпрямил спину и звонким от твёрдости голосом заявил:

— Мы быстрее погибнем, нежели вновь попадём в рабство к метрополии.

Адмирал Крилл, торжествуя, улыбнулся.

— Очень жаль, витус Тонк. Только что вы допустили самую большую, и, увы, последнюю ошибку в своей жизни. Прощайте.

Адмирал демонстративно повернул голову в сторону и бросил через плечо:

— Запускайте!

Голографический экран над тактическим столом пошёл рябью и пропал. На тактическом столе появилась карта кратера Финдос. Рекоу, словно замороженный, уставился на пульсирующую красную точку на месте столицы колонии.

— Вот так, уважаемые, — голос адмирала Крилла вывел Рекоу из ступора. — Столицы Свалки больше нет и никогда больше не будет.

Рекоу поднял глаза на командующего флотом. Адмирал Крилл, довольный сам собой и произведённым эффектом, откинулся на спинку кресла и самодовольно потирает руки.

Гневные слова застряли в горле, Рекоу беспомощно закашлял. Да и какие могут быть слова, если адмирал Крилл всё же пустил в ход ядерное оружие.

Глава 27. Ядерный взрыв

— Не! Ну ты полюбуйся! — возбуждённо воскликнул Шнык. — Что делают! Что делают!

Шнык энергично ткнул пальцем в экран видеонаблюдения. Чуть дырку не проколол.

— И ради вот этого ты вытащил меня из тёплой постельки и приволок на наблюдательный пункт, — Чаг демонстративно зевнул и потянулся всем телом.

— Да ты внимательней смотри! — Шнык не понимает. — Ты чего? Не догоняешь?

— А что тут догонять? — Чаг присел на железный стульчик. — Они уходят. Просто уходят.

— Правильно! — Шнык поднял указательный палец. — Космические пехотинцы покидают первый городской уровень.

А, ведь, и в самом деле? Чаг попытался потереть кулаками опухшие от сна глаза, но руки ткнулись в забрало шлема. На наблюдательном пункте, как и на улицах Финдоса, нельзя находиться без борга.

За три месяца космические пехотинцы основательно засели на первом городском уровне. Восстановили освещение нескольких главных улиц и установили мобильные системы жизнеобеспечения в некоторых домах. Базовый лагерь у подножья Лакмары не лучшее место для долговременной стоянки. Вот космические пехотинцы и предпочли перебраться под землю в гораздо более комфортные дома и квартиры.

Недели три-четыре тому назад командование вообще решило прекратить беспокоить противника на первом городском уровне. От мелких стычек проку чуть, потери одни, а вот раскрывать последние ещё не найденные ходы ни к чему. Пригодятся ещё. После каждой новой стычки космические пехотинцы раз за разом прочёсывают первый городской уровень дом за домом. Вон! Чаг посмотрел на большой экран видеонаблюдения: работающих камер и так чуток осталось. А тут на тебе.

С раннего утра, едва стих шторм, космические пехотинцы развернули бурную деятельность. Командование с перепугу приготовилось отражать крупномасштабное наступление. А на самом деле противник развернул крупномасштабную эвакуацию. Грузовые вездеходы принялись без устали таскать на выход из города многочисленные контейнеры и цистерны. Одно за одним космические пехотинцы освободили занятые под казармы, штаб и госпиталь здания. А ещё через два часа отключили и вывезли последнюю мобильную электростанцию. Сейчас на первом городском уровне остались только усиленные караулы возле аварийных лестниц и взорванных автоспусков.

Чаг окончательно проснулся и с удивлением уставился на большой экран. И в самом деле дежурившие возле Автоспуска № 1 респы развернулись и засемили прочь. Следом, грациозно развернувшись на пяточке, последовала «Шельма». Последними боевые посты оставили космические пехотинцы. Ещё минута, и площадь Десяти столбов опустела.

— Не нравится мне это. Очень не нравится, — заявил Шнык. — Да и начальству, быстрее всего, тоже. Готовься... — загадочно протянул Шнык.

— К чему? — не понял Чаг.

— Ко всему, — неопределенно ответил Шнык.

В одном Шнык оказался прав на все сто: едва последний космический пехотинец вышел из Главных ворот, как поступил приказ немедленно занять первый городской уровень.

Отдельным указанием последовало требование тщательно обследовать оставленную противником территорию. В числе передовых отрядов оказалось третье отделение первого взвода. После возвращения из рейда в Изумрудную долину, Чага со Шныком вновь направили в первую роту Народной армии, которую по неизвестным причинам перевели в гарнизон столицы Финдос.

По секретному проходу на Серебристой улице третье отделение вышло на первый городской уровень недалеко от центральной площади. Чаг оглянулся по сторонам — никого.

— Отделение, пошли, — Шнык махнул рукой в сторону Площади пионеров.

Радоваться или бояться? Чаг насторожено шагает вдоль домов по Серебристой улице. Третьему отделению приказано обследовать Площадь пионеров, в некотором роде логово врага. По данным разведки, как раз в бывшей резиденции губернатора находилась комендатура Финдоса. А рядом, в здании бывшего Управления финансов, казармы космических пехотинцев.

Последнюю видеокамеру на Площади пионеров противник обнаружил больше месяца назад. Что с тех пор о том, что творилось в центре города, оставалось только догадываться.

Бродить по знакомым улицам в тревожной темноте жутко и непривычно. Чаг напряжённо водит закреплённым на стволе «Надежды» фонарём из стороны в сторону. Яркий луч света то и дело высвечивает пустые окна и распахнутые двери. На стенах домов то и дело встречаются воронки и провалы — немые следы недавних боев. Асфальт под ногами сильно растрескался, а местами появились самые настоящие ухабы. Городские дороги не рассчитаны под тяжёлые боевые машины пехоты и тем более под ещё более тяжёлые танки на гусеничном ходу. А вот и Площадь пионеров.

— Жалко-то как, — сдержанно воскликнул идущий слева Шнык.

— Не то слово, — печально согласился Чаг.

Некогда самый большой на планете парк не перенёс через чур долгого отсутствия света, кислорода и перепада температур. Высоченные ели засохли на корню. Некогда густые кроны осыпались. Мёртвые деревья с широко раскинутыми ветвями похожи на злых великанов, готовых в любой момент схватить и сожрать зазевавшегося путника. Трава, которую специально косили очень редко, почернела и полегла. Чаг печально вздохнул. Даже не верится, что когда-то здесь стоял ядрёный запах свежей хвои, а ветер мелодично шевелил густые кроны. Люди специально приезжали из дальних поселений, чтобы побродить по густой траве и хотя бы на миг представить, каково это оказаться на открытом пространстве без борга.

— Начинаем с парка, — скомандовал Шнык.

— Но почему? — удивился Чаг. — Парк далеко не самый важный объект.

— Вот поэтому я и не хочу оставлять его в тылу, — пояснил Шнык. — Пошли!

— Есть пошли, — отозвался Чаг.

Шнык прав, но всё равно очень не хочется заходить в мёртвый лес. Если даже со стороны погибший парк производит гнетущее впечатление, то что же будет внутри?

Космические пехотинцы не стали издеваться над погибшим парком, это радует. Даже мусора практически нет. На засыпанных пылью дорожках многочисленные следы бронированных ботинок. Старательно поглядывая под ноги и на окружающие деревья, Чаг вместо с товарищами по отделению углубился в мёртвый лес.

— Командир! Я что-то нашёл! — общий канал связи донёс взволнованный голос рядового Гармана.

— Где? — отозвался Шнык.

— Прямо передо мной, — рядовой Тарман на секунду замялся и поспешно уточнил. — Справа от вас метров на сто, примерно.

— Оставайся на месте. Иду, — приказал Шнык.

Что нашёл рядовой? Что привлекло его внимание настолько, что он решил доложить командиру. Чаг повернул следом за Шныком.

За рядом высохших кустов с голыми ветками, на крошечной полянке между мёртвыми соснами, стоит высокий длинный ящик стального цвета. Чаг подошёл ближе. Больше всего ящик похож на старинный сундук со скошенными краями и квадратными петлями. Грани и углы ящика дополнительно усилены стальными уголками.

— Вот, — рядовой Тарман показал пальцем то ли на ящик, то ли на сундук.

Шнык с задумчивым видом уставился на блестящий запорный механизм. Вместо замочной скважины сенсорная панель. Что бы там ни было, а просто так ящик не открыть.

— Забыли увести? — Чаг склонился над сенсорной панелью.

Так и хочется ткнуть пальцем в панель, чтобы активировать её. Но лучше этого не делать. На всякий случай.

— Не думаю, — немного помолчав, ответил Шнык. — Ты на землю посмотри: этот ящик сюда специально завезли и оставили. Автопогрузчиком снимали. Видишь, какая глубокая калия?

— Тогда что же это? — спросил Чаг.

Чаг по кругу обошёл таинственный ящик. На левом торце незнакомый рисунок: странный цветок с тремя лепестками заключён в жёлтый треугольник. Точнее, символ цветочка, без художественных подробностей.

Чаг не удержался и провёл кончиками пальцев по чёрному цветочку. Что-то очень хорошо знакомое. Обычно на таких ящиках пишут различные предупреждения: «Не кантовать», «Не бросать». Здесь же вообще ничего. Хотя... Желтый треугольник обозначает предупреждение.

— Шнык! Помоги вспомнить, — позвал Чаг.

— Что у тебя?

— Да вот, — Чаг показал рукой на рисунок. — Что-то знакомое... А что — хоть убей, не помню.

— Действительно... — задумчиво согласился Шнык.

Но ведь жёлтый треугольник с тремя лепестками должен что-то обозначать. Не так давно Дайзен-2 был частью Федерации Мирема. На него распространялись не только законы метрополии, но и различные стандарты, правила, нормативы, в том числе и предупредительные знаки.

— Разрешите доложить!

Чаг оглянулся. Рядовой Тарман, совсем зелёный боец из Стратегического резерва, вытянулся по стойке смирно и аж дрожит от нетерпения.

— Отставить устав, — приказал Шнык. — Ты знаешь, что это такое?

— Так точно! То есть, да, — рядовой Тарман немного расслабился. — Это знак радиационной опасности. То есть: «Осторожно. Радиоактивное излучение».

Шнык так и замер на месте. За тёмным забралом шлема лицо не видно, но, голову на отсечение, Шнык впал в дикое замешательство. С чего бы это?

— Да... что ж... ты сразу не сказал! Дурья башка!!! — взорвался Шнык. — Внимание!!

Внимание!!! Всем!!! Всем!!! Всем!!! — заорал Шнык. — На площади Пионеров обнаружена ядерная бомба!!! Повторяю! Ядерная бомба!!!

Чаг отскочил от стального ящика как ошпаренный. Ну точно! Бомба! Ядерная! А что ещё могли оставить космические пехотинцы в центре столицы? Уж точно не цветы и тортики.

— Отделение!!! — от напряжения Шнык аж охрип. — Срочно отступаем! Вон из города!!! Унесите свои задницы как можно быстрее!

Последнюю фразу Шнык бросил на ходу. Чаг, едва отойдя от шока, тут же закинул «Надежду» за спину и дал дёру.

Самый большой, самый страшный кошмар стал явью. Противник всё же рискнул пустить в ход ядерное оружие. Чаг пару десятков метров обогнал Шныка.

Весть о ядерной бомбе на Площади пионеров облетела Финдос и напугала бойцов Народной армии. Не слушая командиров, бросая на ходу автоматы и разгрузки с боеприпасами, солдаты со всех ног драпают из города. Отделения, взвода и роты перемешались. Смотровая улица превратилось в прогон для испуганных баранов.

Вперёд! Вперёд! И только вперёд! Расталкивая солдат и перепрыгивая через упавших, Чаг пробивается по Смотровой улице в сторону Площади простора. Да где же она?

В момент штурма первого городского уровня космические десантники разнесли вдребезги заложённое бетонными блоками большое панорамное окно, но так и не заложили его вновь. Чаг подбежал к пролому и с ходу запрыгнул на поваленный блок.

Снаружи ночь. Фонари на борге сияют в полную силу. К чёрту! Чаг соскочил на землю по ту сторону панорамного окна. Противника можно не опасаться.

Лучи фонарей дрожат и прыгают по каменному склону Лакмары. Камней и трещин столько, что запросто можно не то что ноги — шею свернуть. Но Чаг, не сбавляя скорости, бежит и бежит вниз по склону горы.

Едва не спотыкаясь, с ходу перепрыгивая через трещины и расщелины, Чаг почти добежал до подножья Лакмары, как могучий толчок снизу подбросил его в воздух.

Инерция подло толкнула дальше вниз по склону. Чаг шлёпнулся на землю и перевернулся через голову несколько раз. Вслед за толчком из недр Лакмары донёлся адский грохот. Из панорамного окна, расшвыривая бетонные блоки, вырвалась огненная волна. Яркая вспышка на миг превратила ночь в день.

Чаг, извиваясь ужом, отполз за ближайшее укрытие. Но камень настолько мал, что всё равно видно, как вершина Лакмары пошла глубокими трещинами. Из глубин горы вырвались огромные фонтаны пыли и обломков. В шлеме тревожно затрещал детектор радиационной опасности. Как будто и без него не ясно, что произошло. Словно кролик замороженный удавом, поражённый Чаг наблюдает за гибелью любимого города.

Огромное облако радиоактивной пыли медленно поползло вниз по склону. Они всё таки решились пустить в ход ядерное оружие. Чаг без сил распластался по земле. Самого большого парка на планете, да и самой Площади пионеров, больше нет и никогда не будет. Отныне и навсегда столица колонии превратилась в брошенный город, если только там, в глубинах, ещё хоть что-то уцелело.

К чёрту такую независимость! Чаг, не поднимая головы, зло стукнул кулаком по земле. Жизнь дороже.

Это предупреждение. Да! Точно! Предупреждение. Если Независимое правительство немедленно не прекратит весь этот балаган — колонии хана! Пока только один ядерный

заряд. Перед глазами сам собой возник тот самый большой ящик, так похожий на древний сундук. А потом в ход пойдут высокоточные ракеты и планирующие бомбы. Трюмы Первого ударного под завязку забиты ядерным оружием, а девать его некуда. Всем этим адмиралам и контр-адмиралам страсть как хочется поиграть в крутых солдатиков.

Треск датчика радиоактивной опасности перешёл в сплошной зум. Пылевое облако накрыло с головой. Если войну немедленно, сейчас же, тотчас, не прекратить, то весь кратер Финдос превратится в одну сплошную радиоактивную пустыню. Чаг с трудом встал на ватные ноги. В голове шум, а руки трясутся от нервного перенапряжения.

Нужно выбирать. Куда не важно. Главное вон из радиоактивного облака. И, Чаг с трудом сглотнул, подальше от бывшей столицы.

Глава 28. Провал

Невероятно! Адмирал Крилл всё же решился использовать против колонии ядерное оружие. Пусть не в массовом порядке, пусть всего один заряд, но... Важен сам факт его применения.

От удивления и ужаса Рекоу словно окаменел. Глаза чуть не выскочили из орбит, а руки сами собой вцепились в край тактического стола. Рот, не смотря на все попытки закрыть его, так и остался распахнутым настежь. Словно живая скульптура в Долгопрудном парке в Пасме, Рекоу так и замер перед адмиралом Криллом навтыжку. Зато командующий флотом находится в самом что ни на есть прекрасном положении духа.

Похожий на кота, который сожрал таки любимую хозяйскую канарейку, адмирал Крилл вольготно раскинулся в командном кресле. Обрыв связи с Дайзен-2 развеселил его ещё больше. К тому моменту, когда Рекоу худо-бедно сумел справиться с потрясением и закрыть рот, адмирал Крилл продолжал сидеть в кресле с видом повелителя вселенной.

— Ну, уважаемый, как теперь, по-вашему, поведут себя аборигены? — приторно-вежливым голосом поинтересовался адмирал Крилл.

— Э-э-э... — Рекоу с трудом прочистил горло. — Понятия не имею. Я, э-э-э... совершенно не представляю их реакцию. Вряд ли они понесли большие потери, но... сам факт... С другой стороны... — Рекоу так и не довёл мысль до конца, только беспомощно пошевелил плечами.

Растерянный вид Рекоу только добавил адмиралу веселья. Командующий флотом устроился в кресле по удобней и приготовился ждать.

А сколько продлится ожидание? Сколько аборигенам понадобится времени, чтобы отпавиться от шока и капитулировать? Бог его знает. Но! Рекоу наконец-то оторвал судорожно сжатые пальцы от края тактического стола, он отсюда ни за что не уйдёт. Удивление, страх и, чёрт побери, любопытство приковали его к полу возле тактического стола. Бог с ней с невесомость. Если потребуется, то он готов проболтаться в штабе флота хоть две, хоть три вечности.

Мучительно медленно минуты идут за минутами. Прошло полчаса. Час. Полтора часа. Кажется, будто жизнь в штабе Первого ударного замерла в тревожном ожидании. Штабные офицеры притихли возле пультов, а многочисленные экраны перестали перемигиваться цветными картинками.

Рекоу искоса поглядывает на командующего флотом. Адмирал Крилл потихонечку теряет самодовольный вид и хмурится всё больше и больше. Чего же он ждёт? Рекоу призадумался. Ну конечно! По законам жанра, аборигены должны первыми выйти на связь и упасть перед адмиралом на колени, моля о спасении своих жалких жизней. А этого как раз и нет. Злость и раздражение закипают в душе адмирала и прорываются наружу маленькими фонтанчиками. Он уже не повелитель вселенной, а вулкан, который грозно гудит и готовится взорваться в любую минуту.

Часы на тактическом столе перевалили за 20:00, местную полночь. Пошёл хор, последний псевдочас из девятнадцати минут. Наконец, командующий флотом не выдержал.

— Дайте мне связь со Свалкой! — грозно потребовал адмирал.

На этот раз связь установилась довольно быстро. Не прошло и пары минут, как над тактическим столом вновь возникло голографическое изображение плоского экрана. Рекоу с

интересом уставился на главу Независимого правительства. Больше всего витус Тонк напоминает сбежавшего из психушки больного. Главарь бунтовщиков напряжён до предела. На щеках выступил нездоровый румянец, а губы судорожно стиснуты. Витус Тонк держится с превеликим трудом. Смирительная рубашка была бы ему сейчас очень кстати.

— Какого чёрта вы не сдаётесь? — адмирал Крилл отбросил вежливость в сторону.

Повисла неловкая пауза. Витус Тонк тяжело дышит, словно загнанная лошадь, а на лице отображается напряжённая внутренняя борьба. Рекоу затаил дыхание. Либо, либо.

— Вам... — витус Тонк с трудом разжал плотно сжатые губы. — Нас... Не запугать. Мы лучше умрём свободными людьми, чем вновь станем рабами метрополии.

Первые слова дались витусу Тонку с большим трудом. Зато последние он произнёс с мрачной решимостью готового на всё человека.

— Никакой капитуляции! Никакого поражения! Свобода, или смерть! — громогласно воскликнул витус Тонк.

Адмирал Крилл, глядя на главу Независимого правительства в упор, тяжело задышал. Щёки командующего флотом налились багровым румянцем, а пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Да вы что?! Охренели в конец!!! Живо лапки кверху! Или через пять минут ваша Свалка станет радиоактивной свалкой!

Но витус Тонк уже оправился от шока.

— Вам нас не запугать, — уверенно заявил витус Тонк. — Никакой капитуляции. Никакой сдачи. Никаких лапок. Свобода, или смерть!

— Недоумки!!! Кретины!!! Болваны!!! — адмирал Крилл сорвался на истеричный визг. — Да я уничтожу ваш свинарник! В грязь втопчу! Заставлю жрать собственное дерьмо!

Адмирал Крилл забился в кресле, словно эпилептик.

— Первый ударный флот! Слушай мою команду! Уничтожить Свалку! — у адмирала Крилла окончательно сорвало «крышу». — Массированный ядерный удар! Чтоб от Финдоса даже гор не осталось! Пли!!! Пли!!!

От ужаса Рекоу аж присел. Неужели ядерный кошмар станет реальностью? Надо бы заорать, закричать, пусть даже в самой грубой форме потребовать от адмирала отметить чудовищный приказ... Но вместо слов из горла вырвался жалкий писк.

Между тем адмирал Крилл взбесился ещё больше.

— Какого хрена не стреляете? — адмирал, вытянув шею, обернулся на штабных офицеров. — Я приказываю! Пли!!! Пли!!!

Рекоу перевёл взгляд на штабных офицеров. Кто побледнел от страха, а кто наоборот покраснел от возбуждения, но все как один неподвижно сидят на своих местах и только молча пялятся на командующего флотом.

— Какого... — адмирал Крилл задохнулся от ярости и принялся тереть застёжку ремней.

С тихим шелестом отворилась входная дверь. В штабе флота появился контр-адмирал Нинчан. Одним большим прыжком капитан линкора очутился возле тактического стола.

— Адмирал Крилл. Первый ударный флот отказывается выполнять ваш преступный приказ. Я отстраняю вас от командования и беру управление флотом в свои руки.

— Да ты кто такой? — адмирал Крилл уставился на нового противника. — Да я тебя раздавлю! В грязь втопчу! Ты у меня собственное дерьмо жрать будешь!

— Адмирал Крилл!

— Да-а-а!!! Я адмирал! А ты никто!!! Ничтожество!!! Неудачник!!! — адмирал Крилл чуть ли не грызёт держащие его ремни. — У-у-ухх времени мало было. А то я бы тебя в отставку выгнал. С позором.

— Я требую, чтобы вы немедленно покинул штаб флота и легли в анабиоз! — уверенно произнёс контр-адмирал Нинчан.

— Он требует! — ремни, удерживающие адмирала Крилла в кресле, разлетелись в стороны. — Да я тебя!

Подогнув ноги, адмирал Крилл резко оттолкнулся от кресла. Словно торпеда, перелетев через тактический стол, адмирал врезался в капитана линкора. Контр-адмирал Нинчан не успел ни пригнуться, ни увернуться. Высшие офицеры флота кубарем полетели по штабному помещению.

Драка двух адмиралов словно расколдовала штабных офицеров. Бросив пульта управления, они дружно ринулись в общую кучу. Входная дверь растворилась и в штабе появилось ещё несколько человек.

Невероятно! Рекоу окончательно потерял дар речи и только молча уставился в визжащий и воющий клубок человеческих тел под потолком. Офицеры флота дружно пытаются усмирить адмирала Крилла. Но! В условиях невесомости сделать это невероятно трудно. Низложенный командующий орёт благим матом, размахивает кулаками и лягается, словно бешенный осёл. Офицеры отлетают от него, словно теннисные мячики от ракетки.

С тихим шелестом дверь отворилась вновь и в штабе появился ещё один член экипажа с красным крестом на рукаве. Медик смело ринулся в общую кучу. Невероятным образом ему удалось зацепиться за адмирала Крилла и всадить ему в спину заряд из парализатора.

Адмирал Крилл тут же умолк и перестал дёргаться. Офицеры флота отпустили его. Ещё немного, и низложенный командующий завис под потолком словно поломанный манекен.

— Отведите его в анабиозный отсек и сразу уложите! — контр-адмирал Нинчан спустился к тактическому столу.

Корабельный медик схватил адмирала Крилла за шиворот и без какого-либо уважения к низложенному командующему поволок его прочь из штаба. Остальные офицеры вернулись на свои места.

Ну это уже вообще ни в какие ворота не лезет. Рекоу слабо пошевелился. Связь с Дайзен-2 продолжает исправно работать. Всё это время главарь мятежников с нескрываемым удовольствием наблюдал за военным переворотом в штабе флота.

— Рано радуетесь, — контр-адмирал Нинчан демонстративно опустился в кресло командующего флотом и пристегнулся ремнями.

Вид у контр-адмирала Нинчана весьма помятый. Потные волосы взъерошены, правый рукав форменной куртки надорван, а левая щека исполосована красными царапинами.

— Чёрт с вами, уважаемый. Вы выиграли это сражение. Но ещё не всю войну! В третий и решающий раз Федерация Мирема возьмётся за вас всерьёз, — контр-адмирал Нинчан поднёс к голографическому экрану сжатый кулак. — А на прощанье мы громко хлопнем дверью. Так что не расслабляйтесь. Конец связи.

Голографический экран тут же погас.

Рекоу облегчённо выдохнул. Словно камень с плеч. Хотя какой там камень? Гора! Огромная гора. Целый горный хребет. По крайней мере на этот раз геноцида целого мира не будет. Это радует.

— Первый ударный флот, слушай мою команду, — заговорил контр-адмирал Нинчан. —

Боевую операцию по подавлению вооружённого бунта на планете Дайзен-2 прекратить. Космическому десанту эвакуироваться с поверхности планеты. Кораблям флота приготовиться к походу. Отправление сразу же после завершения эвакуации космического десанта.

Рекоу, словно единственный зритель в театре абсурда, так и простоял на одном и том же месте в штабе флота всё представление. На его глазах свершилась история: маленькая колония во второй раз смогла дать решительный отпор могучей метрополии.

На этом представление закончилось. Флот возвращается домой. Рекоу развернулся на месте и с трудом заковылял на выход. Ботинки-липучки противно чмокают по полу. Невесомость невесомостью, но после многочасового зависания на месте чувствуешь себя так, словно вместо лошади вспахала пару гектаров целены.

Рекоу выбрался в коридор. На душе муторно, словно слепых котят утопил. В одном контр-адмирал Нинчан прав: пусть Первый ударный проиграл это сражение, но война ещё не закончена. Будет третий и самый решительный раунд.

После двух поражений подряд метрополия из принципа не оставит маленькую, но очень гордую колонию в покое. Иначе президенту Букниру придётся публично побрить ноги.

Одна радость, ковыляя вдаль по коридору, Рекоу широко улыбнулся. Сегодня он ляжет в анабиоз и через день другой наконец-то воссоединится со своей семьёй. В ледяном сне что год за день, что день за год значения не имеет. Его миссия завершена, контракт выполнен до последнего пунктика.

— А чёрт, — Рекоу остановился перед распахнутой дверью в свою каюту.

За мечтами о семье и о голубом небе над головой напрочь забыл о бюрократии. Придётся написать кучу отчётов, особенно о том, что видел в штабе собственными глазами. Радость от скорого свидания с семьёй сменилась грустью. Остаётся одно: залечь спать, чтобы завтра по утру со свежими силами воздать должное бюрократии. Дверь в каюту тихо закрылась за спиной.

Глава 29. Медосмотр

Биал Ришат, одетый в лёгкий белый халат на голое тело, сидит за прозрачной перегородкой медицинского модуля и страшно нервничает. По ту сторону стеклянной преграды четыре главных врача дивизии сбились в кучу. Стоят, сволочи, думают, ругаются.

Биал в раздражении посмотрел на чистенькие приборчики и разложенные в идеальном порядке медицинские инструменты на отполированной до блеска подставке. Ни одна из этих мигающих и полированных шукувин не понадобилась. Из передраги в подземельях Свалки ему удалось выбраться без малейших повреждений. Многострадальный броник, правда, отправился в утиль, а на теле ни синяка, ни царапины. Но хуже ожогов и проникающих ран пресловутые БПТ — боевые психологические травмы.

В душе кипит раздражение. Так и хочется высказать этим мудакам в белых халатиках всё, что о них думаешь! Но нельзя. Биал постарался расслабиться.

Эти четыре хрена два часа пичкали его психологическими тестами. Тот, что маленький и почти лысый, всё тыкал и тыкал под нос планшетником с тупейшими картинками и всё интересовался, а что там изображено? Да что там может быть, кроме пятен чёрной краски, которую пьяный маляр разлил на полу! Другой, что повыше и покрупнее, приволок какую-то цветомузыку и минут тридцать щипал связками датчиков по всему телу.

Биал усмехнулся. Впрочем, понять эскулапов можно. По их мнению, после столь тяжёлого испытания он должен выть дурным голосом, подволакивать левую ногу и мочиться под себя. Вместо этого вырвавшийся из подземелий Свалки боец рвётся обратно в бой, чтобы сполна рассчитаться с аборигенами за погибших товарищей. Вот это больше всего и пугает врачей.

Главврач Четвёртого полка пугливо поглядывает на Биала и трусливо предлагает списать от греха подальше. Главврач Первого полка театрально размахивает руками, напоминает коллегам о тяжёлых боевых потерях и предлагает отправить потенциального обитателя психушки на убой.

Биал откинулся на спинку мягкого кресла и опять попытался расслабиться. Главное не улыбаться счастливо, как последний идиот при виде фантика. Но уголки рта сами собой тянутся к ушам. На Миреме наверняка списали бы. Так, на всякий случай. А здесь, на самой настоящей войне, каждый солдат на вес золота. Ничего. Проклятая улыбка опять расползлась до ушей. Никуда не денутся. Ещё сержанта дадут, взводом командовать поставят.

Вот это карьерный рост! Понимаешь. Не нужно годами шаркать ботинками по плацу и демонстрировать идеально заправленные коечки, чтобы добиться направления на офицерские курсы. А потом, получив вожделенные звёздочки, интриговать или просто ждать, когда, наконец, освободится офицерская должность. Ну вот, опять проклятая улыбка. Война на Свалке за пару месяцев освободила кучу вакансий.

Эскулапы за прозрачной перегородкой неожиданно напряглись. Главврач Четвёртого полка перестал пугливо шевелить губами, а главврач Первого махать руками. Это не есть хорошо. Биал сел в кресле. Что за чёрт?

Врачи радостно заулыбались — ну вообще никуда! Эскулап Первого полка протянул руку коллеге из Четвёртого. Ещё обнимитесь и поцелуйтесь для полного счастья. Да что же случилось? Биал встревожился не на шутку.

Главврач Первого полка открыл прозрачную дверцу и вошёл во внутрь.

— Рядовой Биал Ришат, — эскулап аж светится от радости. — Боевая операция по подавлению вооружённого бунта на Дайзен-2 завершена. Только что поступил приказ на эвакуацию.

— Что-о-о! — Биал наклонился вперёд.

От неожиданности главврач дёрнулся назад.

— Да вы хоть понимаете, что творите? — разошёлся Биал. — Дома, в метрополии, меня же спишут к чёртовой матери!

— Это не нам решать, — главврач испуганно выскочил за перегородку и захлопнул дверь.

От злости Биал ухватился за подлокотники и принялся раскачиваться из стороны в сторону. Медицинское кресло натужно заскрипело. Точно спишут. Трусы несчастные.

Но! Биал прекратил раскачиваться и вытянулся. Эскулап ничего не сказал о капитуляции... Неужели... Аборигены так и не сложили оружие. Значит, будет ещё одна война.

— Рядовой Биал Ришат, вы можете идти, — испугано моргая по ту сторону прозрачной перегородки, по громкой связи произнёс главврач Первого полка.

Мрачный, как грозовая туча, Биал слез с кресла. Руки чешутся. Так бы и врезал эскулапам доморощенным по сопатке! Но нельзя. Биал закрыли глаза и сделал несколько глубоких вдохов, выдохов. Иначе точно спишут.

Глава 30. Уход из Бацела

«Доношу до вашего сведения, что мы не можем приступить к ремонту Подъёмника № 7 из-за полного отсутствия гаек диаметром 13 миллиметров, а так же сварочных электродов диаметром 4 миллиметра».

Сержант Чолнар, нее дочитав до конца, бессильно уронил голову на очередной отчёт утуса Мессира, директора фосфорного рудника. Руки трясутся от злости. Детский лепет из песочницы. Ей богу.

Кабинет мэра Бацела Чолнар забрал под комендатуру, а самого мэра утуса Ковжана переселил в кабинет зама. Шикарный стол со столешницей из настоящей сосны доверху завален бумажными докладами, отчётами и клязуами. По правую руку лежит конфискованный у аборигенов ноутбук, древняя развалюха с ещё большим количеством докладов, отчётов и кляуз. Чолнар едва не расплакался. Всё это нужно разобрать, перебрать и принять хоть какие-то решения.

Так называемая колониальная администрация Бацела саботажем ещё только напрямую не занимается. Любое пустяковое дело, да хоть отсутствие тех же гаек на тринадцать, умудряются раздуть в проблему вселенского масштаба. Мэр Бацела со своим замом и директора местных производств только тем и занимаются, что строчат, строчат, строчат доклады, отчеты и... кляузы друг на друга. Доходит до анекдота.

Не далее как вчера утус Ковжан написал по полной форме, с печатями и подписями, доклад о «наличии отсутствия туалетной бумаги» в туалетах мэрии. Чолнара аж передёрнуло от отвращения. На чём строчить свои никчёмные доклады находят, а чем в сортире жопу подтереть, так не знают. Поставить бы всю эту так называемую колониальную администрацию к стенке, да расстрелять. Чолнар улыбнулся. Да только где гарантия, что новая администрация будет хотя бы на грамм лучше нынешней? Улыбка сама сползла с лица.

Хуже так называемой колониальной администрации работает только так называемая полиция. Новоявленные стражи порядка, урки недорезанные, уже доказали свою «высокую моральную стойкость» при нападении партизан три дня тому назад. У-у-ухх! Вот этих бы дармоедов лично бы повесил. За яйца. Каждого.

Проку от полиции чуть. Аборигены презирают их, а полицейские, под видом наведения порядка, вспоминают многочисленные обиды и мстят за прошлое. Чолнар печально улыбнулся. Чуть ли не каждый день приходится выпинывать из тюрьмы очередного «отъявленного партизана», очередного тронутого сединой и маразмом фермера, чья вина лишь только в том, что лет тридцать назад имел несчастье «купить на распродаже» нынешнего полицейского.

Но больше всего печалит другое. Чолнар с тоской посмотрел на свои руки. Вот уже скоро три месяца, как он с подчинёнными практически не снимает броник. Дома, то есть в метрополии, было проще: пришёл со службы, переоделся в цивильное и пошёл домой. Здесь же, во враждебном окружении, никто не рискует выходить из спальни комнаты без броника. Максимум, что можно себе позволить — снять шлем, и то исключительно в стенах мэрии. Слава богу — броники рассчитаны и на такую носку.

Чолнар отбросил никчёмный доклад директора фосфорного рудника в сторону и вытащил из общей кучи очередную бумажку.

«Уважаемый витус Чолнар. Доношу до Вашего сведения, что утус Мессир, директор фосфорного рудника, саботирует восстановление и скорейший запуск вышеупомянутого рудника в промышленную эксплуатацию». Чолнар пробежал глазами по тексту. Внизу подпись: «Доброжелатель».

Очередная кляуза. Отличный способ потратить время коменданта города на бесполезное разбирательство. Вот найти бы этого Доброжелателя, да самого назначить директором рудника.

К чёрту! Надоело! Чолнар отбросил кляузу в сторону. Да сколько же можно?

Райской музыкой зазвучал вызов на связь: старший сержант Ганов, командир двадцать пятого взвода. Чолнар накинул шлем на голову и включил связь.

— Добрый день, витус старший сержант, — по глубоко укоренившейся привычке Чолнар выпрямил спину.

— И тебе не хворать, Бес, — ответил Дрын. — А у меня для тебя очень хорошая новость. Танцуй.

Чолнар, затаив дыхание, жадно ловит каждое слово старшего сержанта.

— Есть быть готовым! Конец связи, — Чолнар выключил связь.

Чолнар резко поднялся из-за стола. Старое кресло с массивной спинкой натужно скрипнуло роликами и грохнулось на пол. Чолнар развернулся и от души пнул его. Кресло врезалось в стену и развалилось.

— Наконец-то!!! — во всё горло воскликнул Чолнар.

К чёрту бюрократию! Чолнар схватит охапку листов и принялся неистово их рвать. Серые клочки бумаги полетели по кабинету.

— К чёрту вас всех!

Чолнар схватил со стола древний ноутбук и с превеликим удовольствием разломал его на части. Клавиатура улетела в дальнюю стену, а монитор с грохотом впечатался в пол.

Тяжело дыша, Чолнар опёрся руками о стол. Как легко и приятно. Душа поёт и требует действий. Действий. И ещё раз действий! Впрочем, кое-что осталось. Негоже оставлять недоделанным. Чолнар вытащил из нижнего ящика стола большой жёлтый пакет. Только вчера курьер доставил. Бред полнейший, но для задуманного как нельзя кстати.

— Шатун! Ты где? — Чолнар вызвал на связь младшего сержанта Штуна.

— Слушаю, командир, — отозвался Шатун.

— Дело есть, — Чолнар перешёл на шёпот. — Слушай внимательно и запоминай.

Обстоятельно и ни куда не торопясь, Чолнар рассказал заместителю план действий.

— Всё понял?

— Так точно! — Шатун едва не поёт от радости.

— И верёвку прихватить не забудь, — наполнил Чолнар. — Конец связи.

Через полчаса по приказу Чолнара в небольшом конференц-зале мэрии собрались все без исключения полицейские Бацела. Раздобревший за три месяца витус Олбан, начальник полиции, восседает в первом ряду в окружении прихлебателей. Чолнар, держа жёлтый пакет в левой руке, поднялся на небольшой помост и окинул конференц-зал взглядом. Да-а-а... Жалкое зрелище.

Единую форму для полицейских так и не ввели. Каждый припёрся в собственном прикиде. Единственное, что отличает этот сброд от простых аборигенов — большие повязки на рукавах с буквой «П» и наглые рожи. Раздобрели местные стражи порядка на халявных харчах. Морды хоть прикуривай.

— Все здесь? — на всякий случай спросил Чолнар.

— А как же, уважаемый, — ответил Олбан.

— Отлично, — Чолнар раскрыл жёлтый пакет и вытащил из него листок. — Уважаемые полицейские! Мне, от имени командования Первого ударного флота, поручено поздравить вас с успехами в деле восстановления конституционного порядка в нашей колонии Дайзен-2.

Полицейские довольно зашумели.

— В частности! — перекрывая шум, продолжил Чолнар. — Начальнику полиции города Бацел Нагу Гетвакичу Олбану объявит персональную благодарность, вручить почётную грамоту и, — Чолнар перевёл взгляд на Олбана, — присвоить ему внеочередное звание лейтенанта!

Полицейские зашумели ещё громче. Дряблые щёчки Олбана затряслись от радости. Чолнар вытащил из пакета зелёные погоны.

— Прощу вас, — Чолнар жестом пригласил Олбана на помост.

Начальник полиции поднялся с кресла и, гордо выпятив дряблую грудь, взошёл на помост.

— Поздравляю, — под рукоплескание зала Чолнар протянул Олбану грамоту и погоны.

— Благодарю вас.

Едва Олбан потянулся за наградой, как Чолнар ухватил его за кисть и, заломив руку за спину, припечатал Олбана носом к трибуне. Начальник полиции только крикнул от удивления и боли.

— Не дёргаться! — Чолнар, держа Олбана левой рукой, выхватил из держателя на спине «Эмму» и навел её на обалдевших полицейских.

Дверь с треском распахнулась. В конференц-зал ворвались космические пехотинцы.

— А теперь дружно встали и легли на пол мордами вниз! — покачивая автоматом, приказал Чолнар.

Не понимая, что происходит, с ужасом поглядывая на космических пехотинцев, полицейские послушно легли на пол.

— Шатун, где верёвка? — спросил Чолнар.

— Здесь, командир, — младший сержант Штун показал большой моток красной веревки.

— Отлично. Панкуйте их.

Действуя быстро и ловко, космические пехотинцы прикрутили полицейских к сиденьям на первом ряду. Последним Чолнар лично привязал начальника полиции.

— Ви-и-итус! — испуганно проблеял Олбан.

Начальник полиции не понимает, что происходит. От страха Олбан моментально растерял былой респектабельный вид и вновь превратился в забитого эмигранта третьей категории.

Чолнар поднял с пола грамоту с погонами и вновь взошёл на небольшой помост.

— А теперь, уроды, слушайте сюда. Боевая операция на вашей долбанной Свалке закончена. Мы эвакуируемся. Первый ударный возвращается домой.

Это надо видеть! Полицейские дружно завывали, заплакали, запричитали. Бывший зек пс кличке Мусоропровод забился в истерике, другой, прозванный Рыбой, выпучил глаза и распахнул пасть. Чолнар блаженно улыбнулся. Словно бальзам на израненную душу... Три месяца, целых три месяца, приходилось потакать этим баранам и закрывать глаза на их произвол. Но ничего... Сколько верёвочке не виться, а конец будет.

— А как же я-я-я! — сквозь общий гвалт прорезался голос Олбана.

— А на вас счёт никаких распоряжений не поступало, — ответил Чолнар.

— Аборигены меня убьют! — Олбан завопил ещё громче.

Чолнар спустился с помоста и посмотрел на Олбана в упор.

— Надеюсь, умирать ты будешь долго и мучительно, — Чолнар выпрямился. — А теперь разрешите поздравить вас с повышением.

Чолнар прицепил на плечи Олбана лейтенантские погоны.

— Ну а что бы вы не забыли, за что вам вручили почётную грамоту, вот здесь, — Чолнар ткнул пальцем в листок, — Я специально написал: за сдачу Партизанской базы № 4.

Почётную грамоту Чолнар подпихнул под верёвки, стягивающие Олбана.

— Витус!!! — Олбан забился в истерике и обмочился. — Пощадите! Я на всё готов! На всё согласен! Только заберите меня отсюда!!!

Но Чолнар уже отошёл от начальника полиции.

— Отделение. Слушай мою команду, — воскликнул Чолнар. — Мотаем от сюда!

— Ура-а-а! — восторженно завопили подчинённые.

— Грузимся на «Шельму» и сваливаем! — Чолнар махнул рукой в сторону выхода. — Пошли! Пошли!

— Ви-и-иту-у-сс!

Прощальный писк ударил в спину, но Чолнар только усмехнулся. Аборигены по достоинству оценят лейтенантские погоны и почётную грамоту начальника полиции. Вот, только, интересно, Чолнар большими шагами пересёк вестибюль мэрии: они заставят Олбана их съесть, или запихают куда поглубже? А, впрочем, какая разница. Чолнар выбежал на Центральную площадь.

«Шельма», взревев мощным движком, проломила защитное ограждение и выскочила на середину площади. Весело галдя и подбадривая друг друга, космические пехотинцы залезли на броню. Чолнар последним подбежал к «Шельме». Сильные руки товарищей подхватили его и помогли забраться.

Настоящий солдат ходит налегке, живёт налегке. Для того, чтобы собраться, отделению вполне хватило пяти минут.

— На прощанье салют! — Чолнар вскинул «Эмму» и, почти не целясь, пальнул из подствольника в окно своего бывшего кабинета.

Граната, разбив дешёвое стекло, взорвалась внутри.

— Пусть двери этого дома будут всегда открыты!

Чолнар, дико хохоча, выпустил длинную очередь по входу в мэрию. Дверь из дешёвого пластика разлетелась вдребезги. Дурной пример заразителен. Особенно, если его подаёт сам командир. Космические пехотинцы принялись палить во всё подряд.

Стены окружающих площадь домов покрылись длинными цепочками следов от пуль. Несколько гранат разорвались на прилегающих улицах, а парочка влетела в мэрию.

— Поехали! — скомандовал Чолнар.

«Шельма» рывком сорвалась с места. Чолнар, заменив пустой магазин, поднял «Эмму». Длинная очередь разворотила большой светильник под сводчатым потолком. На землю звенящим градом посыпались стеклянные осколки. Центральная площадь тут же погрузилась во тьму.

Сбивая фонари и ломая скамейки, «Шельма» сделал круг по площади и выскочила в туннель. Впереди закрытый шлюз, но, не дожидаясь команды, загрохотала 30 миллиметровая

пушка. Снаряды в момент разнесли стальные ворота. Не снижая скорости, БМП покатила дальше.

Внешние ворота разделили судьбу внутренних. Торжественно ревя мотором, «Шельма» выскочила наружу под зелёное небо Свалки. Чолнар, сидя на броне, бросил последний взгляд на убегаящую в даль гору, под которой закопан Бацел. Как же приятно покинуть это богом забытое место. Пусть аборигены живут как хотят. Если им так нужна независимость, так пусть подавятся ей.

«Шельму» трясёт и раскачивает на разбитой дороге. Минут через десять, подальше от гор, третье отделение подберёт «Торнадо». И всё! Этот дурдом закончится. Навсегда.

Глава 31. Ущелье ветров

Несколько сотен солдат Народной армии самообороны Дайзен-2, огибая гору Лакмара по широкой дуге, уходят от уничтоженного Финдоса в сторону разрушенной Глотки. Пусть само здание некогда самой большой на планете тюрьмы вот уже четыре местных года как в руинах, но название буквально впиталось в то место.

Чаг Ратаг на миг остановился и бросил взгляд назад. Несколько сотен — все, кто только успел выскочить из Финдоса на поверхность. Остаётся надеяться, что нижние уровни города не пострадали.

Облегчение. Невероятное моральное облегчение довелось пережить в тот момент, когда по связи пришло обнадеживающее сообщение: ядерный взрыв в Финдосе не более, чем шантаж. Подробности будут позже, а пока ясно одно: Первый ударный повернул домой.

Чаг посмотрел на Лакмару. Гора похожа на оживший вулкан. Вершина обвалилась, а из глубокий щелей струится серый дым. Датчик радиоактивности тревожно попискивает. Вместе с частичками земли взбесившиеся атомы осели на борге, так что впереди ждёт полная дезактивация. Чаг понурил голову. Их обучили правилам поведения при ядерном взрыве: как прятаться, как выходить, как принимать душ в борге. Но... Глубоко в душе всегда жила надежда, что эти знания так и останутся не востребованными. Потребовались, да ещё как.

Радоваться бы надо. Как ни как, а маленькая колония во второй раз щёлкнула могучую метрополию по носу. Чаг печально вздохнул. Лилипут умудрился тяпнуть гиганта за пятку и остаться в живых.

На душе ни малейшей искорки радости. Ни малейшего кусочка восхищения. Вообще ничего. Да и товарищи по оружию не испытывают ничего подобного. Несколько сот человек как будто возвращаются с похорон.

В некотором роде так оно и есть. Чаг снова посмотрел на Лакмару. В сердце отравленной иглой вонзилась мысль — Финдоса больше нет. Один Великий Создатель ведаёт, сколько здоровых молодых парней осталось под развалинами столицы. Космические пехотинцы прекрасно понимали, что делали: взорвали ядерную бомбу внутри, а не снаружи. Ущерб по максимуму. Не исключено, что и второй городской уровень полностью обвалился.

С каждым шагом ветер крепчает всё больше и больше. Но это не буря, не шторм. Там дальше, впереди, Ущелье ветров. Северный ветер упирается в горы кратера Финдос и с трудом протискивается сквозь узкое ущелье. Там всегда ветрено, даже если на Северном плоскогорье царит полный штиль. Впрочем, через километр ветер стихнет.

Неожиданно впереди взметнулись высоченные столбы дыма, а с небес упал грохот.

— Воздух! — последовала запоздалая команда.

Но и без напоминания Чаг отпрыгнул в сторону и закатился за ближайший камень.

АКИ.

Аэрокосмические истребители в полной тишине прошли над головой. Через несколько мучительных секунд вслед за ними прогрохотал рёв реактивных двигателей. Но, Чаг посмотрел на уходящие на юг истребители, их цель не растянутая на несколько километров цепочка деморализованных солдат Народной армии. Хуже.

Чаг поднялся на ноги. Сильный ветер разметал столбы чёрного дыма. Там, где АКИ сбросили планирующие бомбы, находится крупнейшая на планете электростанция. Точнее,

две электростанции, Западная и Восточная ветровые электростанции. Ещё точнее, были две крупнейшие на планете электростанции.

За месяцы войны космические пехотинцы не тронули ни одну электростанцию, завод, фабрику или рудник. Прекрасно понимали, сволочи: самим же восстанавливать. Лишние расходы, недовольство и всё такое. Но теперь... Чаг от злости пнул валун. Чертовски умно с их стороны. И как только об этом раньше никто не подумал.

Пусть отцы-командиры Первого ударного не стали уничтожать гордую колонию, но напоследок громко хлопнули дверью. То есть решили нанести максимально возможный вред экономике Дайзен-2. Теперь, вместо того, чтобы готовиться к последнему и самому решительному сражению, придётся из всех сил восстанавливать порушенную экономику. В первую очередь энергетику. Без электричества не заработает ни один завод, рудник или ферма. Без электричества не будет ни чистой воды, ни еды, ни воздуха. Вообще ничего не будет.

Словно вареные, солдаты Народной армии поднялись с земли и вновь зашагали на запад понуриив головы. Чаг поправил на плече автомат. Единственное светлое пятно на столь мрачном фоне: ему самому всё же удалось пройти через горнило бесконечных сражений без единой царапины. Удалось выжить и уцелеть там, где многие товарищи по оружию сложили головы. Один только рейд в Изумрудную долину и крупнокалиберные снаряды «Млад» чего стоят. Великий Создатель есть и он подарил таки творению своему крупицу своего божественного внимания.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Череповец, февраль 2014 года.

Об авторе

Разрешите представиться: Волков Олег, писатель, блоггер, бета-ридер.

В Интернете много самых разных писателей, профессиональных и талантливых. Но и мне есть чем похвастаться.

Главная особенность моего творчества в том, что я пишу не только красиво, а ещё реалистично, насколько такое вообще возможно в фантастике как в литературном жанре. В моих произведениях вы не найдёте ляпов, багов, глупостей и подгонки желаемого под действительное. Поверьте: на этом поприще у меня крайне мало конкурентов. Ведь даже в произведениях мэтров российской фантастики полно несуразностей.

Сюжеты своих произведений я моделирую самым тщательным образом. Никогда и ни за что не приношу правдивость и реалистичность в жертву глупой зрелищности и супергеройству.

Надеюсь, вам понравится.

С уважением.